

Ю. М. Килин

Пограничная окраина великой державы: Советская Карелия в 1923—1938 гг.

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2012

ISBN 978-5-8021-1500-8

9 785802 115008

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. М. Килин

**Пограничная окраина великой
державы: Советская Карелия
в 1923—1938 гг.**

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2012

УДК 94(470.22)
ББК (2Р–6К)7
К 392

Рецензенты:

С. Г. Веригин

кандидат исторических наук, доцент, ПетрГУ

Г. В. Чумаков

кандидат исторических наук, доцент, ПетрГУ

Издается в рамках реализации комплекса мероприятий
Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Килин, Ю. М.

К 392 Пограничная окраина великой державы: Советская Карелия в 1923—1938 гг. / Ю. М. Килин. — Электрон. дан. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2012. — 1 электрон. опт. диск (CD-R) ; 12 см. — Систем. требования: PC, MAC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; Windows, MAC OSX ; 256 Мб ; Видеосистема: разрешение экрана 800x600 и выше ; графический ускоритель (опционально) ; мышь или аналогичное устройство. — Загл. с этикетки диска.

ISBN 978-5-8021-1500-8

№ гос. регистрации — 0321204296

В монографии рассматриваются проблемы экономического и политического развития Советской Карелии в межвоенный период, обосновывается тезис о зависимости процессов в этой приграничной автономной республике от характера отношений с Финляндией, положения на западной границе СССР и общей геополитической ситуации в Евразии.

The monograph deals with the problems of economic and political development of Soviet Karelia in the interwar period. The key thesis of this book is the dependence of these processes in this border-situated autonomous republic on the nature of relations with Finland, the situation on the western border of the USSR and the overall geopolitical situation in Eurasia.

УДК 94(470.22)

ББК (2Р–6К)7

Системные требования:

PC, MAC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше. Windows, MAC OSX. ОЗУ 256 Мб.
Видеосистема: разрешение экрана 800x600 и выше, графический ускоритель (опционально), мышь или аналогичное устройство. Adobe Acrobat Reader.

© Килин Ю. М., 2012

© Петрозаводский государственный университет, 2012

ISBN 978-5-8021-1500-8

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5—16
Глава 1. От Карельской Трудовой Коммуны к КАССР	17—27
Глава 2. Выбор варианта экономического развития Советской Карелии	28—43
Глава 3. Восточная Карелия в военном планировании Генштаба финляндской армии	44—50
Глава 4. Беломорско-Балтийский канал как элемент военной стратегии СССР	51—58
Глава 5. Основные проблемы экономического развития КАССР в 1920—1939 гг.	59—74
Глава 6. Первая финнизация Советской Карелии	75—82
Глава 7. Конец эпохи «красных» финнов	83—95
Заключение	96
Summary	99
Примечания	101
Список источников и литературы	111
Краткие биографические справки	118
Приложения	134

Договор о ненападении и о мирном улажении конфликтов (между Финляндией и Советским Союзом)	134
Протокол о продлении договора о ненападении и о мирном улаживании конфликтов, заключенный между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией 7 апреля 1934 г.	138
Географический указатель	140
Именной указатель	142
Список сокращений	143

ВВЕДЕНИЕ

В своем развитии историография межвоенного периода истории Советской Карелии прошла через два основных этапа — Советский и постСоветский. В кратком историографическом обзоре по представляющей для нас интерес тематике мы сконцентрируем внимание на исследовательских работах, опубликованных после распада СССР.

Как будет показано ниже, проблематика, связанная с экономическим развитием Карелии в довоенный период до настоящего времени изучена недостаточно, несмотря на наличие ряда исследовательских работ, посвященных отдельным аспектам этой темы [Юргенс. 1961, 1963, 1964; Рыбак]. Общей чертой работ, изданных до начала 1990-х гг., является преувеличение масштабов индустриализации и темпов экономического развития хозяйства республики.

Следует отметить, что в изучении истории довоенной Карелии до середины — конца 1990-х гг. преобладали политические сюжеты. Во второй половине 1990-х гг. вновь стали появляться исследования, опирающиеся на новые архивные материалы, в которых рассматриваются проблемы экономического развития Карелии в довоенный период, в частности, осуществление коллективизации и развитие сельского хозяйства [Никитина. 1995, 1997].

В рамках исследовательского проекта, реализованного в 1993—1996 гг., которым руководил доктор философии А. Лайне (Antti Laine), изучалось функционирование ключевой отрасли автономной республики — лесной [Autio. 1995]. В 2002 г. была опубликована ее докторская диссертация «Suunnitelmatalous Neuvosto-Karjalassa 1928—1941» («Плановая экономика в Советской Карелии 1928—1941») [Autio. 2002].

В этой этапной для своего времени монографии на основе неопубликованных источников из центральных архивов Российской Федерации (РГАСПИ, ГАРФ, РГАЭ) и Национального архива Республики Карелия, а также Национального архива Финляндии рассматривается широкий спектр проблем. Среди них — переход от НЭПа к плановой экономике, особые хозяйственные права АКССР и отказ от них, лесозаготовки и способы транспортировки древесины, начало технологического перевооружения лесной отрасли и ряд других.

С. Аутио отмечает ряд характерных особенностей экономики приграничной автономной республики: передача распоряжения природными ресурсами, прежде всего лесом, центральным хозяйственным органам СССР, ее подчинение общесоюзным задачам для увеличения лесного экспорта с целью финансирования масштабной Советской индустриализации. Исследователь первой из ученых отметила одну из главных проблем лесной промышленности Советской Карелии — постепенный отказ от экспорта дешевых на мировом рынке пиломатериалов и вынужденный переход к экспорту круглого леса, что снизило расходы Москвы на субвенции лесной отрасли автономной республики [Autio. 2002. S. 305].

В монографии отмечается фиаско планов «красных» финнов — руководителей АКССР повторить опыт индустриализации Скандинавских стран и Финляндии. Главным препятствием на этом пути стало невыполнение планов капиталовложений в развитие лесопиления и производств по глубокой переработке древесины для производства продукции с высокой добавленной стоимостью со стороны центральных хозяйственных органов СССР. Создание Беломорско-Балтийского комбината в 1933 г. завершило этот процесс. Комбинат стал быстро развиваться как самостоятельная, технологически более совершенная хозяйственная структура, без связи с общим развитием экономики Советской Карелии [Autio. 2002. S. 306].

Дефицит рабочей силы в лесной экономике республике с преобладанием ручного труда в первой половине 1930-х гг. окончательно превратился в основное препятствие для развития отрасли. «Красные» финны предлагали решить эту проблему, импортируя квалифицированную зарубежную рабочую силу, прежде всего американских финнов-эмигрантов первого поколения, для чего использовались значительные капиталовложения. Центр предложил более дешевый вариант, менее затратный, решения проблемы — использование бесплатного принудительного труда заключенных УСЛОНа — ГУЛАГа. Последней попыткой решить проблему дефицита рабочей силы стало начиная с 1934 г. использование на лесозаготовках труда колхозников [Autio. 2002. S. 306].

Оценивая характер отношений между союзным центром и АКССР, С. Аутио приходит к выводу о том, что концептуально его можно обозначить как внутренний колониализм. Примером этого колониализма автор считает дорожное строительство в автономной республике, служившее интересам

Москвы, а не внутренним потребностям Советской Карелии. Практически же внутренний колониализм сформировался после создания ББК, превратившийся в мощный индустриальный центр внутри пограничной республики и административно напрямую подчинявшийся союзному центру. Хищнические вырубки леса в прилегающих к дорогам районах, по мнению автора, также свидетельствовали о колониальном характере политики центра в отношении Карелии. Конечным результатом этой политики стала экономическая неразвитость автономной республики [Autio. 2002. С. 309—311].

В концептуальной схеме этого автора недостает важного звена, учета специфики пограничного географического положения Советской Карелии, и ее менявшейся роли в геополитических расчетах военно-политического руководства СССР. Отказ от индустриализации, масштабного строительства шоссейных и железных дорог в этом регионе Советского Союза определялся не колониальным характером политики центра в отношении этой части государственной периферии, а вполне конкретными решениями союзного руководства, учитывавшего военную опасность со стороны Финляндии, которая реализовалась в 1941—1944 гг.

С начала 1990-х гг. на волне общественного интереса к теме сталинских репрессий и либерализации доступа к некоторым архивным материалам появились работы об использовании труда заключенных Беломорско-Балтийского комбината, оставленных осваивать природные богатства Карелии после завершения его строительства [Чухин. 1990, 1999; Макуров].

В монографии О. В. Хлевнюка рассмотрены проблемы репрессивной политики, осуществлявшейся в СССР в 1930-х гг.: показаны экономические, социальные и политические причины проведения репрессивных мероприятий, выделены основные этапы и определена их специфика [Хлевнюк. С. 11—14, 74—84, 87].

Первая волна репрессий в Карелии, жертвами которой стали несколько сот человек по делу о «заговоре финского генштаба», освещена в статье, основывающейся на материалах архива УФСБ по Республике Карелия [Репухова. С. 85—99].

Тема репрессий, проводившихся в КАССР в 1937—1938 гг., наиболее подробно изучалась доцентом ПетрГУ И. Р. Такала, определившей на основе архивных данных количество арестованных и осужденных внесудебными органами в 1937—1938 гг. [Такала. 1991. С. 92—104; 1993. С. 111—128]. В соответствии с этими данными острота репрессий было направлено против немногочисленного финского населения Карелии. Из общего числа арестованных и осужденных в 1937—1938 гг. финны, численность которых в середине 1930-х гг. немного превышала 3% населения КАССР, составили 40% всех репрессированных (карелы — 27%, русские — 25%) [Такала. 1998. С. 196, 199].

И. Р. Такала внесла, помимо этого, вклад в изучение истории финского населения Карелии в предвоенный период [Такала. 1993. С. 91—110; 1992. С. 150—175; 1994. С. 173—180]. Согласно ее подсчетам, к середине 1930-х гг. общая численность финнов, проживавших в КАССР, достигла примерно 15 тыс. человек, что позволяет сделать вывод об ограниченном характере миграционной политики «красных» финнов, имевшей целью увеличение национального населения автономной республики, чему противодействовали представители ОГПУ — НКВД [Такала. 1993. С. 14].

Наибольший вклад в исследование развития культуры в Карелии рассматриваемого периода внесла А. И. Афанасьева, в работах которой подробно разработаны проблемы культурных преобразований в республике: развитие системы народного образования, формирование национальной интеллигенции, языковая политика карельских властей на разных этапах [Афанасьева. 1987, 1989]. Проблемы демографии Советской Карелии, изученные по материалам переписей населения, рассмотрены в монографии И. П. Покровской [Покровская. 1978].

В 2000 г. было опубликовано крупное исследование ранней политической истории Советской Карелии, докторская диссертация финляндского исследователя М. Кангаспуру, которую можно считать достаточно полной и завершенной политической историей Советской Карелии 1920—1939 гг. [Kangaspuuro. 2000].

В этой объемной монографии проанализирован широкий круг как общих проблем федерализма, национализма, права наций на самоопределение в европейском и Советском контексте, так и весь спектр частных вопросов создания и функционирования государственности, автономии, в пограничной Карелии. Подробно описывается первая финнизация Советской Карелии, попытка ее культурной модернизации на основе финского языка, приобретение и реализация уникальных для автономных образований РСФСР и СССР особых экономических прав, формирование национальной воинской части — карельского егерского батальона, функционирование в Карелии ГУЛАГа.

Источниковой основой монографии являются неопубликованные архивные материалы центральных архивов Российской Федерации (ГАРФ, АВП РФ, РГАСПИ), Национального архива и архива министерства иностранных дел Финляндии, ЦГАИПД (Санкт-Петербург), Национального архива Республики Карелия. Все сюжеты политической и, частично, экономической, истории Советской Карелии рассматриваются в объемной диссертации весьма подробно с использованием всей имеющейся в конце 1990-х гг. исследовательской литературы.

Рассмотрев раннюю историю Советской Карелии, М. Кангаспуру сделал вывод о компромиссе, на который пошли большевики, создав федеративное государство, в котором национальные республики представляли собой политическую форму адаптации к новой Советской системе, политиче-

ским идеалом которой было сильное централизованное государство. В то же время само наличие союзных и автономных республик усиливало национальное самосознание, что создавало почву для этнических кризисов [Kangaspuro. 2000. S. 384—385].

Автор монографии замечает, что в наибольшей степени противоречия между центральной властью СССР с одной стороны и Советскими союзными и автономными республиками, с другой стороны, проявились в ходе реализации первого пятилетнего плана экономического развития страны. Конфликт центр — периферия стал причиной националистических и, в отдельных случаях, антирусских настроений в национальных республиках СССР, что воспринималось в Москве как потенциально разрушительная тенденция, угрожавшая достижению общесоюзных целей. При этом недовольство периферии своим положением объяснялось исключительно экономическими интересами республик и их положением в системе управления Советским государством. Союзные власти, в свою очередь, воспринимали это недовольство как проявление антирусских настроений в национальных республиках, фактически перейдя после 1932 г. к политике русификации.

Как полагает М. Кангаспуру, в приграничной Советской Карелии главный вопрос для центральных властей СССР заключался в определении культурной идентичности автономной республики, ее либо карельско-русской, либо карельско-финской ориентации. «Красные» финны-руководители Советской Карелии представляли в республике внешнее западное влияние, они были своеобразным мостом во враждебный западный капиталистический мир, в то время как для Москвы важнейшим вопросом была лояльность карелов Советскому государству. Вскоре после удаления из КАССР в 1935 г. ее финского руководства началось внедрение новой, восточной, идентичности карелов с использованием антифинских настроений в Южной Карелии [Kangaspuro. 2000. S. 385].

В 2011 г. московское издательство «Российская политическая энциклопедия» опубликовала монографию британского историка Н. Барона «Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920—1939». Из всей исследовательской литературы, анализируемой нами, эта монография является наименее профессиональной.

В ее основе — докторская диссертация (PhD), защищенная автором в университете г. Бирмингем в 2001 г. под названием «Soviet Karelia, 1920—1937. A study of Space and Power in Stalinist Russia». В 2007 г. она была опубликована как монография «Soviet Karelia. Politics, Planning and Terror in Stalin's Russia, 1920—1939» в Лондоне и Нью-Йорке.

Первые три главы этой книги представляют собой хаотичный набор эмпирического материала, изложенного в непоследовательной и лишенной структуры форме. Эта часть работы наполнена большим количеством серьезных фактических ошибок, заметно снижающих ее общую научную ценность.

Вторая часть книги Н. Барона, последние три главы, представляет собой определенную эмпирическую ценность. Одним из центральных сюжетов монографии является экономическое планирование в Советской Карелии — один из немногих сюжетов, не считая тщательно выписанной истории УСЛОНа и ГУЛАГа (шестая, последняя, глава книги — ее наиболее фактологически ценная часть в которой автор тщательно детализирует концептуально известную и до него тему отношений в четырехугольнике Ленинград — РСФСР — СССР — автономная Карелия).

Скрупулезно рассмотрены темы особых экономических прав АКССР и формирования ее бюджета в ходе борьбы указанных выше центров власти, между которыми Карелия Э. Гюллинга до лета 1935 г. успешно маневрировала.

В 2004 году в монографии двух отечественных авторов впервые была подробно освещена деятельность финской разведки, военной и политической, направленная против Советского Союза [Лайдинен, Веригин]. В своей работе органы разведки активно использовали в агентурной работе националистические карельские и ингерманландские организации, карелов и финнов-ингерманландцев из числа беженцев с территории Ленинградской и Мурманской областей. По неполным данным, собранным авторами, за период 1918—1939 гг. было арестовано 35 агентов финских спецслужб [Лайдинен, Веригин. С. 218—219].

Эта специфическая тема получила более полное освещение в монографии двух рано ушедших из жизни авторов — Ээро Эльвенгрена, военного историка, исследователя из Финляндии, и Эйнара Петровича Лайдинена, кандидата исторических наук, научного сотрудника ПетрГУ. В этом исследовании, опирающемся на широкий круг прежде недоступных для ученых источников, сделаны важные для нашей темы наблюдения. В 1920—1930-е гг. в СССР, прежде всего на сопредельной с Финляндией территории, в Ленинградской области, Советской Карелии, Мурманской области, действовали сотни агентов нескольких финляндских спецслужб, в первую очередь военной разведки [Elfvengren, Laidinen. S. 294].

В связи с усилением контрразведывательной деятельности ОГПУ — НКВД, широким использованием органами собственной агентурной сети на Советской территории, выявлявшей финскую агентуру, к 1939 г. возможности разведслужб Финляндии в получении достоверных разведанных на территории СССР были серьезно ограничены, и не выходили за пределы 50-километровой пограничной полосы. Серьезное негативное воздействие на них оказали массовые высылки ингерманландцев из приграничных районов Ленинградской области и карелов и финнов из КАССР. Агентурные сведения, получаемые финляндскими разведорганами, накануне Советско-финляндской войны были недостаточными и, как оказалось после начала войны, недостоверными [Elfvengren, Laidinen. S. 294—295].

Для компенсации дефицита разведанных, поступавших агентурным путем, финны активно использовали закупленные в 1937 г. в Великобритании

и оснащенные современными широкоплечными фотокамерами скоростные самолеты-бомбардировщики «Бленхейм», практический потолок полета которых достигал 8310 м. Только в апреле — августе 1939 г. было совершено по меньшей мере 23 разведывательных полета над территорией СССР. [Elfvengren, Laidinen. S. 295].

Согласно подсчетам авторов, по неполным данным, в 1918—1939 гг. финляндские спецслужбы отправили в Советскую Карелию 135 агентов, совершивших в общей сложности 295 разведывательных выходов за границу. 80% этих агентов, собиравших сведения у собственной многочисленной агентуры на Советской территории, были карелами, бежавшими в Финляндию в период революции и гражданской войны.

Пик этой деятельности пришелся на 1921—1927 гг., когда в среднем в год совершалось 22—24 пересечения границы агентами с целью сбора разведанных. В последующие годы интенсивность этой деятельности снизилась до 13—17 разведывательных выходов, что было вызвано ростом профессионализма контрразведывательных органов СССР. В 1939 г. только 9 агентов пересекли границу с СССР.

Основной вывод авторов заключается в том, что карельское ГПУ и контрразведка успешно решили поставленную им задачу пресечения шпионажа со стороны Финляндии. Им удалось предотвратить создание устойчивой агентурной сети в Советской Карелии и ликвидировать разведывательные ячейки финляндских спецслужб на приграничных территориях [Elfvengren, Laidinen. S. 306—307].

Отметим общие черты историографии по нашей теме. Для большей части современных работ по истории Карелии характерна узкая специализация и выборочность тем исследования, а источниковая база по преимуществу ограничивается материалами местных архивов, за исключением трех отмеченных выше работ зарубежных авторов. Имеющаяся исследовательская литература освещает отдельные аспекты создания карельской автономии, культурной и миграционной политики, а также коллективизации.

Используемый исследователями дескриптивный метод, наряду с известными преимуществами (аккумуляция первичного знания), обладает крупными недостатками, не позволяя выходить на уровень анализа и обобщения. Общее состояние историографии Советской Карелии и недостаточный уровень интеграции в дискурс финноязычной литературы определили переходный характер сводной работы по истории Карелии [История Карелии с древнейших времен до наших дней].

Раскрытие темы данного исследования было бы невозможно без широкого использования материалов ряда отечественных и зарубежных архивов, составляющих источниковую базу монографии. Эта группа источников, представленная в основном документами государственных органов СССР и Финляндии, отличается высокой степенью достоверности и позволяет

решить исследовательские задачи. Подавляющая часть этих источников была рассекречена и в России, и в Финляндии в 1990-е гг.

Обращение к широкому кругу впервые вовлекаемых в научный оборот архивных источников дало возможность определить место и роль Карелии в планах Советского руководства в 1920—1930-е гг., поместить политику центра, осуществлявшуюся в пограничной автономии, в широкий контекст европейской и глобальной политики СССР.

Массовое использование новых архивных источников в настоящем исследовании лимитирует возможности проведения основательного источниковедческого анализа конкретных документов и материалов и заставляет ограничиться характеристикой основных групп источников, выделяя их общие и специфические черты. По происхождению изученные архивные источники делятся на дипломатические (материалы НКВД, хранящиеся в АВПРФ), военные (документы оперативного планирования, находящиеся в РГВА, РГА ВМФ и *Sota-arkisto*), экономические (материалы союзных и республиканских наркоматов, хранящиеся в РГАЭ, ГАРФ, ЦГА РК) и политические (документы партийных органов, находящиеся в РЦХИДНИ, ЦГАИПД, ГАОПДФ РК, *Kansallis-arkisto*). Во многих случаях документы, входящие в одну из выделенных групп, хранятся не в профильных архивах.

Особый интерес представляют находящиеся в архиве внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) и впервые вовлекаемые в научный оборот материалы референтур НКВД по Финляндии и Карелии, фондов народных комиссаров иностранных дел Г. В. Чичерина, М. М. Литвинова, В. М. Молотова и их заместителей. Они дают возможность проследить сложные перипетии попыток решения карельского вопроса в первой половине 1920-х гг., а также определить место, которое занимала Карелия в системе Советско-финляндских отношений в последующий период.

Конфиденциальная переписка отдела Прибалтики и Польши НКВД, а затем Западного отдела, с полномочными представителями СССР в Финляндии позволяет довольно подробно охарактеризовать различные подходы внешнеполитического ведомства Советского государства к решению карельского вопроса. Ценность этих источников, рассекреченных в начале 1990-х гг., заключается в том, что участниками переписки являлись полпреды СССР в Финляндии и курировавшие эту страну руководители НКВД, что позволяет достоверно реконструировать процесс принятия решений, имеющих важное значение для раскрытия темы.

Изученные материалы дали возможность сформулировать вывод о решающем значении внешнеполитического фактора в создании карельской автономии и ведущей роли НКВД в принятии решения об образовании Карельской Трудовой Коммуны в июне 1920 г., а впоследствии — преобразовании автономной области в республику. Материалы НКВД, относящиеся к Карелии, охватывают период с 1920 по 1926 г., после чего внешнеполитическое

ведомство в связи с изменением ситуации практически перестало принимать участие в решении проблем автономной республики.

Материалы Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург), рассекреченные в начале 1990-х гг., дают представление о значении северо-западного театра военных действий и о роли, отводившейся Карелии в обеспечении безопасности Советского государства. Исползованные в монографии материалы оперативного планирования штаба РККФ, хранящиеся в РГА ВМФ, охватывают почти весь изучаемый период, с 1920 г. до начала Советско-финляндской войны.

Комплексный характер этой группы изученных источников дал возможность впервые выделить основные этапы Советско-финляндских отношений. Специфика первого этапа (1920—1924 гг.) заключалась в том, что Советское руководство относилось к Финляндии в этот период как к враждебному государству, рассчитывая на победу мировой революции и возвращение к имперским границам 1914 г. В 1924—1930 гг. Финляндия учитывалась как нейтральное государство в случае войны на Западе. С лета 1930 г. Финляндия в силу раскрываемых ниже причин была переведена в категорию безусловных противников СССР. Выделение и обоснование этих этапов имеет практическое значение для раскрытия избранной темы.

До начала 1930-х гг. роль военно-морских сил в стратегии Советского государства, как следует из документов, хранящихся в РГА ВМФ, была весьма незначительна. К 1930 г. в связи с нарастанием военной угрозы со стороны Японии, обладавшей мощными ВМС, выявилась необходимость соединения дополнительной транспортной магистралью Европейской части СССР с Дальним Востоком. В 1933 г. в Карелии было завершено строительство Беломорско-Балтийского канала, предназначенного для переброски боевых кораблей из Балтийского моря в Баренцево. По Северному морскому пути корабли следовали бы затем до Владивостока. В 1936 г. на Кольском полуострове началось сооружение крупнейшей в СССР военно-морской базы, опираясь на которую Советское руководство рассчитывало оказывать влияние на европейскую и мировую политику. Охарактеризованные глобальные стратегические расчеты и отнесение Финляндии к безусловным противникам обусловили радикальный пересмотр центром своей политики в пограничной Карелии начиная с 1930 г.

Обоснованность выделения вышеуказанных этапов подтвердили материалы, хранящиеся в Российском государственном военном архиве (документы управления Ленинградского военного округа за 1920—1941 гг., управлений Генерального штаба РККА и ряд других материалов). Помимо этого, изучение документов, находящихся в РГВА, позволило сформулировать вывод, исключительно важный для понимания характера политики Советского государства, осуществлявшейся в Карелии. С 1924 г. и до начала войны с Финляндией северо-западный ТВД рассматривался Советским военно-политическим руководством как второстепенный, так как ЛВО противостоял

слабым в военном отношении государствам — Эстонии, Латвии и Финляндии. Это обусловило сокращение средств, выделяемых на строительство военно-гражданской инфраструктуры на территории ЛВО, в том числе в Карелии, и стало основной причиной невыполнения пятилетних планов экономического развития республики. Сложившаяся к 1939 г. ситуация серьезно ограничивала возможности СССР в проведении силовой политики в отношении Финляндии.

Материалы фондов Совета Труда и Оборона СССР при Совете Народных Комиссаров СССР и Комитета Оборона при Совете Народных Комиссаров СССР (ГАРФ) позволили довольно подробно охарактеризовать имевшее принципиальное значение для экономического развития Карелии решение об отнесении значительной части ее территории к категории особо угрожаемой в военном отношении. В первоначальном варианте постановления Распорядительного Заседания СТО, принятого в начале 1928 г., вся территория Карелии была включена в эту категорию, однако лишь в 1930 г., в связи отнесением Финляндии к безусловным противникам СССР, это решение было утверждено и девять пограничных районов КАССР получили статус особо угрожаемых.

В совокупности с документами секретных описей Управления делами СНК СССР материалы СТО и Комитета Оборона дают также представление об остроте кризиса, переживаемого накануне Второй мировой войны отраслью, производившей порох и взрывчатые вещества, а также о технологическом отставании, существовавшем в этой сфере экономики СССР. Сложившаяся ситуация во многом объясняет стремление Советского руководства таким образом делимитировать новую государственную границу между СССР и Финляндией в 1940 г., чтобы обеспечить военно-экономические потребности государства, готовившегося к мировой войне.

Ключевое значение для оценки обоснованности отнесения в 1930 г. Карелии к категории особо угрожаемых в военном отношении территорий, что повлекло за собой коренной пересмотр политики центра в отношении пограничной автономии, имеют документы, хранящиеся в военном архиве Финляндии. Часть из них впервые вводится в научный оборот. В материалах оперативного планирования Генерального штаба финляндской армии содержатся сведения о предвоенных планах в отношении Восточной Карелии. Основательная монография по этой теме написана генералом в отставке Реймо Аримо [Arimo. 1987], в исследовании которого, однако, опущены некоторые весьма существенные детали.

Обращает на себя внимание хронологическое совпадение отмеченного выше решения о переводе части территории Карелии в категорию особо угрожаемой с принятыми командованием финляндской армии оперативными директивами, которые предусматривали овладение большей частью Восточной Карелии и выход к реке Свирь. Следует особо отметить, что

в настоящей работе используются лишь оперативные планы финляндской армии, в соответствии с которыми войска действовали в случае войны.

Рассекреченные в 1989 г. материалы разведотдела Генерального штаба финской армии дают представление об уровне информированности финляндских военных о политико-экономическом положении в Карельской АССР. Командование финляндской армии было осведомлено о состоянии экономики и недостаточном развитии военно-гражданской инфраструктуры, а также низком жизненном уровне населения Карелии, что учитывалось при планировании военных операций.

Документы Центральной сыскной полиции, Валпо (Государственной полиции Финляндии), хранящиеся в Национальном архиве, содержат достаточно полный набор сведений о состоянии экономики Карелии, политических процессах, происходивших в республике в 1920—30-е гг., и дают представление о тех материалах, на основании которых в Финляндии принимались решения и выработывалась политика в отношении СССР. Основным источником этих сведений были допросы выехавших и бежавших из СССР людей, в большинстве своем карелов, финнов и ингерманландцев. Постоянное перемещение через границу больших масс людей, владевших русским и финским языками, особенно в 1920-х и начале 1930-х гг., создавало самые благоприятные возможности для разведслужб обеих стран в получении информации и вербовке агентуры [*Иноземцев, Никошенко*].

В монографии широко используются материалы карельских архивов — ЦГА РК и НА РК (бывший архив Карельского обкома КПСС), а также Управления ФСБ по Республике Карелия, большая часть которых впервые вовлекается в научный оборот.

Привлечение местных архивных материалов носит массовый характер, вследствие чего представляется целесообразным охарактеризовать лишь наиболее важные из них.

В фондах НА РК сохранились документы партийной организации КТК — КАССР первой половины 1920-х гг., из которых следует, что большая часть местных большевиков активно противодействовала созданию карельской автономии в 1920 г., а затем, до осени 1922 г., составляла оппозицию политике центральных властей, проводившейся в Карелии. Влиятельная оппозиция была окончательно подавлена по инициативе руководства РСФСР в соответствии с планом, предложенным Карельским областным отделом ГПУ.

В ЦГА РК находятся впервые вводимые в научный оборот материалы суженного заседания СНК КАССР, специального органа, разрабатывавшего и координировавшего выполнение военно-экономических мероприятий на территории республики. Начало деятельности СУЗ относится к 1930 г., и этот орган был учрежден в связи с отнесением Финляндии к категории безусловных противников СССР и необходимостью осуществления военно-экономических мероприятий вследствие возрастания военной опасности. Эф-

фективность деятельности этого органа, как следует из протоколов заседаний СУЗ, вплоть до 1939 г. была весьма низкой, так как средства на оборонное строительство в Карелии выделялись центральными властями в ограниченных объемах, по причине второстепенного значения этого ТВД. Таким образом, состояние и особенности охарактеризованных источников, их достоверный характер и объективность, а также возможность проведения взаимной верификации, позволяют концептуально реконструировать основные политические и экономические процессы в их взаимосвязи и взаимозависимости в Советской Карелии в межвоенный период. Системный подход, в котором учитываются геополитические, военно-стратегические, политико-дипломатические, социально-политические, этнические и экономические факторы, позволяет избежать ограничений, вызываемых узкой специализацией или идеологической ангажированностью.

ГЛАВА 1. ОТ КАРЕЛЬСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ К КАССР

Карельское восстание и последовавший обмен нотами о статусе Карелии между Финляндией и РСФСР окончательно закрепили за «красными» финнами-эмигрантами их руководящие позиции в КТК — КАССР [Kangaspuro. 1998. P. 119—124]. Политические уроки, извлеченные Москвой из карельского восстания, заключались, прежде всего, в том, что в КТК необходимо было найти такой вариант решения национального вопроса, который бы исключал возможность повторения драматических событий*. Единственным выходом из ситуации было предоставление дополнительных прав финнам-эмигрантам, находившимся в Карелии с 1920 г., и подавление оппозиции финнизации КТК в среде руководителей различного уровня — карелов и русских [Levkojev. 1997. S. 133].

Решение о начале политики финнизации** в Карелии было принято на заседании оргбюро ЦК РКП(б), состоявшемся 6 марта 1922 г., вскоре после подавления восстания¹. Заседание под председательством И. В. Сталина

* По мнению И. В. Сталина, Коммуна не имела «правильного политического характера», не соответствуя существу автономии. Фалинов Ю. Н. Становление Карельской Трудовой Коммуны как начальной формы национальной государственности карельского народа // Ученые записки ПГУ. Петрозаводск, 1966. Т. XIII. Вып. 4. С. 43.

** Термин, использовавшийся в 1920—30-е гг. в официальных документах и отражавший политику, осуществлявшуюся возглавлявшими КТК финнами-эмигрантами: придание финскому языку статуса государственного, перевод национальных, карельских, школ на финский язык обучения, осуществление культурной работы среди карельского населения на финском языке и т. д.

и В. М. Молотова приняло предложения Э. Гюллинга, который выступил с докладом по карельскому вопросу [Кангаспуро. 1997. С. 117]. Вскоре в КТК были осуществлены кадровые перестановки и главный оппонент «красных» финнов — руководитель партийной организации КТК В. М. Куджиев, активно противодействовавший усилению роли финнов в Карелии, в начале апреля был освобожден от должности [Levkoev. 1995. S. 43] и отправлен на работу в Сибирь², а его место занял «красный» финн И. А. Ярвисало. На Дальний Восток был переведен второй крупный представитель оппозиции — П. Ф. Анохин [Очерки истории Карельской организации КПСС. С. 533]. На пост секретаря Севзапбюро вместо поддерживавшего оппозицию И. Смирнова был назначен Б. П. Позерн. На заседании 6 марта обсуждался, но был отложен вопрос о преобразовании КТК в автономную республику [Levkoev. 1995. S. 43].

Намек на истинную причину отказа высшей партийной инстанции повысить статус Коммуны весной 1922 г. обнаруживается в докладе В. М. Куджиева, который являлся также представителем наркомата по делам национальностей РСФСР в Карелии. После начала восстания Карисполком разработал проект образования Карельской республики, которая устанавливала бы договорные отношения с РСФСР. Этот проект встретил решительные возражения областного комитета РКП(б) на заседании в Петрозаводске, так как, по мнению большинства, он давал «много возможностей для карелов к легальному отделению от РСФСР... в случае провала нашей Советской Политики». Республику было нецелесообразно создавать и потому, что «это могло быть понято как последствие бандитского давления» (выделено мною. — Ю. К.)³.

Позднее член Севзапбюро ЦК ВКП(б) А. Тайми утверждал, что И. В. Сталин склонился к поддержке националистических взглядов Э. Гюллинга на основе имевшейся у него «неверной информации». А. Тайми обвинил Э. Гюллинга в том, что он представлял те силы, которые стремились создать «Великую красную Финляндию», включив в ее состав Карелию [Кангаспуро. 1997. С. 117].

На деле же, по авторитетному свидетельству секретаря Северо-Западного бюро РКП(б) Б. П. Позерна, ситуация была прямо противоположная — И. В. Сталин придерживался еще более радикальной точки зрения о размахе мероприятий по финнизации Карелии, чем «красные» финны. Выступая на 2-й областной партийной конференции осенью 1922 г., Б. П. Позерн заявил, что «...товарищ Гюллинг... не проводил в жизнь много того, что предлагал ему товарищ Сталин. Был момент, когда думали, что Карелия должна быть Красной Финской Карелией, хотя бы в ущерб интересов русских, чтобы (в Карелии. — Ю. К.) был Финский культурный центр»⁴.

Благодаря карельскому восстанию, «красные» финны добились в Москве реализации большинства своих требований: предоставления реальной хозяйственной автономии в дополнение к административной самостоятель-

ности, формально данной КТК еще в августе 1921 г., в рамках новой экономической политики; придания финскому языку статуса официального языка администрации и обучения, наряду с русским, в районах, населенных карелами. Средства на проведение культурной работы на финском языке должны были составлять треть всех расходов, выделявшихся на образование [Кангаспуру. 1997. С. 116—117]. Этот пункт вызвал наибольшие трения в отношениях между финскими коммунистами, с одной стороны, карелами и русскими — с другой.

Наконец, в августе 1922 г. было принято решение о ликвидации, или «раскассировании», Олонецкой губернии, руководители которой неизменно враждебно относились к «красным» финнам и их политике в Карелии*. КТК были переданы населенные русскими Повенецкий и большая часть Пудожского уезда, в экономическом, географическом и административном отношениях тяготевшие к Карелии. Эти территории передавались КТК временно, так как они экономически тяготели к Мурманской железной дороге и Петрозаводску⁵. (Впоследствии, однако, это решение, против которого выступали и «красные» финны⁶ и наркомат по делам национальностей РСФСР, не было пересмотрено**.)

Финнизацию Карелии считали единственно возможным выходом из тупика национальной политики, проводившейся до начала карельского восстания, не только руководители государства в Москве и «красные» финны, но и профессионалы-практики, в своем большинстве — русские сотрудники, работавшие в КОО ГПУ, которые не понаслышке были знакомы с ситуацией в КТК.

«Когда был учтен практический опыт каравантюры 1921—22 гг., центром окончательно был разрешен местный национальный вопрос, и разрешен, безусловно, правильно, как единственный выход, финнизация края, так как никакого иного противоядия Финляндии, как Советское (коммунистическое) финское — найти нельзя»⁷.

Оппозиция внутри КТК, противостоявшая финнизации края, и после принятых Москвой решений не сложила оружие, намереваясь дать бой «красным» финнам на 2-й партконференции и съезде Советов, которые должны были состояться осенью 1922 г.

Карельский областной отдел ГПУ, сотрудники которого по долгу службы хорошо ориентировались в этой сложной ситуации, считал ее чрезвычайно опасной, способной привести к провалу директивы ЦК РКП(б) и победе оппозиции. Это, в свою очередь, могло стать козырем в руках Финляндии

* Незадолго до приезда комиссии ВЦИК для пересмотра границ между Олонецкой губернией и КТК губернская административная комиссия решила «определенно поставить вопрос об исключении из состава Коммуны г. Петрозаводска и 6 волостей, населенных преимущественно русскими». Столицу КТК предложили перенести в г. Кемь. Справка «О национальном составе по волостям КТК». Май 1922 г. НА РК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 44/410. Л. 179.

** С конца 1924 по 1938 г. территория КАССР составляла 146 312 кв. км. [Гардин. С. 65].

и Карельского временного правительства и повлечь за собой малопредсказуемые последствия: усиление проникновения в КТК «бандгруппировок», а в перспективе — дать сигнал к вооруженному восстанию⁸.

В середине сентября 1922 г. КОО ГПУ довел до сведения полномочного представительства ГПУ в Петрограде свои опасения в связи с событиями, которые могли произойти на партконференции и съезде Советов. «И конференция и съезд должны быть неминуемо бурными, а может быть и скандальными, даже по одному этому вопросу (финнизации Карелии. — Ю. К.), директива центра, наверно, должна будет сорваться (а национальный вопрос на конференции и съезде во всю ширь поднимется впервые), и если последнее случится, так получится политический скандал, который вызовет неизбежное ускорение и без того назревающей каравантюры»⁹.

Оппозиция в КТК линии Москвы на финнизацию Карелии не была однородной и прочной, представляя собой «не организованное, но, пожалуй, самое опасное, оппозиционство, основанное на шовинистических мелочах». Ответственные партийные и Советские работники четырех уездов КТК — Кемского, Олонецкого, а также Повенецкого и Пудожского — выступали резко против финнизации Карелии, деятельно готовясь вступить в схватку с «красными» финнами. Представители Кемской партийной организации и ответственные работники этого уезда даже угрожали «красным бандитизмом» в случае реализации программы финнизации в КТК, в результате чего в уезд выезжала специальная комиссия во главе с Э. Гюллингом¹⁰.

13 сентября 1922 г. КОО ГПУ получил от своего уполномоченного сведения о собрании ответственных работников Олонецкого уезда, принявшем решение послать на партконференцию делегатов, которым было поручено «проводить мнение, оппозиционное финнизации края». Делегацию должен был возглавить председатель Олонецкого уездного исполкома карел И. А. Никитин. Предсказуемой была, по мнению представителя ГПУ, и позиция делегатов от Повенецкого и Пудожского уездов, «учитывая лишь один факт, что они пропитаны до мозга костей олончанским духом, не только против финнизации, но и против КТК вообще»¹¹.

Незадолго до созыва 2-й партийной конференции оппозиционеры отправили в Москву письмо, намеренно составленное в резких тонах¹², в котором содержались обвинения в адрес «красных» финнов в национализме, «единоначалии управления» Э. Гюллинга, изгнании с работы карелов и замены их финнами и т. д. По мнению Б. П. Позерна, выступившего на конференции, это был «важный документ», за содержание которого должны были ответить все подписавшие письмо — 5 партийных работников во главе с И. А. Никитиным¹³.

Возможный политический конфликт в КТК обретал черты национального, поскольку оппозиция финнизации была в основном представлена русскими руководящими работниками и карелами. Незадолго до ликвидации Олонецкой губернии, осуществленной в августе 1922 г., подробный анализ

состава трех соперничавших между собой национальных группировок, их программных установок и устремлений был дан в «Докладе товарища Каширина» — руководителя объединенной группировки чекистов, действовавшей в Карелии во время восстания.

«Финские работники», лидер которых Э. Гюллинг прибыл в Карелию в июне 1920 г., выступали за образование Карельской республики с Центральным исполнительным комитетом, Советом Народных Комиссаров и установление договорных отношений с РСФСР. «Красные» финны, говорилось в документе, «тяготеют к Финляндии... не буржуазной, а будущей пролетарской Финляндии и для них Карелия мост, по которому им нужно, и чем скорее — тем лучше, перейти в родную Финляндию. Будущую “Карельскую республику”^{*} они представляют себе как действительный “таран”, которым можно пробить широкие ворота в будущую Финляндию. Эту задачу можно выполнить только через головы карельского народа, — а тут, как раз, и препятствие — из доклада карела Куджиева... видно, что потребность края толкает карел... под крыло РСФСР, а не в сторону Финляндии»¹⁴.

Возглавляемая «красными» финнами КТК с собственным правительством, Советом Народных Комиссаров должна была стать «политическим буфером» между РСФСР, с одной стороны, и «белой» Финляндией — с другой. Одновременно карельский народ обретал бы больше прав на «свое национальное самоопределение, а значит, и на культурное, экономическое возрождение края».

Группа ответственных работников-карелов, которую возглавлял секретарь партийной организации КТК В. М. Куджиев, наименьшая по численности, ставила своей целью сохранение КТК с исполкомом и введение в Карелии СНК; при этом в ведении РСФСР, на которую в культурном и во всех остальных отношениях должна была ориентироваться КТК, оставались внешняя политика и торговля, оборона, ЧК, почта и телеграф, пути сообщения и железная дорога, финансы.

В наиболее многочисленную группировку входили русские работники бывшей Олонецкой губернии, программа которых была радикальной и допускала возможность пересмотра, совместно с Финляндией, вопроса о самоопределении Карелии и передачу соседнему государству Поросозерской, Ребольской и других западных волостей КТК. На востоке границу Карелии, в соответствии с этими представлениями, следовало провести, точно придерживаясь национального признака, исключив из ее состава русское население. После перехода западной части КТК к Финляндии на оставшейся территории Карелии следовало создать автономную область, «федерированную» с Советской Россией, население которой «будет не на словах, а на деле тяготеть к последней».

Русские работники Олонецкой губернии, по мнению Каширина, «просто издевательски смеются над самым карельским вопросом», предлагая

* Закавычено в тексте.

«раскассировать огромную часть Карелии» с тем, чтобы центр мог «сам догадаться» и присоединить «будущую автономную область Карелии» к Олонецкой губернии¹⁵.

Подготовительная работа к началу 2-й партийной конференции, на которой должно было состояться последнее сражение, проходила в напряженной обстановке. Переведенный на работу в Сибирь В. М. Куджиев до своего отъезда трижды пытался провалить кандидатуру Э. Гюллинга на выборах в Карельский обком. Успех этого предприятия означал бы, что впоследствии кандидатура Э. Гюллинга не прошла на пост председателя областного исполкома¹⁶.

За несколько дней до созыва конференции сложилось «до крайности серьезное положение»¹⁷, оппозиция, знаменем которой снова стал уже находившийся в Сибири В. М. Куджиев, готовилась выступить с «открытым забралом».

Карельский областной отдел ГПУ разработал свой вариант решения проблемы, который с небольшими поправками и был использован. Чекисты предложили пригласить на конференцию «2—3 сильных ответственных авторитетных центральных работников», чтобы местные партийные руководители «ничего не смогли сделать»; назначить «обязательно русского ответственного секретаря» обкома партии¹⁸ и «кое-кого убрать из КТК... дабы впредь не было вредной политической склоки и волнений внутри КТК»¹⁹.

Из Петрограда на конференцию прибыл «авторитетный центральный работник», секретарь Севзапбюро Б. П. Позерн, который и подвел итог затянувшемуся конфликту. Он выступил с большим докладом, разъяснив политику центральных органов власти в карельском вопросе. Образование КТК должно было «утолить национальный голод» прежде «угнетаемого... финского населения»*. Б. П. Позерн указал на международное значение КТК — ее пример призван был показать рабочему движению в Финляндии, «что дает Советская власть самоопределяющимся национальным меньшинствам и что никакой русификации она там не проводит»²⁰.

Выразив понимание причин «недовольства и национальной вражды со стороны русских товарищей» к занявшим руководящие посты в КТК пришедшим финнам, Б. П. Позерн объяснил, что благодаря «красным» финнам «угнетаемые рабочие массы» Финляндии знают, что рядом есть КТК, «где свободно живут их братья финны**», имеют свои учреждения, организации, школы и т. п., свои руководящие органы, во главе которых стоят опять-таки сами финны, и работа у которых во всех отношениях процветает». В 1922 г. эти слова, конечно же, не имели отношения к суровой действительности, но следует помнить, что секретарь Севзапбюро говорил о перспективах, а не о реалиях начала 1920-х гг.

* В данном случае — карелы.

** Б. П. Позерн имел в виду карелов. В начале 1920-х гг. незнакомые с этническими особенностями Карелии руководители из Москвы и Петрограда часто называли финнами все карельское население КТК — КАССР.

КТК призвана была побуждать рабочих в Финляндии на борьбу с угнетателями, что имело «колоссальное значение даже в мировом масштабе». Э. Гюллинг же был незаменим уже потому, что трудящиеся в Финляндии знали его как «премьер-министра» Карелии. К этому и «сводилась национальная политика нашей власти в отношении КТК». Логика докладчика была парадоксальной, и в соответствии с ней Э. Гюллинг был обязан своим прочным положением «белофиннам», которые могли использовать его смещение для «противоСоветской агитации»²¹.

Сообщив делегатам о том, что в наиболее трудные моменты взаимоотношений с Финляндией И. В. Сталин предлагал провести в короткий срок самую радикальную финнизацию КТК, Б. П. Позерн заявил об изменении ЦК РКП(б) взгляда и тактики относительно национальной политики в КТК вследствие изменения характера отношений с Финляндией. В свете последовавших на рубеже десятилетий, а затем в 1930-е гг. событий особый интерес представляло заявление Б. П. Позерна о готовности центра менять тактику в этом вопросе, реагируя на внешнеполитическую конъюнктуру* и характер отношений с Финляндией²².

Конференция завершилась по сценарию ГПУ: противники финнизации Карелии были подавлены выступлением Б. П. Позерна, о чем откровенно заявил один из них — Ф. И. Егоров, подготовивший так и не произнесенную речь о необходимости «убрать ее (верхушку), как несоответствующую»²³. Несмотря на провал плана оппозиции, выступивший на конференции ее лидер И. А. Никитин все же повторил обвинения в адрес Э. Гюллинга, содержащиеся в письме, направленном противниками «красных» финнов в ЦК и Севзапбюро РКП(б).

И. А. Никитин обозначил проблему, которая долгие годы омрачала взаимоотношения между финскими и русскими руководителями КТК — КАССР, вплоть до окончательного удаления первых из Карелии в 1935 г.** Предоставление финнам руководящих постов, как считал лидер оппозиции, означало, что «самое выборное право русских в Карелии будет уничтожено»²⁴. Как бы то ни было, после конференции с оппозицией в Карелии было, наконец, покончено.

«Красные» финны окончательно закрепили свои позиции в Карелии после преобразования Карельской Трудовой Коммуны в КАССР летом 1923 г. Это мероприятие, демонстрировавшее готовность Москвы менять тактику в карельском вопросе, было результатом влияния как внешнеполитических, так и внутренних факторов. Длительное, более года, прохождение вопроса о Восточной Карелии в Лиге Наций и возможность принятия этой органи-

* Это ясно из контекста.

** По данным ГПУ КАССР, относящимся к 1929 г., 87,5% всех случаев недовольства на национальной почве в республике вызывались выдвиганием на руководящие должности финнов. Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1921—1940 гг. Петрозаводск, 1997.

зацией невыгодного для большевиков решения заставили политическое руководство России предпринимать контрмеры.

Одним из мероприятий в этом направлении было повышение статуса КТК, которая 25 июля 1923 г. была преобразована в КАССР*, и тем самым, в формально-лингвистическом смысле, было выполнено обязательство, налагаемое Тартуским договором, о создании «Восточно-Карельской автономной области»**.

Вопрос о переименовании КТК в республику поставили побывавшие в мае 1923 г. на приеме у Г. В. Чичерина Э. Гюллинг, А. В. Шотман и другие представители Коммуны, просившие поддержки НКВД в этом вопросе. По итогам встречи Г. В. Чичерин поставил в известность заместителя наркома по делам национальностей Г. И. Бройдо о том, что внешнеполитическое ведомство не усматривало «больших препятствий» в положительном решении этой проблемы. Нарком иностранных дел напомнил Г. И. Бройдо о том, что «мы, собственно, могли с самого начала назвать Карелию республикой», чему помешало сопротивление Олонецкого губисполкома²⁵.

Вопрос о преобразовании автономных областей с правами губернских исполкомов в автономные республики был поднят 10 апреля в связи с объявлением дискуссии по национальному вопросу в ходе подготовки к XII съезду РКП(б) представителями нескольких автономий, обратившихся в малую коллегию наркомата по делам национальностей с соответствующей инициативой***. В обращении указывалось на то, что «институт автономных областей с правами губисполкомов изжил свое время и в настоящее время совершенно не отвечает интересам представляемых нами национальностей»²⁶.

Преобразование приграничной Карельской Трудовой Коммуны в автономную республику имело определенную специфику, так как руководство РСФСР вынуждено было учитывать отношение к этой проблеме соседней Финляндии. Разногласий в руководстве страны по вопросу о преобразовании КТК в АКССР не было, и принципиальное решение было принято 1 июля 1923 г.²⁷, однако они появились в отношении ее территории и этниче-

Шотман Александр Васильевич

* Совет Лиги Наций принял резолюцию об изучении карельского вопроса 14 января 1922 г., а решение было принято 24 сентября 1923 г. [Keunäs. S. 5].

** Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 25. 7. 1923 г. устанавливалась равноправность карело-финского и карельского языков на территории КАССР [Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921—1925. С. 61].

*** Среди подписавших этот документ лиц не было представителя КТК.

ского состава населения. Особую позицию по этому вопросу занял НКВД, руководители которого предвидели затруднения в том случае, если в КАССР будут включены районы с преобладанием русского населения, а карелы станут меньшинством.

Еще до принятия решения об изменении статуса КТК нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в письме, направленном Г. И. Бройдо, высказался за переименование КТК в автономную республику, выступив, однако, против расширения ее территории за счет районов с преобладанием русского населения, включая всю Олонецкую губернию и Мурманский край. Г. В. Чичерин придерживался мнения о том, что «совершенно нецелесообразно соединять в одной автономной республике территории с различным населением», так как «или эта республика перестанет быть Карелией, или в ней будет некарельское меньшинство, которого интересы будут приноситься в жертву»²⁸.

Незадолго до принятия окончательного решения Г. В. Чичерин обратился к И. В. Сталину по проблеме переименования КТК, указав на недопустимость включения в Карельскую автономную республику Мурманского края, так как такое расширение могло оказаться «вредным». Г. В. Чичерин напомнил И. В. Сталину, что «с самого начала имелось в виду ограничить Карелию территорией, действительно населенной карельским племенем». Расширение территории Карелии, по мнению главы внешнеполитического ведомства, могло «обострить тот больной международный вопрос», который «дошел даже до Гаагского трибунала»*, и дать основания «финляндским националистам» обвинить руководство СССР в стремлении русифицировать карелов²⁹.

На предостережения НКВД Г. И. Бройдо отреагировал отрицательно, направив И. В. Сталину письмо, в котором поддержал инициативу «карелов»** по включению в республику Мурманской губернии и выводу из состава карельской автономии населенного на 95% русскими Пудожского уезда и Римской волости Повенецкого уезда. Опираясь цифрами этнического состава населения Мурманской губернии, которое в то время на 50% состояло из финнов и карелов (что превышало на 5% их удельный вес в КТК), Г. И. Бройдо довел до сведения И. В. Сталина, что «новый проект улучшает национальный состав в сторону, желательную т. Чичерину, а не наоборот»³⁰. Г. И. Бройдо полагал, что включение Кольского полуострова в КАССР было бы «финским националистам... по душе», принимая во внимание их проект «Великой Финляндии», и не обострило бы «международный вопрос»³¹.

22 июня 1923 г. коллегия НКВД единогласно постановила, что формальных препятствий для «переименования КТК в Карельскую республику» не имелось, отнесясь в то же время отрицательно к расширению территории

* Решение Гаагского трибунала о невозможности рассмотрения им карельского вопроса было принято 23 июля 1923 г. За это решение высказались 7 судей, против — 4 [*Kaukoranta*. 1941. S. 16].

**

Г. И. Бройдо имел в виду «красных» финнов, возглавлявших КТК.

Карелии³², что сыграло свою роль, — Кольский полуостров не был включен в состав КАССР.

В беседе А. С. Черных с Э. Гюллингом о преобразовании Коммуны в автономную республику, состоявшейся 5 июня 1923 г., полпред предостерег руководителя КТК от подчеркивания того политического эффекта, который указанное преобразование могло получить в Финляндии, прозорливо заявив, что «превращение КТК в республику не послужит смягчению активистских тенденций и общей линии в карельском вопросе. Буржуазной Финляндии почти безразлично какие права предоставлены Советской Карелии, автономной области или республики»³³.

Первая реакция в Финляндии на образование КАССР, как и предвидели в НКВД, была отрицательной. 2 августа 1923 г. в газете «Helsingin Sanomat» была опубликована статья, автором которой, по мнению А. С. Черных, был министр иностранных дел Финляндии Ю. Х. Веннола. В статье говорилось, что превращение КТК в КАССР «является прежде всего переменной названия. Таким простым приемом, однако, не обманут Финляндию. Мы ждем для Карелии... действительную автономию»³⁴.

В беседе А. С. Черных с Ю. Х. Веннола последний не признал, что образованием в Карелии республики СССР выполнил свои обязательства по Тартускому договору, однако полпред с удовлетворением отметил, что «теперь финляндское правительство имеет тенденцию к “признанию” Карельской республики»³⁵.

Близость Финляндии и вынесение ее правительством вопроса о Восточной Карелии в Лигу Наций определили выбор Москвой как времени преобразования КТК в КАССР — до вынесения решения Генеральной Ассамблеей, так и формы — автономной республики, что подразумевалось положениями Тартуского договора. После образования КАССР в Москве считали карельский вопрос как вопрос международного характера снятым с повестки дня.

Образование КАССР, несмотря на всю важность внешнеполитических обстоятельств, повлиявших на это решение Москвы, все же не объяснялось исключительно ими. В 1922—1923 гг. в Советском руководстве шел активный поиск приемлемых для многонационального государства форм административного устройства, в первую очередь на окраинах. В момент экономической и внутривнутриполитической слабости новой власти основную опасность, грозившую непрочному равновесию, в Москве видели в великорусском шовинизме (национализме)³⁶.

ХII съезд РКП(б), состоявшийся в апреле 1923 г., в качестве основной линии национальной политики определил борьбу против великорусского шовинизма и положил начало политике «коренизации»*. Следует отметить, что И. В. Сталин выступал за включение в резолюцию съезда по национально-

* Термин, обозначающий комплекс политических, социально-экономических и культурных мероприятий, осуществлявшихся в нерусских районах СССР в основном в 1920 — начале 1930-х гг., нацеленных на воспитание местных национальных кадров, развитие культуры на национальных языках.

му вопросу тезисов о необходимости борьбы как с великорусским шовинизмом, так и с шовинизмом местным, представлявших собой, по его мнению, две стороны одного явления³⁷.

Несмотря на то что в предложенной генсеком ЦК РКП(б) формулировке эти тезисы в текст резолюции съезда включены не были³⁸, уже в июне 1923 г. на совещании ЦК РКП(б) с работниками национальных республик и областей был обозначен поворот к утверждению сталинских подходов к осуществлению национальной политики партии с учетом опасности местного национализма [Власть и реформы. От самодержавия к Советской России. С. 752].

Намерения «красных» финнов, возглавивших КТК — КАССР, принципиально расходились с линией Москвы на последующую интеграцию всех национальных окраин в виде «единой государственной целостности» под эгидой России* как наиболее развитой в экономическом, политическом и культурном отношении**.

«Красные» финны связывали будущее Карелии не с Востоком, а с Западом, первоначально намереваясь включить ее в «красную» Скандинавию, а с угасанием надежд на «мировую революцию» — в «Великую красную Финляндию». Для Э. Гюллинга будущее Карелии находилось на Западе, а объединение Финляндии и Карелии означало государственное отделение последней от России***. В своих представлениях о будущем Карелии Э. Гюллинг был последователен и не менял их с течением времени, несмотря на оппозицию в рядах ФКП. Основным оппонентом представлявшего национально-патриотическую линию Э. Гюллинга в рядах ФКП был Ю. Сирола, считавший будущее присоединение Карелии к Финляндии шагом к их объединению с СССР [Кангаспуро. 1997. С. 118]. Впоследствии эти взгляды Э. Гюллинга стали одной из причин удаления его с поста председателя СНК КАССР, а затем и гибели.

* Имеются в виду населенные преимущественно русскими районы РСФСР, исключая национальные образования различного уровня, входившие в РСФСР административно.

** И. В. Сталин считал, что «политической основой пролетарской диктатуры являются не окраины, которые представляют крестьянские страны, а центральные районы, промышленные». Заключительное слово по национальному вопросу И. В. Сталина на XII съезде РКП(б) 24. 5. 1923 [Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. С. 650, 691—697].

*** Это мнение было высказано Э. Гюллингом еще до образования КТК [Hodgson. S. 92].

ГЛАВА 2

ВЫБОР ВАРИАНТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ

Западные рубежи РСФСР после завершения гражданской войны и до начала 1930-х гг. в Москве считали наиболее уязвимыми в случае вооруженного конфликта с соседними государствами, учитывая опыт польской кампании РККА и занятие Польшей территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Самой серьезной опасностью представлялась перспектива формирования единого блока государств-лимитрофов, имевших общую границу с СССР: Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши и Румынии.

В начале 1920-х гг., до поражения Гамбургского восстания в октябре 1923 г., военно-политическое руководство Советского государства стремилось к возвращению довоенного стратегического статус-кво на Балтике военными средствами, учитывая, что перспектив развития «мировой революции» здесь не имелось. В дальнейшем это могло привести к ликвидации независимости молодых прибалтийских государств, в первую очередь Эстонии и Латвии, которые, как полагали в Москве, препятствовали свободному товарообмену России с западными государствами. Экономическая разруха и непрочное внутрисоюзное положение РСФСР в начале 1920-х гг., впрочем, заставляли большевиков относить решение балтийского вопроса на отдаленное будущее, что, однако, не препятствовало разработке планов войны.

Возможный сценарий будущей войны на западном направлении, действовавший в основных чертах с 1920 до 1934—1935 гг., выглядел следующим образом.

Основным противником СССР командование армии и флота, а также политическое руководство страны считали Польшу, союзниками которой выступали Румыния, Эстония, Латвия и, с некоторыми оговорками, Финляндия. Эта враждебная коалиция* опиралась на финансовую и политическую поддержку главного противника Советской России — Великобритании, а также Франции. Возможным инициатором войны могла стать Польша, после чего к ней присоединились бы остальные члены коалиции³⁹.

Ворошилов Климент Ефремович

К. Е. Ворошилов, председатель РВС СССР, а затем нарком обороны, в 1927 г. следующим образом обрисовал контуры стратегической ситуации, в которой находился СССР к середине 1920-х гг.: «Центр нашего внимания сосредоточен на западной границе. Начиная с 1925 года... создан фактически единый военный фронт от Черного моря до Финского залива. Армии блока (Румыния, Польша, Латвия, Эстония и Финляндия)... огромная сила. У наших соседей надежный и богатый тыл — Англия — Франция»⁴⁰.

Целью финляндской политики Москвы после окончания гражданской войны в России было воспрепятствовать формальному вступлению этой страны в польско-прибалтийский военно-политический блок, в чем большевики и преуспели, учтя уроки карельского восстания и пересмотрев свою политику в отношении Финляндии. До осени 1923 г. этот пересмотр, однако, не был окончательным, в связи с расчетами на победу пролетарской революции в Германии, перспектива которой в октябре 1923 г. была «настолько определена, настолько ясна, что ни у кого не возникало сомнений на тот счет, что мы находимся накануне решающих событий»⁴¹.

До 1924 г. Финляндия учитывалась в оперативных планах командования армии и флота как безусловный противник и участник враждебной СССР коалиции. Еще в марте 1920 г., до заключения мирного договора в Тарту, РВС Балтийского флота было поручено разработать план операции в случае нападения Финляндии на «Советскую Республику»⁴².

7 октября 1921 г. РВС Балтийского флота представил «предварительные соображения о возможных боевых операциях Балтийского флота на Финском заливе и Ладожском озере, в развитие основной стратегической задачи, утвержденной РВС республики»⁴³.

Основная же стратегическая задача Балтфлота содержалась в оперативной директиве РВСР от 24 сентября 1921 г., согласно которой необходимо было после завершения кратковременного оборонительного периода и «в случае

* Все перечисленные государства формально не входили в один военно-политический блок, однако в Москве их воспринимали как участников единой коалиции, враждебной СССР.

удачного развития наступления наших армий вглубь Финляндии и Эстонии предусматривать возможность развития действий флота на направлениях Биоркэ — Выборг и Нарва — Ревель»⁴⁴. При этом «финский» и «прибалтийский» вопросы предполагалось решать одновременно, следуя военной целесообразности, — для того, чтобы избежать опасности фланговых ударов по Красной Армии, которая бы наступала на запад.

7 февраля 1924 г. в РВС Морских сил Балтийского моря поступила директива, в которой предписывалось разработать планы первых операций войны, каждая из которых получила теперь свой номер⁴⁵. Наиболее важной задачей первого этапа войны командование Балтийского флота считало захват принадлежавших Финляндии островов в восточной части Финского залива для расширения оперативного плацдарма.

Директива от 7 февраля 1924 г., ставившая флоту в основном оборонительные задачи, была разработана в период, когда в Москве пересматривали основы внешней политики СССР. Результатом этого пересмотра, необходимость которого стала очевидной после угасания надежд на победу германской революции, стало, помимо прочего, отнесение Финляндии к категории нейтральных государств. Приблизительно с начала 1924 г. и до лета 1930 г. в оперативных планах ЛВО Финляндия рассматривалась в качестве нейтрального государства в случае войны на западных границах СССР. Основными причинами такого подхода было то, что эта страна не представляла угрозы жизненно важному для СССР транзиту товаров по Балтийскому морю и находилась на второстепенном в стратегическом отношении направлении, не имея общей сухопутной границы с государствами, входившими в польско-прибалтийский блок.

Командование Балтийского флота, который после обретения независимости Финляндией, Эстонией и Латвией лишился своих баз, не верило в нейтралитет Финляндии и после 1924 г., разрабатывая на всякий случай силами специалистов военно-морской академии планы операций по овладению

Гиттис Владимир Михайлович

важными стратегическими пунктами на южном побережье Финляндии. Сухопутные же войска ЛВО до 1930 г. имели задачи по прикрытию границы на Карельском перешейке и одновременному разгрому армий Эстонии и Латвии⁴⁶.

Задача «слабой группировки» войск 7-й отдельной армии на Карельском перешейке (7 полков), как отмечалось в рапорте командующего войсками ЛВО В. М. Гиттиса, направленном председателю РВС СССР К. Е. Ворошилову 18. 3. 1925, заключалась в удержании оборонительного рубежа по линии Оселки — Агалатово — Медный Завод — Мертушь — Сестрорецк. Лишь при наличии особо благоприятных обстоятельств на Карельском

перешейке предусматривалось овладение рубежом по линии Хумалиёки, ст. Голицыно, северный берег водной системы Вуоксенвирта для надежного обеспечения безопасности Ленинграда. Одновременно 88-я с.д., наступая на участке Ладва — Кондуши, выходила бы на линию Лоймола — Койриноя, прикрывая петрозаводское направление. Как будет показано ниже, планы активных наступательных действий ЛВО в середине 1920-х гг., имевшие ограниченный характер, были невыполнимы, так как они составлялись без учета намерений командования финляндской армии, а выделяемые силы значительно уступали потенциальному противнику.

Стратегические расчеты, обрисованные в общих чертах выше, имели самое непосредственное отношение к Карелии, которая рассматривалась командованием РККА как ближний тыл в случае начала войны на западе и вступления в нее Финляндии, в особенности до начала 1924 г. Это понимали не только военные, но и дипломаты.

17 июля 1923 г. полпред СССР в Финляндии А. С. Черных подготовил большое аналитическое письмо в адрес члена коллегии НКВД В. Л. Коппа, в котором определил основные направления политики внешнеполитического ведомства в отношении карельского вопроса. По мнению полпреда, карельский вопрос должен был занимать то или иное место в отношениях между двумя странами «до момента радикальных изменений во внутренней жизни Финляндии».

Лучше своих коллег в центральном аппарате НКВД информированный о состоянии карельского вопроса А. С. Черных полагал, что финляндская буржуазия добивалась для Карелии приблизительно такого правового положения, какое занимало в царской России Великое княжество Финляндское, что было неприемлемо для большевиков.

А. С. Черных предложил осуществить ряд мероприятий, которые должны были положить конец притязаниям активистов на Восточную Карелию. Среди них были быстрое возвращение карельских беженцев и их обустройство, укрепление пограничной охраны и строительство сети дорог, так как «финский активизм в отношении Карелии зиждется на отсутствии в пограничной Карелии хороших дорог, соединяющих границу с Мурманской железной дорогой и обеспечивающих быстрый подвоз наших подкреплений». Кроме того, дороги, по мнению А. С. Черных, были необходимы и с точки зрения «нашего возможного (вообще говоря) военного столкновения с Финляндией. И для наступления и для оборонительных операций дороги эти нам необходимы»⁴⁷.

Точка зрения А. С. Черных совпала в этом пункте с предложениями военных. Столкнувшись с почти полным отсутствием дорог в приграничной Карелии в период конфликта зимы 1921—1922 гг., командование РККА выступило с инициативой срочного строительства ширококолейной железной дороги от станции Сорока (Беломорск) до населенного пункта Тикша, в обход Тунгудского озера, протяженностью в 155 верст. В Карелию прибыл

15-й железнодорожный полк, который должен был приступить к строительству дороги и завершить его в течение зимы, т. е. за 2—3 месяца⁴⁸. В начале января 1922 г. власти Олонецкой губернии, согласившись выделить для стройки 250 лошадей, потребовали все же санкции СТО РСФСР.

Предложение военных, в котором учитывалось и политическое значение этой дороги для края, пройдя последовательно через РВС, Совет Труда и Оборона, Межведомственное совещание при Госплане РСФСР, угасло в Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ), которая 25 января 1922 г. вынесла решение о недостаточной обоснованности проекта и отсутствии средств на его реализацию⁴⁹.

Начальник штаба РККА в записке «О дорожном строительстве в Карелии» в 1923 г. подчеркивал «крайнюю необходимость» постройки шоссейных и грунтовых дорог в Карелии для нужд военного ведомства. В течение четырех лет, в соответствии с предложениями военных, необходимо было построить 1210 верст новых дорог* и реконструировать дороги протяженностью в 200 верст. Постройка железнодорожной линии в Карелии от Мурманской железной дороги к границе с Финляндией должна была быть «осуществлена в первую очередь». Военные планировали строительство, как минимум, двух железных дорог, ведущих к государственной границе: Медвежья Гора — Поросозеро и Лодейное Поле — Видлица (или ст. Свирь — Видлица)⁵⁰.

14 мая 1923 г. Э. Гюллинг направил в Москву план строительства железных и шоссейных дорог в Карелии. В первую очередь, еще в 1923 г., следовало построить железные дороги Лодейное Поле — Видлица и Медвежья Гора — Поросозеро с вариантом на Кивач (Кондопога). Помимо этого Э. Гюллинг просил выделить средства на изыскания стратегических шоссейных дорог Кемь — Ухта, Лоухи — Кестеньга — Ухта и Сорока — Тикша, а также на ремонт уже существовавших стратегических дорог⁵¹.

На секретном заседании строительной секции Госплана 8 июня 1923 г. было принято постановление о выделении средств на изыскательские работы по строительству некоторых железных и шоссейных дорог, перечисленных в письме Э. Гюллинга, учитывая «первоклассное стратегическое значение района КТК». В список были включены железные дороги Свирь — Видлица (220 верст) и Медвежья Гора — Поросозеро (111 верст), а также шоссейные дороги Кемь — Ухта и Сорока — Тикша. Ровно через два месяца, 8 августа 1923 г., Совет Труда и Оборона принял решение об отмене постановления Госплана⁵². Неприятности, пережитые руководством страны во время карельского восстания, постепенно забывались, а средства в разоренной гражданской войной стране можно было использовать на другие цели.

На отмену планов осуществления большой программы дорожного строительства на Северо-Западе в целом, и в Карелии в частности, помимо экономических трудностей, переживаемых Советской Россией, и перехода к НЭПу, заставившему считать деньги, повлиял и пересмотр большевиками перспек-

* Примерно в 2 раза больше, чем было построено в КАССР до ноября 1939 г.

тив мировой революции. За неудавшимся восстанием в Гамбурге в октябре 1923 г. последовала смена стратегических приоритетов. Финляндию перестали относить к категории безусловных противников СССР, и изъятые у ЛВО средства были направлены на усиление Белорусского и Украинского военных округов, противостоявших наиболее сильным в военном отношении противникам — Польше и Румынии.

Кроме того, следует учитывать, что со второй половины 1923 г. карельский вопрос во взаимоотношениях между Финляндией и СССР на долгое время, до начала войны — 30 ноября 1939 г., отошел на второй план*. То, что события будут развиваться в этом направлении, Я. С. Ганецкий предвидел еще в декабре 1922 г., констатируя, что «стадия авантюристического подхода к делу отторжения Карелии от Советской России, по-видимому, проходит». Причиной этого, по мнению Я. С. Ганецкого, была позиция, занятая правительством Финляндии, которое не хотело теперь рисковать своим существованием ради успеха «великофинских затей».

Я. С. Ганецкий высоко оценил новую тактику активистов, которые стали использовать испытанный способ большевиков — пропаганду, подходя к своему делу «глубже и умнее». Успеху пропаганды, результаты которой могли оказаться сопряженными с большими неприятностями в будущем, способствовали экономические условия в КТК, в первую очередь голод и разруха, как полагал член коллегии НКВД⁵³. Из понимания этих обстоятельств впоследствии вышли особые, в первую очередь бюджетные, права КАССР, которые должны были обеспечить быстрый экономический подъем автономии.

Кроме этого, в первую очередь надо было решить проблему беженцев, которые представляли потенциальную опасность. По мнению Я. С. Ганецкого, правительство Финляндии не «спешило с эвакуацией... чтобы карельские активисты имели достаточно времени как следует обработать беженцев»⁵⁴. Карельский областной отдел ГПУ, внимательно наблюдавший за карелами, оставшимися в Финляндии после завершения карельского восстания, имел сведения, точность которых, правда, вызывала сомнения, о ряде военных школ для беженцев. В частности, в соответствии с агентурными данными в селе Лапуа находилась военная школа в составе двух рот, в районе Кухмониemi, Лиекса и Хюрюнсальми несколько сот карелов обучались «военному строю», а в кадетской школе в Хельсинки числилось 50 карелов-беженцев⁵⁵.

Ганецкий
Яков Станиславович

* В начале 1930-х гг. карельский вопрос активно обсуждался в Финляндии, однако он не достиг той степени остроты, которой были отмечены отношения между двумя соседними государствами в 1920—1923 гг.

Эти сведения передавались в полпредство РСФСР в Финляндии, однако их достоверность вызывала сомнение у сообщавшего о них в Москву А. С. Черных⁵⁶. Несмотря на это, полпред РСФСР в Финляндии все же обратился с нотой протеста к министру иностранных дел Финляндии Ю. Х. Веннола против существования школы в Лапуа, указав на достоверные сведения, имевшиеся в распоряжении НКВД [Документы внешней политики СССР. Т. 6. С. 242—244].

16 сентября 1922 г. А. С. Черных направил Я. С. Ганецкому письмо, в котором указал на «крайнюю желательность» вернуть на прежние места жительства карелов-беженцев, находившихся на территории Финляндии, учитывая опасность, которая вызывалась пропагандой активистов. Поскольку проблема амнистии «карбеженцев» была увязана Москвой с аналогичным актом в отношении «красных» финнов и переговоры затянулись, постановление ВЦИК по этому вопросу было принято лишь 30 апреля 1923 г.⁵⁷ Впоследствии годичный срок амнистии несколько раз продлевался.

Поворот в отношении проблемы «карбеженцев» произошел в начале 1926 г., когда в Москве отказались от очередного продления срока амнистии, предложив всем желающим возвращаться на общих основаниях⁵⁸. Через год в письме члена коллегии НКВД Б. С. Стомонякова новому полпреду СССР в Финляндии И. Л. Лоренцу отмечалось, что после того как в КАССР намечались ощутимые хозяйственные достижения, пребывание карелов в Финляндии стало для СССР политически выгодно. Безработица и конкуренция на рынке труда в Финляндии должны были способствовать отходу беженцев от активистов⁵⁹.

В 1926 г. изменилось не только отношение центральных властей к возвращению беженцев, этот год стал поворотным в подходах Москвы к решению карельского вопроса, который, начиная с этого времени, перестал быть проблемой Советско-финляндских отношений в прежней форме. Новые подходы центра в отношении Карелии были выработаны в результате изменения общеполитической ситуации, укрепления власти большевиков, а также пересмотра стратегических приоритетов: отнесения Финляндии к нейтральным государствам в случае войны против СССР на западных границах. На Советско-финляндской границе ситуация нормализовалась⁶⁰, и в 1926 г. был продлен срок действия приграничного соглашения. Кроме того, не вызывали опасений экономическая и внутривластная ситуация в АКССР. Учет всех этих обстоятельств вскоре привел к изменению политики Москвы в отношении автономной республики.

В 1926 г. была ликвидирована референтура НКВД по Карелии, а местные пограничные контрольные комиссии передавались ОГПУ⁶¹. Внешнеполитическое ведомство перестало выполнять функции куратора в решении проблем, касавшихся Карелии. Власти СССР достигли основной своей цели в АКССР — стабильности и предсказуемости ситуации в приграничной республике. Сложившееся положение в основном сохранялось до начала

1930-х гг., однако уже с 1926 г. началось наступление на автономные права Карелии и были подготовлены предложения о подчинении карельской экономики Ленинграду [Кангаспуру. 1998. С. 128].

Положение в Карелии стало коренным образом изменяться во второй половине 1920-х гг. в связи с разработкой плана первой пятилетки, началом реализации программы форсированной индустриализации и пересмотром руководством СССР сценария будущей войны. В ходе разработки первого пятилетнего плана появились два варианта экономического развития Карело-Мурманского края (КМК) — гражданский и военный. Первый вариант разрабатывался без учета военной угрозы со стороны Финляндии и потребностей обороны.

Особую роль в экономическом освоении Карелии и Кольского полуострова играла Мурманская железная дорога (МЖД). Еще в октябре 1922 г. вопрос о колонизации КМК, необходимость которой стала особенно очевидной после карельского восстания, по инициативе правления Мурманской железной дороги был поставлен в Москве Северо-Западным экономическим совещанием⁶².

Несмотря на крайне отрицательное отношение руководства КТК, опасавшегося потери части доходов Коммуны⁶³, к передаче МЖД земельной полосы и нескольких лесных дач, администрация железной дороги и Севзапэко⁶⁴ сумели настоять на своем. Решением Совета Труда и Оборона Мурманской железной дороге отвели 3 млн. десятин леса, доход от которого шел на колонизацию Карелии и Мурмана⁶⁵. (Отношения же между властями АКССР и колонизационным отделом МЖД оставались неприязненными вплоть до досрочного прекращения этим отделом своей деятельности в 1930 г. *)

Отметив положительную роль, которую сыграла МЖД в освобождении русской Карелии от «сильной экономической зависимости от Финляндии», авторы «Пятилетнего перспективного плана переселенческих мероприятий на 1928—1933 гг.» пришли к выводу, что дорога стала «распределителем хлеба» и к ней «устремилось карельское население, прежде вынуждаемое экономически тяготеть к Финляндии»⁶⁶.

Майор-егерь Пааво Талвела, участник нескольких походов в Восточную Карелию, еще осенью 1920 г. считал наиважнейшей задачей «самое основательное разрушение» Мурманской железной дороги — основы «как русского, так и большевистского влияния в Карелии» [Vahe. S. 40].

Было очевидно, что для дальнейшего уменьшения влияния Финляндии в Карелии «ни с экономической, ни с политической точки зрения нельзя было оставить безлюдным район железнодорожной магистрали». 18 января 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК СССР Карело-Мурманский район

* По мнению администрации МЖД, власти КАСССР, стремившиеся к «изъятию» у дороги комбината Желлеса и колонизационного отдела, хотели превратить МЖД «из основного нерва и активного возбудителя хозяйственной жизни (КМК) в пассивного грузозова». Объяснительная записка НКПС в СТО СССР. 1929 г. НА РК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 10/126. Л. 8.

был признан имеющим общесоюзное значение в колонизационном отношении, в соответствии с чем на мероприятия по его заселению должны были выделяться общесоюзные средства⁶⁷.

В качестве ориентиров при выборе модели экономического развития Карелии и Кольского полуострова были предложены уже существовавшие в Финляндии, Швеции и Норвегии хозяйственные системы, опыт которых следовало заимствовать. В первую очередь лесное хозяйство предполагалось «поставить по образцу и масштабу хотя бы наших западных соседей». Так, Швеция во второй половине 1920-х гг. получала от эксплуатации лесов доход в размере 142 млн. руб., а Карело-Мурманский край в 1926—1927 гг. — лишь 17 млн. руб. По плану, при соответствующих капиталовложениях, КМК мог продавать древесину в обработанном виде на 124,3 млн. руб., не считая стоимости древесной массы и бумаги⁶⁸.

Для освоения лесных богатств Карелии намечалось построить три железнодорожные линии, ведущие от Мурманской магистрали к границе с Финляндией, — от населенного пункта Кемь к Ухте, в направлении д. Реболы и от станции южнее Петрозаводска, а также грунтовые тракты на Ухту, Паданы, Реболы. Вдоль этих транспортных магистралей планировали строительство целлюлозных, бумажно-массных заводов, организацию производств по выработке искусственного волокна. Эти железнодорожные линии представлялись настолько выгодными, что правление МЖД высказало мнение о возможности их сооружения без ассигнования целевых средств⁶⁹. (В 1928/29 финансовом году доход дороги составил 26,7 млн. руб.⁷⁰)

Экспорту древесины и продуктов деревообработки из районов северо-запада России способствовало бы сооружение железной дороги Сорока (Беломорск) — Котлас, на трассе которой в то время велись изыскательские работы*. Это давало выход через Мурманский порт продукции заводов по переработке древесины, строительство которых намечалось в Архангельской губернии. В дальнейшем дорогу планировали продолжить на восток — по Западной Сибири — с целью экономического развития этого края.

Кроме того, гражданский вариант развития экономики Карело-Мурманского края предполагал комбинированную эксплуатацию рудных и лесных богатств, использование дешевой водной энергии, организацию производства строительных материалов и удобрений, добычу рыбы**. Производство высококачественного чугуна из местного сырья можно было довести до 2 млн. т. Северо-западный край должен был сыграть решающую роль в уменьшении

* План строительства этой дороги был предложен еще в 1916 г. *Juntunen A. Valta ja rautatiet. Luoteis-Venäjän rautateiden rakentamista keskeisesti ohjanneet tekijät 1890-luvulta 2. maailmansotaan.* Helsinki, 1997. S. 106. См. также: Записка «Дорога Сорока — Котлас как соединяющий участок Мурманско-Сибирского пути». 1926 г. НА РК. Ф. 794. Оп. 2. Д. 6/45. Л. 1—20.

** Еще в начале 1918 г. возглавлявший экспедицию Центроснабарма на Мурмане И. И. Подвойский оценивал перспективы ежегодного вылова рыбы в 3 млн. пудов. *Шумилов М. И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973. С. 243.*

зависимости СССР от дорогостоящего импорта целлюлозы и бумаги, производство которых в стране не покрывало минимальных потребностей книгопечатания и издания газет. В соответствии с расчетами тонна целлюлозы, произведенная в КМК, стоила бы 90 руб., в то время как ввезенная из-за границы — 150 руб.⁷¹

Для снабжения продовольствием увеличивающегося населения края было предложено использовать опыт Финляндии, которая «весь свой дефицит по зерну покрывала вывозом масла»⁷². По примеру финнов намечалось начать мелиорацию болот для обеспечения кормовой базы животноводства, развитие которого становилось приоритетным.

По образцу Норвегии и Финляндии были рассчитаны и нормы плотности заселения Карело-Мурманского края, которые должны были быть достигнуты в результате переселения из других районов страны, прежде всего карелов из Тверской губернии. Средняя плотность населения Финляндии в то время составляла 9,8 чел. на кв. км, в КАССР — 1,5, на Кольском полуострове — 0,2 чел. на кв. км. Для достижения показателей плотности населения Финляндии в КМК потребовалось бы переселить 2,5 млн. человек, что было нереально. В качестве ориентира было предложено руководствоваться соответствующими показателями населенности районов Финляндии и Норвегии, расположенных к северо-западу от КМК, что снижало цифру переселяемых до приемлемого уровня — 800 тыс. человек⁷³.

К аналогичным выводам пришли и во Всесоюзном переселенческом комитете при ЦИК СССР в 1928 г. Указывая на то, что «ближайшее поколение будет зависеть главным образом от древесины нашего Союза и тропических стран», автор документа предложил переселить в Карело-Мурманский край в ближайшее время 75 тыс. человек. Полное же освоение лесных богатств края становилось возможным лишь при увеличении численности населения на 638 тыс. человек⁷⁴.

Одновременно отмечалась негативная тенденция, определившаяся в отношении этой проблемы в Москве, — стремление РКИ сократить количество районов общесоюзного значения, в результате чего КМК грозила «опасность быть вычеркнутым из числа районов, заселяемых на общесоюзные средства»⁷⁵.

Вскоре эта опасность материализовалась. На фактическую отмену первоначальных планов колонизации Карелии повлияли несколько факторов. Одним из них было стремление «красных» финнов, возглавивших автономию, обеспечить преобладание среди переселенцев «национального» населения [Кангаспуру. 1997. С. 118], что, естественно, ограничивало масштабы мероприятий. С другой стороны, это вполне совпадало с позицией, занятой РКИ: более важным представлялось с точки зрения интересов безопасности государства массовое переселение людей из европейской части страны на Дальний Восток, где начинался новый этап противостояния между Японией и Россией.

Следует подчеркнуть, что Финляндия в 1927—1928 гг. еще не рассматривалась в качестве безусловного военного противника СССР*. Кроме того, на колонизацию Карелии, которая должна была стать образцом переселенческого дела в СССР⁷⁶, выделялись недостаточные средства. Колонизационный комитет МЖД смог обеспечить ссудами с 1923 по 1926 г. лишь 1300 семей из 2658 подавших заявления⁷⁷.

В 1930 г. в связи с нарастанием финансовых трудностей организация переселенческого дела в СССР была коренным образом пересмотрена, и колонизация стала осуществляться не за счет государственного бюджета, а на средства заинтересованных хозяйственных органов, в первую очередь союзных наркоматов. Это положение было закреплено в выступлении И. В. Сталина на совещании хозяйственников в июне 1931 г., в котором содержалось положение том, что вербовка и устройство рабочих кадров становились прямой обязанностью самих заинтересованных хозяйственных органов⁷⁸. Союзные наркоматы, один из центров складывавшейся в СССР системы власти, в свою очередь, не выделяли достаточных средств для колонизации Карелии, требовавшей в сравнении с другими районами страны затрат больших средств для обустройства переселенцев.

Такое положение дел повлекло за собой ряд далеко идущих последствий: скудный государственный бюджет и недостаточность средств, выделяемых союзными наркоматами, не позволяли финансировать одновременно и намеченные мероприятия по заселению северо-запада и севера СССР. Эти районы стали интересовать Москву лишь с точки зрения развития здесь экспортных отраслей, в первую очередь лесной, для финансирования форсированной индустриализации.

Недостаток средств для обустройства обычных переселенцев в суровых природно-климатических условиях края оставлял только один выбор — использование труда заключенных, которых вскоре в большом количестве поставляла насильственная коллективизация. Кроме того, наконец, была найдена возможность и для использования труда обычного «криминального элемента».

6 июня 1929 г. правительство СССР поручило ОГПУ организовать в районе Олонца — Ухты концлагерь для «изоляции особо-социально-опасных элементов (воров-рецидивистов, уголовников, конокрадов и т. д.)». Численность лагерного населения должна была составить поначалу 10 тыс. человек, а впоследствии ее следовало довести до 50 тыс. заключенных «с использованием этого контингента для разработки природных богатств северных окраин и колонизации этого края»⁷⁹. Вскоре силами заключенных началось строительство Беломорско-Балтийского канала. Тем самым было найдено универсальное решение проблемы освоения северных окраин СССР.

* Выделение средств из государственного бюджета на проведение мероприятий по колонизации Карелии прекратилось в 1929 г. «вследствие изменения целевых установок в центре» [Пеллинен. С. 8].

Лесозаготовки в Карелии силами заключенных начались зимой 1929—1930 гг. в соответствии с постановлением Эконо РСФСР от 10 октября 1929 г. По условиям договора между трестом «Кареллес» и Главным управлением мест заключения 5000 заключенных заготовили с 1 декабря 1929 г. по 1 декабря 1930 г. 1 млн. 700 тыс. фустметров древесины, положив начало массовому использованию принудительного труда в Карелии⁸⁰.

В начале 1931 г., в связи с проводимой за рубежом широкой кампанией против Советского демпинга на мировых рынках лесопродукции и использования принудительного труда, заключенные всех категорий, занятые на лесозаготовках, лесопогрузке и лесозаводах, после получения шифротелеграммы от С. М. Кирова были в течение одних суток сняты с работ. 9 марта 1931 г. второй секретарь Карельского обкома ВКП(б) А. М. Аполоник доложил С. М. Кирову о том, что в Карелии «к настоящему времени все следы прежней работы заключенных внешне скрыты». Образовавшийся после этого «зияющий прорыв»⁸¹ на лесозаготовках стал основной причиной систематического невыполнения планов лесной отрасли Карелии.

Гражданский вариант развития КМК, в общих чертах рассмотренный выше, не был осуществлен. Основной причиной этого стали новые подходы к проблеме, постепенно вызревавшие в центре. Руководство СССР, все помыслы которого были направлены на подготовку к будущей войне, в конце 1920-х гг. отнюдь не рассчитывало на легкую и скорую победу в ней, предвидя возможность

Киров Сергей Миронович

Тракторная вывозка леса, д. Матросы. 1930 г. Фото Я. М. Роскина. НА РК.

оккупации части приграничной территории СССР на западе вероятными противниками. Кроме того, учитывалась и новая роль авиации в будущей войне, которая могла наносить удары по приграничным территориям СССР.

Постановлением Распорядительного Заседания (РЗ) Совета Труда и Оборона от 20 августа 1927 г. Сектору Оборона Госплана, РВС и ВСНХ было дано задание определить приграничные районы, в которых запрещалось строить промышленные предприятия союзного значения.

В первоначальном варианте постановления РЗ СТО от 6 февраля 1928 г. содержалось положение об ограничении строительства промышленных предприятий, имеющих важное государственное значение, в западной приграничной полосе. КАССР наряду с Ленинградом и прилегающей областью, Белорусской ССР, Правобережной Украиной и Крымской АССР была отнесена к категории особо угрожаемых в военном отношении приграничных районов. На этих территориях было запрещено строительство новых предприятий военного назначения, крупных металлургических заводов, предприятий электротехнической, химической, кожевенной, текстильной отраслей союзного значения, эвакуация которых в случае войны была бы затруднена.

Возможный нейтралитет Финляндии (в 1928 г.) в случае войны на западе повлиял на формулировку окончательного варианта постановления РЗ СТО от 30 апреля 1928 г.: КАССР была изъята из перечня особо угрожаемых территорий, однако ненадолго*. Вместе с тем еще в 1927—1928 гг. при разработке концепции первой пятилетки КАССР была включена в полосу «Западных районов» — Северо-Запад и Запад РСФСР, БССР, Правобережье УССР, которые следовало «всемерно экономически укреплять на основе развития там промышленности, главным образом местного значения». При этом ставилась задача на пятилетие: «...дать мощный толчок развитию этих, до сих пор “захудалых” в подлинном смысле слова, районов». На эти цели Госплан выделил специальный резерв в 100 млн. руб., подлежавших распределению среди западных районов. (Для сравнения: на специальное военное строительство в масштабах всей страны Госплан предложил выделить 450—500 млн. руб.)

Ситуация несколько изменилась через два года. В постановлении РЗ СТО от 2 сентября 1930 г. была определена задача преимущественного экономического и социально-культурного развития приграничной полосы (на различных направлениях ее ширина колебалась от 25—40 до 100—150 км) в интересах подготовки к будущей войне. Здесь надо было «насаждать и развивать» промышленные производства местного значения: лесопильные, деревообрабатывающие, бумажные, сельское хозяйство, торфоразработки. На этот раз, в связи с пересмотром позиции Финляндии в будущей войне, в особо угрожаемую зону были включены приграничные районы Карелии⁸². Всего

* Политбюро, исходя из того, что военная опасность угрожала СССР «главным образом со стороны Польши», утвердило проект РЗ СТО 19. 4. 1928. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 63.

в особую зону было включено 9 районов КАССР⁸³. В 1935 г. в списке осталось 8 районов группы «А»*: Олонецкий, Пряжинский, Петровский, Ругозерский, Ребольский, Кестеньгский, Кандалакшский и район Калевалы⁸⁴. Остальные были отнесены к категории угрожаемых, или тыловых.

В особой и угрожаемой зонах все мероприятия, выполняемые по заявкам военного ведомства и имевшие характер специальной подготовки приграничной полосы как будущего театра военных действий, включая строительство стратегических и тактических дорог, торговое строительство и многое другое, выделялись в особые, совершенно секретные приложения к общим хозяйственным планам. Эти мероприятия, которые утверждались по заявкам военных вновь создаваемыми органами — суженными заседаниями СНК союзных и автономных республик и облисполкомами⁸⁵, входили в общие планы лишь в зашифрованном суммарном виде.

Со второй пятилетки процедура составления планов экономического развития в автономной республике была почти полностью милитаризована и Госплан КАССР действовал как филиал штаба ЛВО, распределяя полученные от военных задания по союзным наркоматам и ведомствам местного подчинения. На первый взгляд, эта схема должна была действовать безотказно, однако вскоре выяснилась ее неэффективность.

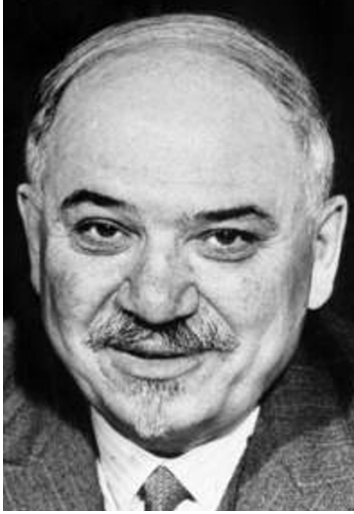
Как на практике осуществлялся особый порядок планирования на территории КАССР в предвоенные годы, видно из следующего примера. В мае 1937 г. штаб ЛВО направил в адрес СНК КАССР заявки на строительство и достройку четырех посадочных площадок для нужд ВВС, четырех авторемонтных мастерских и заводов, задания по производству товарной продукции сельского хозяйства, развитию коневодства, на строительство бензоколонок, гаражей, складов, овощехранилищ, хлебозаводов, больниц, детских яслей, роддомов и многого другого⁸⁶. Эти заявки были включены в план третьей пятилетки КАССР. Кроме того, штаб ЛВО готовил ежегодные задания по оборонному строительству.

Принятие правительством СССР решения о запрете на строительство крупных предприятий союзного значения в особо угрожаемой зоне означало введение ограничений на индустриализацию КАССР. Ленинград с его мощной партийной номенклатурой и возможностью лоббировать свои интересы сумел обойти эти решения, которые, как и в КАССР, запрещали строить в этом городе предприятия союзного значения, в первую очередь военные, а также расширять уже существовавшие. У руководителей малонаселенной Карелии таких возможностей не было**.

Начиная с рубежа 1929—1930 гг. к Финляндии стали относиться как к безусловному противнику СССР в случае войны на западных границах с коали-

* Другое название особо угрожаемой зоны, использовавшееся в 1930-х гг.

** О борьбе партийных организаций регионов СССР за финансирование строительства в них промышленных предприятий см.: Fitzpatrick S. The Russian Revolution 1917—1932. Oxford, 1984. P. 122.

Майский Иван Михайлович

цией, в которую, по мнению военных и политиков, входили Польша, Румыния, Эстония, Латвия и Финляндия*. Решающим аргументом, повлиявшим на пересмотр отношений с Финляндией, стала внутривнутриполитическая ситуация в этой стране — подъем праворадикальных сил и угроза правого переворота [О влиянии праворадикальных сил в Финляндии см.: *Rintala, Kalela, Ahti*].

Начало активизации лапуаского движения в Финляндии относят к ноябрю 1929 г. Значительного же влияния во внутренней политике лапуасцы добились после состоявшегося в начале июля 1930 г. «крестьянского марша» на Хельсинки [*Huvätmäki*. S. 126—127]. Финские коммунисты⁸⁷, руководство Коминтерна⁸⁸, а также многие военные и дипломаты СССР

воспринимали марш на Хельсинки и последовавшие за этим изменения во внутренней политике Финляндии как состоявшийся фашистский переворот. Вскоре финские коммунисты-эмигранты, находившиеся в СССР, получили срочное задание подготовить информационные материалы о Финляндии, чтобы «получить максимально точные сведения о противнике»⁸⁹.

Полпред СССР в Финляндии И. М. Майский направил в июне 1931 г. письмо в НКВД, в котором заявил, «что в случае интервенции Финляндия не останется в положении нейтрального государства. Правильнее... исходить из той перспективы, что Финляндия с первого же дня будет участвовать в военных действиях»⁹⁰. Мятеж в местечке Мянтселя в начале 1932 г. стал тем событием, которое окончательно заставило Советское руководство отказаться от тезиса о нейтралитете Финляндии в случае войны против СССР. (Это не исключало, однако, того, что при разработке оперативных планов до 1939 г. командование ЛВО предусматривало возможность нейтралитета Финляндии.)

В то же время северо-западный театр военных действий в начале 1930-х гг. по-прежнему рассматривался как второстепенный: судьба будущей войны должна была решаться, по мнению военно-политического руководства страны, на западном и юго-западном направлениях, что соответствовало и представлениям царского Генштаба. Страна стала готовиться к масштабной сухопутной войне с массированным применением танков и авиации на западном театре военных действий.

* Операция по овладению г. Хельсинки впервые прорабатывалась в марте 1930 г. в ходе совместной военной игры начальствующего состава ЛВО и морских сил Балтийского моря: Приказ РВС МСБМ 11. 3. 1930. РГА ВМФ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 142. Л. 52.

С появлением Германии в качестве основного противника на рубеже 1934—1935 гг. в военно-политических расчетах руководителей СССР северное и северо-западное направления вплоть до 1938—1939 гг. ушли на второй план. Считалось естественным, что слабые в военном отношении страны Прибалтики и Финляндия не смогут оказать серьезного сопротивления РККА в случае войны.

Для Карелии пересмотр стратегических приоритетов означал значительное сокращение средств, выделявшихся на развитие военно-гражданской инфраструктуры республики. Это обстоятельство, однако, осталось незамеченным некоторыми финляндскими исследователями, склонными преувеличивать масштабы военных приготовлений в КАССР. Так, в 1975 г. в одной из военно-исторических работ утверждалось, что в 1930-х гг. на севере СССР получило значительное развитие железнодорожное и аэродромное строительство [Usva. S. 168—169], что не соответствовало действительности.

По мнению П. Ниеминена, в Карелии в период с 1933 по 1939 г. на всем протяжении государственной границы был создан надежный оперативный тыл для действий частей РККА: сеть железных и шоссейных дорог, аэродромы, казармы, больницы и хлебопекарни, способные обеспечить всем необходимым войска, которые действовали бы против Финляндии [Niemi-nen. S. 3—4]. Характерное для большинства финляндских исследований, это представление, несмотря на его привлекательность, ничего общего не имело с гораздо более прозаичной действительностью.

Парад на площади Свободы, посвященный 10-летию автономии Карелии.
Петрозаводск. 1930 г. НА Р.

ГЛАВА 3

ВОСТОЧНАЯ КАРЕЛИЯ В ВОЕННОМ ПЛАНИРОВАНИИ ГЕНШТАБА ФИНЛЯНДСКОЙ АРМИИ

Отнесение приграничных районов КАССР к особо угрожаемой зоне имело под собой определенные основания. Планы военных операций на случай вооруженного конфликта с СССР разрабатывались Генеральным штабом финляндской армии еще в 1920-е гг. [Arimo. 1987. S. 193—322; Arimo. 1990. S. 132—136]. При этом «восточный сосед» рассматривался военными и политиками как основной противник Финляндии, угрожавший ее независимости [Sélen. S. 187; Visuri. P. 16].

Основная идея разработчиков оперативных планов заключалась в создании достаточного оборонительного потенциала, который позволил бы нанести существенный урон агрессору. Финляндия при этом рассматривалась как обороняющаяся сторона. Предполагалось, что СССР выступит одновременно против всех или нескольких государств-лимитрофов на своей западной границе, в первую очередь Польши, Эстонии и Латвии и, возможно, Румынии.

План ведения войны против СССР после нападения его на Финляндию заключался в обеспечении надежной обороны на Карельском перешейке и осуществлении активных операций в Восточной Карелии. При этом военные в Финляндии исходили из предположения о невозможности наступления РККА на этом фронте крупными силами из-за недостаточной опе-

ративной емкости* этого театра военных действий (ТВД), географических и климатических особенностей территории.

До 1926 г. финляндская армия действовала в соответствии с оперативными планами, разработанными под руководством начальника Генерального штаба генерал-майора Энкеля. После вынужденного ухода О. Энкеля с этого поста в 1924 г. эти оперативные планы, в которых, по мнению егерей, преобладал оборонительный акцент, были пересмотрены [Saarikoski. S. 185].

Генеральный штаб финляндской армии, который возглавил 32-летний офицер-егерь К. Валлениус, разработал носивший более наступательный характер оперативный план VK 27 (Venäjän keskitys 1927), окончательно утвержденный в 1930 г. [Talvisodan historia. Osa 1. S. 79]. В этом плане предусматривалась возможность осуществления наступательных операций одновременно на Карельском перешейке и в Карелии [Turtola. 1997. S. 80].

Составители плана VK 27, действовавшего с 1927 по 1934 г., исходили из предположения, что финляндская армия сможет опередить противника в сроках проведения мобилизации и сосредоточения благодаря развитой системе коммуникаций и разбить части прикрытия Красной Армии, заняв более выгодные позиции [Talvisodan historia. Osa 1. S. 80—81].

В рамках этого плана командующий вооруженными силами Финляндии ветеран Олонецкого похода генерал Сихво утвердил 29 октября 1930 г.** директивы войскам, действовавшим на Карельском перешейке, в Северном Приладожье и к северу от Ладоги до Баренцева моря. Задачи, поставленные 3-му армейскому корпусу (АК), действовавшему в Северном Приладожье, предусматривали сосредоточение главных сил для продвижения с началом войны в направлении Ведлозеро — Сямозеро.

По расчетам финляндского Генштаба, противник мог иметь на этом направлении к началу войны стрелковую и кавалерийскую дивизии половинного состава, резервы же — три стрелковые дивизии — стали бы прибывать к линии фронта лишь начиная с 13—14-го дня после начала мобилизации. переброска последней, третьей, дивизии могла завершиться при благоприятных условиях только на 20-й день⁹¹.

Возникшую паузу финляндская армия должна была использовать для разгрома слабых сил противника и овладения важным в стратегическом отношении района озер Святозеро — Сямозеро — Ведлозеро — Шотозеро. После этого, в зависимости от ситуации, 3-й АК должен был по отдельности разбить наступавшие от Петрозаводска или Олонца — Лодейного Поля части Красной Армии.

* Емкость ТВД определяется его размерами (шириной и глубиной), географическим положением, условиями местности, ее доступностью для действий объединений (соединений) различных видов вооруженных сил, развитием и состоянием путей сообщения, аэродромной сети, портов ВМБ [Военный энциклопедический словарь. С. 252].

** План был утвержден в момент, когда правые силы в Финляндии находились на подъеме.

В плане предусматривалась возможность переброски 13-й пехотной дивизии (п.д.) на Карельский перешеек. В этом случае 8-я п.д. 3-го АК выдвинулась бы на выгодный оборонительный рубеж Вешкелицы — Суурмяки — Ведлозеро, а 24-й пехотный полк (п.п.), наступая из района Суоярви, занял бы перешеек между озерами Сямозеро и Шотозеро. Под давлением превосходящих сил противника 3-му АК «в любом случае» следовало сохранить плацдарм на восточном берегу реки Янисъёки для последующей концентрации здесь резервов.

На севере части, подчиненные 13-й п.д., во взаимодействии с отдельным батальоном, дислоцированным в Иломанси, продвигались бы к озерам Поросозеро и Мунозеро. 10-й п.п. с приданными частями овладевал бы на первом этапе населенными пунктами Реболы и Лендеры, направив после этого диверсионные отряды на Кировскую железную дорогу. Действовавшая на левом фланге 3-го корпуса группа «Кайну» продвигалась бы от Соткамо на территорию противника, выслал отряды на железную дорогу Ленинград — Мурманск⁹².

Группа «Карелия» в соответствии с планом прикрывала сосредоточение полевой армии на линии Питкяранта — Уома — Суоярви. Группа должна была приступить к выполнению задачи «посредством ограниченного наступления», «максимально быстро» после объявления войны⁹³. Для прикрытия района концентрации основных сил 3-го АК группа «Карелия» овладевала бы д. Вешкелица и д. Чалки, а при наличии здесь значительных сил противника «в любом случае» следовало «неожиданно овладеть Тулемярви и держать его в руках»⁹⁴.

Задачей группы «Северная Карелия», штаб которой находился в населенном пункте Лиекса, были наступление в направлении Реболы — Лендеры, а также действия диверсионных отрядов против Кировской железной дороги, которую планировали, «по крайней мере, перерезать временно». По расчетам Генштаба финляндской армии, резервы Красной Армии могли прибыть в район боевых действий по причине недостаточной пропускной способности железной дороги и плохого состояния путей сообщения лишь на 23-й день после начала мобилизации.

Предполагаемую слабость частей РККА на этом направлении можно было использовать с выгодой для себя, продвинувшись «настолько далеко вглубь Беломорской Карелии», что это обезопасило бы Финляндию с этой стороны и одновременно отвело бы угрозу от железной дороги, идущей вдоль южного берега озера Пиелисьярви.

В дальнейшем в районе Поросозеро — Лендеры — Реболы предполагалось создать опорный пункт, опираясь на который можно было бы продолжать операции. После установления связи с группой «Кайну», которая должна была наступать в направлении Ухты на севере, и с отдельным батальоном, целью которого было овладение Поросозером, группа «Северная Карелия» продолжила бы наступление с выходом на линию Люття — Андропова

Гора — Нуоккиярви. Независимо от операций главных сил особые отряды должны были «стремиться нарушать коммуникации противника и, в особенности, перерезать Мурманскую (железную. — Ю. К.) дорогу».

Сходное положение, по расчетам финляндских военных, существовало и в районе действий группы «Северная Финляндия». Красная Армия, по данным разведки, была представлена здесь батальоном неполного состава, дислоцированным в Ухте. Подкрепление могло прибыть лишь на 27-й день после начала мобилизации в ЛВО: один полк — в район Ухты и на 26—27-й день — еще один полк. С учетом этих условий были сформулированы задачи группы «Северная Финляндия». Сосредоточенные в Суомуссалми войска должны были обеспечить левый фланг наступающей на Реболы группы «Северная Карелия». Передовые отряды группы «Кайну» продвинулись бы к линии Лувозеро — Контокки — Латваярви. В районе Рованиеми и Каяни оставались силы, которые были включены в стратегический резерв ставки финляндской армии. Находившаяся в пос. Салла 55-я рота сразу после начала боевых действий должна была пересечь границу и перерезать железную дорогу между Кемью и Кандалакшей. В дальнейшем рота действовала бы на коммуникациях РККА в этом районе, затрудняя концентрацию войск⁹⁵.

Окончательную форму планы, в которых в качестве основного противника учитывался СССР, приобрели в конце февраля 1934 г. в связи с переходом финляндской армии к территориальной системе [Arimo. 1987. S. 383]. В дальнейшем эти планы претерпевали незначительные изменения.

Доведенные до сведения командиров дивизий в конце марта 1934 г. планы VK 1* (наступательный вариант) и VK 2 (оборонительный) заменили охарактеризованный выше план VK 27. В Ладужской Карелии в течение двух лет, до начала 1936 г.**, действовал лишь наступательный вариант — план VK 1.

Конечной задачей, которую решал 4-й АК, действовавший в Северном Приладожье, было «ограничение операций русских... перешейком между Ладужским и Онежским озерами», т. е. корпус должен был выйти к реке Свири. Для этого поначалу требовалось овладеть, ведя наступление из Суоярви и Уома, районом озер Сязозеро — Святозеро — Ведлозеро — Шотозеро. Затем предполагалось наступать либо в направлении Петрозаводска, либо на Олонец с целью «разгрома сконцентрированных в Южной Карелии войск противника» [Arimo. 1987. S. 421].

Целью операции группы «Северная Финляндия» и подчиненной ей группы «Северная Карелия» была в соответствии с планом 1934 г. «активная деятельность, распространяющаяся на территорию России» в случае войны с ней.

* Venäjän keskitys 1 («Российское сосредоточение 1») — план, предусматривавший возможность войны с СССР.

** Это было связано как с общим ростом военной мощи СССР, так и с размещением в Карелии осенью 1935 г. 18-й с.д.

В первую очередь группа «Северная Карелия» овладевала расположенной недалеко от границы д. Реболы, наступая из района Лиекса и Кухмо.

Последующие задачи групп зависели от обстановки в Южной Карелии. После овладения д. Реболы при благоприятных условиях группа «Северная Карелия» должна была подготовиться к дальнейшему наступлению «вглубь Карелии» [Arimo. 1987. S. 449]. На севере Финляндии, вплоть до 1939 г., военные руководствовались оперативным планом VK 1 наступательного характера, оборона здесь даже не предусматривалась [Kronlund. S. 277].

Основной задачей группы «Северная Финляндия» было отвлечь на себя как можно более крупные силы противника, чтобы облегчить положение частей финляндской армии, обороняющихся на Карельском перешейке и в Северном Приладожье. По мнению военных, эта цель была достижима лишь в случае создания угрозы Кировской железной дороге. По расчетам Генштаба финляндской армии, РККА требовалось не менее двух недель для переброски в Северную Карелию крупных воинских формирований [Arimo. 1987. S. 449].

Эту паузу предполагалось использовать для продвижения вперед. 15-й егерский батальон овладевал бы Вокнаволоком и Костомукшей, наступая из района Суомуссалми, а впоследствии распространял бы деятельность диверсионных и разведывательных групп вглубь Карелии. 16-й егерский батальон, наступая из района Куусамо, должен был разбить противника в приграничных боях, продвигаясь затем в направлении Ухты. Выдвинувшись к госгранице из района Салла, 17-й егерский батальон, нанеся поражение частям Красной Армии, дислоцированным на этом направлении, должен был отправить сильное подразделение или несколько отрядов для проведения диверсий на железной дороге Ленинград — Мурманск [Arimo. 1987. S. 450—451].

В июне 1936 г. был утвержден второй вариант плана действий 4-го АК в случае войны с СССР. Теперь задачей корпуса было не допустить продвижение противника западнее линии Янисьёки — Янисъярви — Корписелькя — Иломанси — Уймахарью⁹⁶. После завершения оборонительного периода предполагалось перейти в наступление с целью разгрома южной группировки противника⁹⁷.

Предвоенные оперативные планы финляндской армии, действовавшие на фронте от Ладожского озера до Баренцева моря, в отличие от аналогов, составленных для Карельского перешейка, предполагали весьма активные действия, в первую очередь на территории Восточной Карелии, сразу после начала войны между СССР и Финляндией. С военной точки зрения это давало значительные преимущества, позволяя уменьшить угрозу со стороны Красной Армии на северном направлении и избежать выхода частей РККА в тыл группировке финляндской армии, оборонявшей Карельский перешеек.

Следует отметить, что на концепцию разработки оперативных планов финляндской армии самое непосредственное влияние оказали идеи акти-

визма и опыт военных экспедиций в Восточную Карелию, осуществлявшихся в 1918—1919 гг. Военные, составлявшие эти планы, как правило, либо сами в прошлом были активистами, либо сочувственно относились к идеям активизма.

Почва, благоприятная для разработки оперативных планов, впрочем, создавалась не только усилиями активистов, но и начиная с 1930 г. неразумной национальной и экономической политикой центральных властей в Карелии. Это обстоятельство также учитывалось военными в Финляндии, вплоть до надежд на восстание части карельского населения в случае войны и «освободительный поход» в Восточную Карелию. К выводу о возможности такого восстания военные в Финляндии могли прийти, проанализировав собранные агентурой данные*, а также сведения из открытой печати. Его побудительной причиной могло стать недовольство большей части населения Карелии коллективизацией и низким уровнем жизни. 10 апреля 1933 г. Центральная сыскная полиция Финляндии в докладе о политической и экономической ситуации в Карелии, направленном в МИД страны, оценивала количество противников Советской власти в этой республике в 75% от всего населения⁹⁸.

С начала 1936 г. стало возрастать стратегическое значение Севера и Северо-Запада СССР, что в первую очередь было связано с планами создания мощного военно-морского флота, крупной военно-морской базы (ВМБ) на Кольском полуострове и строительства в районе Архангельска большого судостроительного завода. Осенью 1935 г. в Карелию из Ярославской области была переведена 18-я дивизия, что значительно увеличило военные силы, дислоцированные в республике. Усиление группировки РККА в Карелии не привело, однако, к пересмотру охарактеризованных выше оперативных планов групп «Северная Карелия» и «Северная Финляндия».

Составляя довоенные оперативные планы, командование финляндской армии существенно преувеличивало роль и значение своей страны как противника СССР, исходя из неверных представлений о том, какое место занимала Финляндия в сценарии войны, которую бы вела Красная Армия на западе. Отнесение Финляндии к безусловным противникам в 1930—1931 гг. не сразу привело к пересмотру оперативных планов Северо-Западного фронта (СЗФ), войска которого должны были действовать против Эстонии, Латвии и Финляндии. Исход военной кампании на этом направлении до 1935 г.**; по мнению командования Красной Армии, решался на южном побережье Балтийского моря. В соответствии с оперативным планом

* По оценке Генштаба финляндской армии, сделанной в 1930 г., «вряд ли возможно», что сведения о концентрации частей РККА в Приладожье «не проникнут в Финляндию». YSE. Os. 3. Op. toimisto. № 144/VK 27/ op. sal. Toimintaohje Karjalan ryhmälle operatiivista toimintaa varten. 29. 10. 1930. Sark. T 2861/30. S. 1.

** Это было связано с пересмотром в 1935 г. роли Германии, которую с этого года стали считать основным противником СССР на западном направлении.

1932 г. из 20 стрелковых дивизий СЗФ против Эстонии и Латвии должны были действовать 15 дивизий, а против Финляндии — лишь 4, в том числе 3 — на Карельском перешейке. В Карелии задачи по прикрытию границы выполняли одна стрелковая дивизия и одна стрелковая бригада⁹⁹.

По оперативному плану СЗФ 1936 г. силы были распределены почти поровну: из 15 стрелковых дивизий, имевшихся в распоряжении фронта, 8 действовали бы против Эстонии и Латвии и 7 — против Финляндии, в том числе 2 — в Карелии. Лишь в 1937 г. в оперативный план СЗФ были внесены важные изменения: на этот раз против Финляндии были сосредоточены основные силы фронта — 11 из 16 стрелковых дивизий. Перед относительно слабой группировкой РККА в Карелии (две стрелковые и одна горнострелковая дивизия) в 1937 г. была поставлена задача по овладению частью территории Финляндии — городами Каяни, Нурмес, Сортавала¹⁰⁰.

Группировка Красной Армии, которая развертывалась в Карелии в случае войны, была относительно слаба не по причине недостаточности сведений о намерениях командования финляндской армии*, а потому, что до начала Второй мировой войны это направление рассматривалось штабом РККА как второстепенное, несмотря на то, что, по крайней мере, с начала 1930-х гг. военная разведка СССР имела довольно точные данные об оперативных планах финляндской армии, которые были охарактеризованы выше**. Это заставляет по-новому взглянуть на многие процессы, происходившие в Карелии до начала Второй мировой войны.

Военно-экономическая слабость Советского государства на Европейском Севере в целом и, в частности, в Карелии, несостоятельная экономическая политика и, как следствие, низкий уровень жизни населения приграничной автономной республики предопределяли характер действий центральных властей. Недовольные Советской властью «элементы» — потенциальная «пятая колонна» в случае войны — подлежали депортации, а затем во все возрастающих масштабах и физическому уничтожению. Специфика и интенсивность этих процессов в Карелии в 1930—1938 гг. объяснялись в первую очередь приграничным положением республики и необходимостью во что бы то ни стало обеспечить стратегические интересы СССР, но не путем осуществления дорогостоящих военно-экономических проектов, а за счет не требовавших больших затрат политических мероприятий***.

* О деятельности военной разведки СССР в Финляндии см.: [Tigerstedt].

** См., например: Записка начальника РО ЛВО комбрига Евстигнеева «План обороны восточной границы Финляндии», основанная на информации «источника» за 1937 г. РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 103. Л. 5—7.

*** См.: Выступление начальника Карельского управления НКВД С. Т. Матузенко (июнь 1938 г.). НА РК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 6. Л. 36—41.

ГЛАВА 4

БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКИЙ КАНАЛ КАК ЭЛЕМЕНТ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ СССР

Составляя предвоенные оперативные планы, важной частью которых было овладение значительной частью территории Восточной Карелии, командование финляндской армии оказалось не в состоянии оценить стратегические расчеты, составившиеся в Москве еще в первой половине 1920-х гг. в отношении северного и северо-западного регионов страны. На рубеже 1920—1930-х гг. эти расчеты приобрели глобальный характер, что было связано с нарастанием военной угрозы СССР со стороны Японии на Дальнем Востоке. Беломорско-Балтийский водный путь (ББВП), часть которого проходила по территории Карелии, должен был обеспечить прямое морское сообщение между Европейской частью СССР и Дальним Востоком, став дополнительной транспортной магистралью, имевшей военно-стратегическое значение.

Самым крупным проектом, осуществленным на территории Карелии до войны, стало строительство Беломорско-Балтийского канала — части грандиозного водного пути, начинавшегося в устье Невы и завершавшегося в Соробе (Беломорске). Первый известный проект строительства этого водного пути датирован 1824 г., после чего последовали многочисленные предложения о его реализации, как частных лиц, так и государственных органов Российской империи. Идея могла быть осуществлена уже в 1870-е гг., когда Общество частных капиталистов изыскало для этого средства*, одна-

* Стоимость реализации проекта 1870 г. оценивали в 12 млн. руб. [Чухин. 1990. С. 9].

ко царская бюрократия не утвердила Устав Общества и проект был положен под сукно¹⁰¹.

После Октябрьского переворота 1917 г. проект строительства ББВП был сразу же одобрен большевиками и руководством морского ведомства, по инициативе которого 10 июля 1919 г. начала работу комиссия по изучению и военно-географическому описанию будущего водного пути. В 1922 г. комиссия под руководством инженера Никольского завершила исследования, представив два возможных варианта строительства — западный и восточный¹⁰².

Поначалу, в 1918—1919 гг., проект получил новое, военное, звучание. Выдвигая идею его осуществления, большевистское руководство страны исходило из того, что появление на политической карте Европы новых независимых государств, в первую очередь Польши, Эстонии, Латвии и Финляндии, и установление в них «капиталистического строя» с военно-стратегической точки зрения сводило на нет успехи России на Балтике, достигнутые за несколько столетий.

Кроме того, в отношении Латвии и Эстонии у большевиков были и претензии экономического порядка: эти страны мешали, по их мнению, свободному движению экспортных и импортных товаропотоков между странами Запада и Россией. Возможность исправить это положение уже в начале 1920-х гг. рассматривалась исключительно в военной сфере. Впрочем, внутри- и внешнеполитическое положение режима в 1920-е гг. было столь непрочным, что о немедленном возвращении к довоенному статус-кво на Балтике нельзя было и думать. В этих условиях военно-политическое руководство страны вспомнило о «запасном окне» в Европу, которым так долго пренебрегала царская Россия.

В сентябре — декабре 1920 г. на Кольский полуостров была направлена особая комиссия по обследованию Мурманского побережья и созданию в Кольском заливе военно-морской базы. Катастрофическое состояние финансов России заставило комиссию отказаться от предлагавшегося ею размещения здесь «большого флота» и предложить вместо этого дислоцировать на Кольском полуострове флотилию в составе крейсера «Светлана», 12 эсминцев типа «Новик», 1 дивизиона сторожевых кораблей (8 единиц), 10 тральщиков, 8 подводных лодок и авиаматки «Орлица». Однако и этот план выполнен не был по причине недостаточности средств¹⁰³.

К фактическому началу строительства ББВП в его южной части, на реке Свири, в условиях «военного коммунизма» приступили в конце 1917 — начале 1918 г. Работы, проводившиеся на Свири, имели «военно-стратегический характер» и должны были вскоре создать сплошной фарватер от Кронштадта до Онежского озера для судов с 14-футовой осадкой. С переходом к НЭПу от дорогостоящего проекта пришлось отказаться.

В разработке первого пятилетнего плана самое активное участие приняли представители военного и морского ведомств, по настоянию которых было решено включить в план пятилетки мероприятия по строительству воен-

но-гражданской инфраструктуры, в первую очередь дорог и объектов водного хозяйства. Несколько позже, 3 июня 1930 г., Совет Труда и Оборона принял постановление о строительстве Беломорско-Балтийского канала. В документе был определен основной параметр канала: «работы вести с расчетом пропускания канала, допускающего прохождение судов с осадкой в 18 футов»¹⁰⁴.

В соответствии с планом строительство южной части водного пути, от Ленинграда до Онежского озера, следовало начать с 1 октября 1930 г. и окончить в течение двух лет. Затраты ограничивались 60 млн. руб., в то время как, по оценке профессора В. Е. Тимонова, требовалось не менее 97 млн. руб., в том числе на реке Неве и Ладожском озере — 20 млн. руб., на Свири — 75 млн. руб. и на Онежском озере — 2 млн. руб.¹⁰⁵

В постановлении СТО говорилось и о строительстве северной части ББВП. Объемы финансирования работ официально определены не были, указывалось лишь на необходимость «при определении стоимости работ по сооружению северной части канала учесть возможность привлечения уголовного труда к этим работам»¹⁰⁶.

Рассматривались два варианта строительства канала, соединяющего Онежское озеро и Белое море, — восточный и западный. Восточный, который в итоге и был осуществлен, имел протяженность 242 км, высота его водораздельного участка над Онежским озером составляла 72,4 м, а над Белым морем — 105,4 м. Общая стоимость работ была оценена рабочей комиссией по строительству ББВП в 240 млн. руб. Итоговая же стоимость всего водного пути (восточный вариант) была исчислена в 348 млн. руб. (западного варианта — в 382 млн. руб.)¹⁰⁷.

С точки зрения командования военно-морских сил РККА, наиболее важными параметрами будущего водного пути, и в первую очередь шлюзов, были их глубина, длина и ширина, определявшие стратегическую ценность канала для страны, лишенной в тот период безопасных выходов в Мировой океан. Военные моряки, в условиях значительного сокращения финансирования строительства новых боевых кораблей во второй половине 1920-х гг., стремились обеспечить будущие потребности военно-морского флота. ББВП, по замыслу командования флота СССР, должен был обеспечить переброску боевых кораблей, включая тяжелые крейсера водоизмещением до 10 000 тонн.

В направленном начальнику «Беломорстроя» 16 июля 1930 г. письме начальник ВМС РККА Р. А. Муклевич назвал вполне приемлемым «запроектирование основных сооружений на 28 футов (8,5 м)», что значительно превышало требования ВМС, которые в тот момент ограничивались 18 футами (5,5 м) с соответствующим запасом под килем. Минимальные длина и ширина искусственных сооружений должны были составить соответственно 200 и 21 м¹⁰⁸.

Управление ВМС РККА в октябре 1930 г. конкретизировало требования военных, направив начальнику «Беломорстроя» письмо, в котором содержалось пожелание, чтобы глубина шлюзов и канала были не менее 21

фута, а длина и ширина шлюзов должны были обеспечить проход кораблей с наибольшими размерами по длине 195,3 м, по ширине — 20,8 м¹⁰⁹.

Новые требования были определены, исходя из дополнительных заданий штаба РККА обеспечить по ширине и длине проход крейсеров водоизмещением в 10 000 т типа «Лондон» или «Бельцано»¹¹⁰. (РККФ таких кораблей в то время не имел.) На практике это означало, что при условии выполнения проекта из Балтийского моря в Белое море при необходимости могла быть переведена большая часть боевого состава КБФ, за исключением линейных кораблей.

15 октября 1930 г. длившаяся почти десятилетие вражда между командованием сухопутных войск и флота, причиной которой была конкуренция за финансирование, завершилась широкомасштабными репрессиями против военных моряков: начались массовые аресты командного состава, преподавателей военно-морских учебных заведений, что фактически обезглавило ВМС страны [Зонин. С. 253].

Лишившись своего главного защитника, проект ББВП был немедленно скорректирован в сторону ухудшения его основных параметров, а ОГПУ смогло тем самым выполнить этот вариант к назначенному сроку — началу навигации 1933 г.

Правительство страны проявило непоследовательность, фактически отказавшись от осуществления первоначального плана уже в январе 1932 г., когда работы на ББК шли полным ходом: СНК СССР принял постановление, в котором содержалось указание «обеспечить к началу навигации 1933 г. проход судов с осадкой до 10 футов»¹¹¹.

Председатель СНК СССР В. М. Молотов подписал это постановление, по существу практически сводившее к нулю стратегическую ценность водного пути в условиях цейтнота: строительство искусственных сооружений требуемой проектом глубины при наличных силах и средствах ГУЛАГа завершить, как это предусматривалось, к весенней навигации 1933 г. было невозможно*.

Протесты командования ВМС, просившего увеличить проектную глубину хотя бы до 12 футов (тогда как 18 октября 1930 г. была согласована глубина 23 фута), остались без ответа. В заключении, составленном УВМС РККА, указывалось на последствия, которые влекло за собой отступление от первоначального проекта. По мнению специалистов, «использование канала будет весьма незначительным и таким образом с точки зрения военного использования не окупит тех колоссальных затрат, которые уже произведены и намечены в 1932 г.»¹¹².

По настоянию командования военного флота председатель РВС СССР и наркомвоенмор К. Е. Ворошилов обратился с письмом к В. М. Молотову,

* Об ограниченных средствах на строительство канала см.: Протокол заседания особого комитета по сооружению ББВП [ГУЛАГ в Карелии. С. 11].

К. Е. Ворошилов и С. М. Киров на ББК 18—25 июля 1933 г. НА РК

в котором заявил, что «ББК, который позволит в 1933 году проходить судам с осадкой до 10 футов, не удовлетворяет оборонным задачам Союза ССР», и высказал мнение о необходимости пересмотра постановления правительства СССР с тем, чтобы по всей системе могли проходить суда с осадкой не менее 12 футов¹¹³.

18 мая 1933 г. из Кронштадта в Мурманск отбыл первый отряд кораблей, из которых была сформирована Северная военная флотилия. Экспедиция особого назначения (ЭОН-1) перевела на север эскадренные миноносцы «Урицкий» и «Рыков», подводные лодки «Народоволец» и «Декабрист», сторожевые корабли «Смерч» и «Ураган». Для уменьшения осадки пришлось снимать с кораблей значительную часть оборудования, а также все артиллерийское вооружение. В ту же навигацию, в августе — сентябре, ЭОН-2 перевела на север эсминец «Карл Либкнехт», подводную лодку № 23 и сторожевой корабль «Гроза»¹¹⁴.

На проводку весной эсминцев и подлодок в среднем уходило 22 дня (их переводили в специальных доках, уменьшавших осадку), на сторожевые корабли — 17 дней. Осенью срок удлился соответственно до 27—30 и 17—20 дней. Одновременно можно было переводить не более трех кораблей¹¹⁵.

Впоследствии боевые корабли еще несколько раз переводили с Балтийского моря в Мурманск и обратно. Так, в мае — июне 1937 г. был передислоцирован на север 16-й дивизион подводных лодок в составе 4 единиц («Щука» 401—404)¹¹⁶.

Ограниченные возможности ББВП, которые в результате отхода от первоначального проекта позволяли проводить лишь небольшие надводные ко-

рабли и подлодки, были очевидны еще до завершения строительства. В 1931 г. началась война Японии в Маньчжурии, особые интересы СССР в этом регионе оказались ущемленными, а противопоставить мощному военно-морскому флоту Японии на Тихом океане в то время было нечего. Вызывали тревогу и дальнейшие намерения японцев, которые лишь в 1922 г. под давлением США, опасавшихся усиления своего основного конкурента в Азии, вывели войска из российской Сибири [Pratt. P. 309, 313].

Кроме того, пути сообщения — единственная железная дорога, связывавшая Дальний Восток с центром страны, — явно не обеспечивала надежного снабжения войск в случае войны. Стало ясно, что необходима еще одна транспортная артерия.

17 декабря 1932 г. перед Главным управлением Северного морского пути (ГУСМП) была поставлена задача «проложить окончательно Северный морской путь от Белого моря до Берингова пролива, оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии и обеспечить безопасность плавания по этому пути»¹¹⁷.

Уже летом 1933 г. стало очевидно, что в строительстве ББВП была допущена серьезная ошибка. Грузы, направлявшиеся из Европейской части России на Тихий океан, не могли быть перевозимы по только что отстроенному водному пути из-за недостаточной глубины канала. 17 августа 1933 г. правительство СССР поставило перед ОГПУ задачу «разработать проблему сооружения второй линии шлюзов на ББК и углубления и расширения его»¹¹⁸.

5 марта 1934 г. основной виновник срыва первоначального проекта ББВП — Главное управление лагерями и трудовыми поселениями при ОГПУ направило начальнику ВМС РККА извещение о том, что «в настоящее время Белбалткомбинат во исполнение постановления СНК СССР от 17.VIII. 1933 г. приступает к проектированию второй нитки Беломорско-Балтийского канала...». Морякам было предложено «срочно установить размеры сооружений»¹¹⁹.

28 июля 1934 г. военные моряки отправили исполнителю проект задания. В документе указывалось, что «размеры шлюзов на второй нитке ББВП... должны удовлетворять требованиям для прохода крейсера длиной до 240 метров, шириной 21,5 метра и осадкой в разгруженном состоянии 5,7 метра»¹²⁰. (В это время в СССР проектировался новый тип крейсера длиной 190 м, шириной 17 м и осадкой 5,3 м.)

14 сентября 1934 г. в Госплане СССР состоялось совещание, на котором было решено на реке Свири строить шлюзы длиной 290 м, шириной 30 м и глубиной 7,4 м. Ставилась задача — глубину всего пути на реке Свири иметь 6,4 м, с возможностью доведения ее впоследствии до 7,4 м. На второй нитке ББК шлюзы должны были иметь следующие габариты: длина 245—250 м, ширина 24 м и глубина не менее 7,4 м¹²¹.

К 4 июля 1934 г. ОГПУ составило две рабочие гипотезы, исходя из габаритов шлюзов ББК в 200 x 21,5 x 6,4 м и 290 x 30 x 6,4 м. По первому варианту стои-

А. И. Микоян и А. А. Жданов на Беломорско-Балтийском канале. 1935 г. НА РК

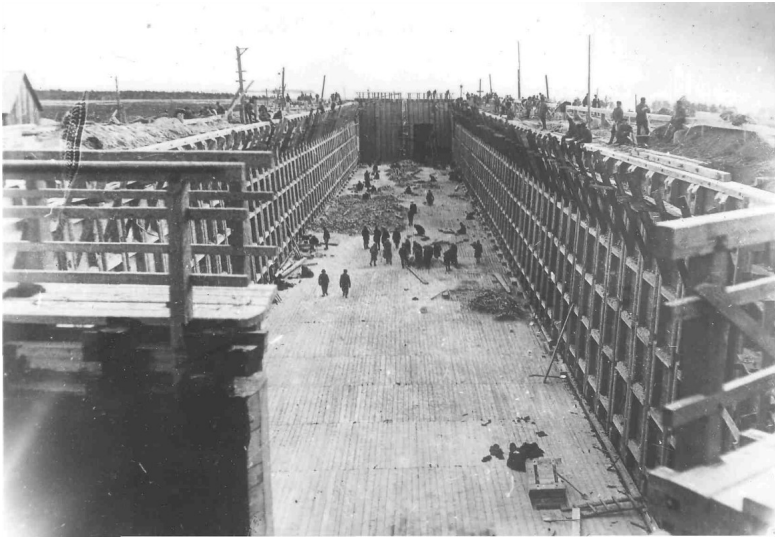
мость всех работ исчислялась в 1 млрд. 218 млн. руб. Предполагалось только на земляных работах вынуть 47,2 млн. куб. м грунта, построить около 3 тыс. куб. м бетонных и железобетонных сооружений. Стоимость и объемы работ по второму варианту были на 40% выше первого. Работы следовало завершить через 3—4 года¹²².

На этом дело и остановилось. Попытки приступить к осуществлению проекта не привели к желаемому результату. 22 августа 1939 г. в ходе подготовки к войне с Финляндией первый секретарь Карельского обкома партии Г. Н. Куприянов в ответ на просьбу А. А. Жданова сообщил свои предложения по строительству 2-й нитки ББК. «Специалисты утверждают, что дешевле, скорей и целесообразнее строить второй канал параллельно действующему, на расстоянии около километра восточнее действующего»¹²³. Г. Н. Куприянов предложил всю рабочую силу ББК, примерно 70 тыс. человек, перебросить на это строительство с 1 января 1940 г. «с расчетом открыть движение по новому каналу с началом навигации 1941 г.»¹²⁴.

Начало войны с Финляндией и последовавшая вскоре большая война заставили отказаться от осуществления этого проекта. ББК остался дорогостоящим памятником бесхозяйственности Советской системы: значение канала для экономического развития края, как это вскоре выяснилось, было невелико. В стратегическом же отношении значение водного пути было

ничтожным. Фактически в 1930—1933 гг. был построен канал каботажного плавания*, проект которого был предложен еще в XIX в.

Несмотря на провал реализации первоначального проекта строительства Беломорско-Балтийского канала, он, по мнению руководства страны, а также командования армии и флота, существенно увеличивал значение Карелии в обеспечении долгосрочных военно-стратегических интересов Советского государства, что, в свою очередь, стало одним из факторов, повлиявших на пересмотр Москвой своей карельской политики в середине 1930-х гг.

Строительство шлюза на Беломорско-Балтийском канале. Начало 1930-х гг. НА РК

* Для плавания судов между портами одного и того же государства.

ГЛАВА 5

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАССР В 1920—1939 гг.

Программа экономического развития Карелии вскоре после основания КТК была разработана норвежским инженером Х. Лангсетом, прибывшим в Петрозаводск по приглашению Совета народного хозяйства Коммуны в ноябре 1920 г. [Афанасьева, С. 10]. В концептуальном отношении программа, весьма реалистичная и при определенных условиях выполнимая, намного опередила время. В некоторых отношениях ориентиры, обозначенные в ней, не достигнуты в Карелии и в начале XXI в.

Общая идея стратегии экономического развития Карелии была изложена в рассмотренном выше письме Э. Гюллинга Ю. Сиrolа в конце марта 1920 г. до образования КТК. Находясь еще в Стокгольме, Э. Гюллинг полагал, что Карелия в условиях послевоенной реконструкции в Европе «имеет особенно хорошие экономические предпосылки, чтобы во время нынешнего большого спроса на лесные товары стать большим “лесным предприятием”», которое позволило бы не только финансировать экономическое развитие края, но и «при хорошей организации дела... принесло бы и России очень большую пользу в экономическом отношении»¹²⁵.

Конкретные очертания эта идея обрела благодаря «первоклассному специалисту», как его охарактеризовал Э. Гюллинг, члену правления норвежской социал-демократической партии, участнику второго конгресса 3-го Интернационала инженеру Х. Лангсету.

Прибыв осенью 1920 г. в КТК, Х. Лангсет составил проект развития экономики, и в первую очередь лесного хозяйства Карелии, согласно которому к концу 1923 г. предлагалось увеличить количество лесопильных рам с 40 до 113, доведя к этому времени выработку пиломатериалов до 400 тыс. стандартов. Кроме того, к концу 1923 г. следовало построить 3 «строгательных» и 3 деревообрабатывающих завода, а также 2 крупные бумажные фабрики с целлюлозными и корообдирочными заводами в Кондопоге и на реке Кеми, каждая мощностью по 50 тыс. т бумаги в год. В Олонецком уезде, на берегу Ладожского озера, планировалось возвести целлюлозную фабрику с годовой производительностью 20 тыс. т¹²⁶.

Для снабжения электроэнергией новых производств и электрификации к 1924 г. Мурманской железной дороги было предложено построить 4 крупные и 3 небольшие гидроэлектростанции общей мощностью 187,5 тыс. л. с., или 138 тыс. квт*.

Для реализации плана требовалось около 203 млн. шведских крон в течение трех лет, однако при использовании прибыли лесопильных заводов имелась возможность уже со второго года перевести осуществление проектов на самофинансирование. Для начала требовалась сравнительно небольшая ссуда от властей РСФСР в размере 33 млн. шведских крон, срок возвращения которой составлял всего два года.

Совет народного хозяйства (СНХ) КТК, ознакомившись с проектом Х. Лангсета, единодушно принял его, указав на то, что «в кратчайший срок производство годного к вывозу лесного товара достигает таких размеров, что путем вывоза легко будет достигнута необходимая для постройки и оборудования бумажных фабрик и заводов бумажной промышленности и крупных электростанций иностранная валюта»¹²⁷.

Имевшие к этому времени негативный опыт общения с центральными хозяйственными органами РСФСР власти КТК предложили ВСНХ принять план Х. Лангсета с условием, чтобы СНХ КТК имел «полную свободу в рамках плана без права каким бы ни было органам вмешиваться в них». Вся валюта от продажи лесных материалов должна была оставаться в распоряжении КТК. В апреле 1921 г. решением СТО РСФСР КТК предоставлялись доходы от продажи 25% экспортного фонда леса [Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 153], намного меньше, чем рассчитывали «красные» финны.

Снабжение Мурманской железной дороги топливом и лесными материалами от упраздняемого Мурманского желескома** переходило бы к КТК, и одновременно СНХ КТК предоставлялось бы «в известной степени влияние в правлении Мурманской железной дороги». Главлеском РСФСР передавал бы КТК лесопильные заводы, находящиеся на территории автономии¹²⁸.

Помимо этого, СНХ КТК предложил передать в его ведение Онежский металлургический завод и построить в Петрозаводске в течение трех лет су-

* Почти в три раза больше, чем мощность всех электростанций КАССР в 1939 г.

** Железнодорожный лесной комитет.

достроительную верфь с целью строительства «флотилии для перевозки бумаги и других грузов», а также пустить в 1921 г. Сеговецкий чугуноплавильный завод. Предлагалось также для жилищного строительства расширить в Карелии известняковое и кирпичное производства. Двухлетняя программа дорожного строительства включала шесть шоссежных дорог общей протяженностью 423 версты, или 451,25 км*, а также железнодорожную ветку от ст. Масельгская до озера Сегозеро¹²⁹.

В области сельского хозяйства в Карелии предполагалось развивать прежде всего животноводство, используя осушенные болота, чем должны были заниматься 200 крупных Советских хозяйств, которые планировали организовать уже в 1921 г.¹³⁰

Проблему дефицита рабочей силы СНХ КТК предложил решить за счет ввоза в Карелию 28 105 человек в 1921 г. и 51 300 человек в 1923 г. «Главное внимание при наборе рабочей силы должно быть обращено к Финляндии», — полагали «красные» финны, а кроме этого, в Карелию могло перебраться «некоторое количество шведских и норвежских рабочих». В таком случае могло получить «массовый характер» и переселение финнов-рабочих из Канады и США, о чем их представитель уже вел к этому времени переговоры с Карельским ревкомом. Прежде всего, из Северной Америки планировали привлечь строителей и рабочих-металлистов¹³¹.

Переселение в Карелию иностранных рабочих, по мнению «красных» финнов, имело бы большое значение, так как переселенцы подверглись бы революционной агитации и «отчасти получили бы и военную подготовку». Становление же в КТК мощной деревообрабатывающей промышленности могло бы, в соответствии с их замыслом, «нанести финскому капитализму значительный ущерб»¹³².

СНХ КТК предложил ВСНХ утвердить план к началу 1921 г. и назначить Х. Лангсета руководителем карельской лесной промышленности, а также ответственным за осуществление разработанного им плана развития народного хозяйства КТК¹³³. 26 апреля 1921 г. правительство РСФСР приняло соответствующее решение, основные положения которого были заимствованы из плана Х. Лангсета, однако со значительными сокращениями: предусматривалось строительство Кондопожского промышленного узла, целлюлозной фабрики на берегу Ладожского озера**, увеличение лесозаготовок, а также изучение природных богатств края [Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 153].

Тяжелое внутреннее положение РСФСР в 1920—1921 гг. и последовавшее карельское восстание, а также сопротивление центральных экономических органов на время отодвинули реализацию плана, обрисованного в общих чертах выше. Кроме того, имевшиеся у КТК автономные права были недостаточными и нечетко определенными, на что, в частности, указало закрытое

* Немногом меньше, чем было построено в Карелии с 1923 по 1939 г.

** Этот проект не осуществлен до настоящего времени.

чрезвычайное собрание Петрозаводского финского коллектива РКП(б) в феврале 1922 г. В решении собрания говорилось, что «предусмотренные автономией необходимые для возрождения экономической жизни права не осуществлялись, а предоставлялась возможность свободно вмешиваться в Карельские дела всяким разноименным главкам и центральным органам»¹³⁴.

Образование в июле 1923 г. КАССР и предоставление республике особых бюджетных прав*, на первый взгляд, соответствовало предложениям, высказанным СНХ КТК во второй половине 1920 г., однако по ключевым проблемам подходы центра и властей Коммуны принципиально расходились. В Карелии развитие экономики изначально было подчинено Севзапэко, которое осуществляло в автономии экономическую политику Москвы [Кангаспуро. 1998. С. 127]. В целом все экономические наркоматы РСФСР имели право контроля за деятельностью Экосо КТК [Красная Карелия: Сб. документов. С. 27]. «Красные» финны же исходили из возможности быстрого развития хозяйства республики за счет внутренних ресурсов, без субсидий из центра¹³⁵.

До 1 октября 1923 г. Карелия официально не принимала участия в общесоюзных расходах**, а ее бюджет не включался в бюджет РСФСР¹³⁶. Несмотря на изъятие части доходов (в частности, Наркомата путей сообщения) с 1924 г., Карелия, не получая дотаций из центра до 1926 г.*** не только выделяла крупные средства на народное образование и здравоохранение, но и вела дорожное строительство за счет своих доходов. Весной 1926 г. ситуация стала меняться в худшую сторону*. Наркомат финансов РСФСР, полагая, что «политические и экономические соображения, на основании которых Карелия в 1921 г. получила особые бюджетные права, в настоящее время в значительной мере потеряли свою остроту», предложил их «урезать»¹³⁷.

Власти КАССР немедленно обратились к союзному руководству с просьбой продлить еще на пять лет срок действия особых бюджетных прав, командировав Э. Гюллинга в Москву¹³⁸. Председатель Карцика А. Нуортева обратился в НКВД с просьбой подготовить заключение для обсуждения в СНК СССР, указав на то, что «политически этот вопрос все еще имеет большое значение», а сокращение бюджетных прав республики «даст но-

* СНК РСФСР 26. 4. 1926 постановил обращать на нужды Карелии все государственные доходы, поступающие на ее территории. Право же распоряжаться 25% доходов от продажи леса на экспорт, которое было предоставлено КТК, правительство автономии не использовало в целях повышения своего политического авторитета. Некоторые данные о работе Карельского правительства. Петрозаводск, 1929. С. 4.

** В политических целях, для «увеличения авторитета» правительства Карелии внутри страны, а также в Финляндии, власти КТК уже с 1922 г. добровольно финансировали содержание общесоюзных государственных органов (за исключением ГПУ, военного ведомства, НКПС и Главсанупра), а кредиты из Москвы, выделение которых прекратилось со второй половины 1923 г., возвращались. Письмо СНК АКССР в СНК РСФСР 29. 3. 1924. НА РК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 2/28. Л. 30—38.

*** Суды, получаемые из центра, своевременно возвращались. Там же. Л. 5.

вую пищу белофинской агитации по карельскому вопросу, и даст повод кривотолкам среди карел, которые за последнее время изживают былые свои сомнения о реальности основ карельской автономии»¹³⁹.

Благодаря мерам, предпринятым «красными» финнами, особые бюджетные права КАССР были сохранены, однако власти РСФСР продолжили попытки ликвидации особых бюджетных прав автономной республики де-факто. Так, в 1929 г. СНК РСФСР распорядился изъять из бюджета Карелии 4,25 млн. руб. из 28,7 млн. руб., что «фактически в значительной степени аннулировало бюджетные права» КАССР и не давало возможности завершить строительство Кондопожского бумажного комбината¹⁴⁰, которое велось на долевой основе.

Обращения руководителей КАССР в органы власти СССР с указанием на приграничное положение республики позволяло до начала 1930-х гг. держать ситуацию под контролем, однако в 1931 г. в связи с проведением налоговой реформы в стране первоначальные особые бюджетные права Карелии были упразднены. За этим, впрочем, не последовало сокращения бюджета, в который были включены доходы от налога с оборота всех предприятий, в том числе союзного значения, действовавших на территории КАССР, а также некоторые виды таможенных пошлин¹⁴¹.

Основной причиной определившегося в годы первой пятилетки отставания темпов роста экономики республики от плановых* была не недостаточность собственных бюджетных средств**, как можно было бы предположить, так как до отмены особых бюджетных прав республика не могла самостоятельно финансировать строительство крупных предприятий.

В соответствии со сложившейся в СССР практикой большая часть капиталовложений распределялась централизованно через общесоюзные наркоматы, которые распоряжались средствами по собственному усмотрению в пределах выделенных им лимитов. Жесткая система лимитирования капитальных затрат, в соответствии с которой власти РСФСР и СССР налагали ограничения на использование собственных бюджетных средств КАССР для реализации проектов экономического развития автономии, приводила к оттоку средств из республики. Только в 1934 г. Карелия не получила полагавшихся ей доходов на сумму около 34 млн. руб.¹⁴²

Основные тенденции развития экономики Карелии определились в процессе реализации первого и второго пятилетних планов. Общесоюзные наркоматы не были заинтересованы в экономическом развитии северной республики, требовавшем повышенных капитальных затрат. За годы первой пятилетки на территории республики не было построено ни одного нового предприятия по механической обработке и химической переработ-

* В 1925 г. был взят курс на ускоренное развитие экономики национальных районов СССР [Богкова. С. 145].

** С 1930—1931 гг. бюджетные средства Карелии, по выражению П. Невалайна, «потекли в московскую казну» [Nevalainen. 1993. S. 292].

ке древесины, хотя утвержденным планом предусматривалась постройка 5 новых лесопильных заводов на 28 рам, 5 новых целлюлозно-бумажных заводов (200 тыс. т бумаги), 4 лесохимических предприятия¹⁴³.

Если план первой пятилетки был выполнен хотя бы в отношении объемов заготовки леса*, то вторая пятилетка потерпела фиаско во всех отношениях. В соответствии с планом второй пятилетки (1933—1937 гг.) лесозаготовки в Карелии должны были возрасти с 9,8 млн. куб. м в 1932 г. до 24,5 млн. куб. м** в 1937 г.¹⁴⁴

К этому же году получала значительное развитие деревообрабатывающая отрасль. Количество лесопильных рам увеличивалось с 81 до 124; в строй предполагалось ввести 3 мебельные фабрики, 9 цехов стандартного домостроения, а удельный вес облагороженной (обработанной) древесины, вывозимой из Карелии, достигал бы 100%, в том числе 30% составляли готовые изделия¹⁴⁵.

Предусматривалось быстрое развитие целлюлозно-бумажной промышленности. К 1937 г. в республике должны были действовать сульфатно-целлюлозные заводы в населенных пунктах Кемь, Княжая Губа, Сегозеро и Шала. Кроме того, в населенных пунктах Ильинское, Ладва, Верхний Выг и Нюхча планировалось построить картонные фабрики. Еще в августе 1930 г. был заложен Заонежский лесопильно-целлюлозно-бумажный комбинат — первое в СССР и третье в мире предприятие такого рода. Существовал проект строительства в районе д. Реболы лесопильно-химического и целлюлозно-бумажного комбинатов¹⁴⁶.

К концу второй пятилетки годовое производство газетной бумаги в КАССР увеличивалось бы до 66 тыс. т, целлюлозы — до 140 тыс. т и картона — до 70 тыс. т.*** Из 140 тыс. т целлюлозы планировалось экспортировать 105 тыс. т, оставляя 35 тыс. т для внутреннего потребления¹⁴⁷. Весьма значительны были и планы развития в Карелии металлургии. Во второй пятилетке планировалось строительство 3 заводов по производству алюминия, общая производительность которых составляла 30 тыс. т этого остродефицитного в то время металла.

Кроме того, предполагалось ввести в строй 4 предприятия черной металлургии: Туломозерский завод, который производил бы 21 тыс. т высококачественного чугуна; Сеговецкий чугуноплавильный завод (10 тыс. т.); на базе Повенецкого титаново-магнетитового месторождения действовало

* Этому способствовало введение СНК КАССР в 1927 г. твердых расценок на лесозаготовительные работы, на 60% выше, чем в 1913 г. [Рыбак. С. 117—118].

** Вариант, предложенный Госпланом СССР и Наркомлесом СССР, предусматривал доведение объемов лесозаготовок до 35,5 млн. фестметров в год. Основные директивы по составлению установок по развитию промышленности АКССР в пятилетку 1933—1937. НА РК. Ф. 970. Оп. 1. Д. 2/13. Л. 96.

*** К 1939 г. в Карелии действовало единственное предприятие отрасли — Кондопожский ЦБК, а также заканчивалось строительство силами ГУЛАГа Сегежского ЦБК. См. также: [Юргенс. 1964. С. 118—125; 1963].

бы крупное предприятие производительностью в 70 тыс. т чугуна в год; в третьей пятилетке предполагалось завершить строительство еще одного большого предприятия отрасли — чугунолитейного завода на базе Пудожгорского железорудного месторождения с производительностью 100 тыс. т чугуна в год¹⁴⁸.

Для обеспечения электроэнергией быстро растущей промышленности планировалось к 1937 г. довести установленную мощность всех электростанций до 562,4 тыс. квт*. Обладавшая значительными гидроресурсами Карелия должна была экспортировать дешевую электроэнергию, которую вырабатывали бы намечавшиеся к постройке 11 крупных ГЭС, в Мурманский округ и Ленинградскую область¹⁴⁹. Кроме того, существовала программа строительства в приграничных районах мелких ГЭС, которая не была реализована вследствие невыполнения промышленностью Ленинграда заказов на изготовление турбин¹⁵⁰.

В 1936 г. изучавшая перспективы экономического развития КАССР и Мурманского округа Ленинградской области бригада АН СССР во главе с профессором С. Г. Струмилиным еще раз акцентировала внимание на важности и выгоды использования гидроресурсов Карелии, которые были определены в 1 млн. 44,9 тыс. квт. Столь благоприятного местоположения ГЭС относительно потребителей электроэнергии, по мнению составителей доклада, не было не только в СССР, но и за границей¹⁵¹.

Во второй пятилетке Карелия в соответствии с планом становилась бы крупным центром по производству стройматериалов. Здесь намечалось построить 12 новых кирпичных заводов**, что увеличивало бы производство кирпичей с 8,9 млн. штук в 1931 г. до 190—200 млн. штук в 1937 г. Кроме того, в республике планировалось строительство ряда фибролитовых, ксилолитовых, торфолитовых заводов и завода теплобетонных камней. Общее производство фибролита, ксилолита и торфолита к 1937 г. составило бы не менее 1,3—1,5 млн. кв. м¹⁵². Мощная строительная промышленность, которую предстояло создать, была ориентирована, прежде всего, на жилищное строительство внутри республики для удовлетворения потребностей в жилье прибывающих переселенцев. Во второй пятилетке в Карелии предполагалось построить в общей сложности 51 крупное предприятие [Никифоров. С. 47—48].

Намеченное быстрое развитие производительных сил КАССР было бы невозможно без значительного прироста трудовых ресурсов республики. В соответствии с планом население Карелии должно было увеличиться с 339,4 тыс. человек в 1933 г. до 765 тыс. человек к 1937 г., или в 2,25 раза. (В 1970 г. население Карелии составляло 713,5 тыс. человек) [Покровская. 1978. С. 61].

* В 1939 г. установленная мощность всех (105) электростанций Карелии составила 40,9 тыс. квт. Военно-экономическая справка КАССР. НА РК. Ф. 1951. Оп. 1. Д. 4/20. Л. 253.

** В 1939 г. в Карелии было 3 кирпичных завода. См.: Основные итоги работы предприятий промнаркоматов за 1939 г. НА РК. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 44/613. Л. 11.

Для снабжения жителей республики продуктами питания следовало увеличить производство сельскохозяйственной продукции. Помимо прочего, посевные площади к 1937 г. предполагалось довести до 210 тыс. га против 75 тыс. га в 1923 г.¹⁵³ К 1939 г. площадь пашни в Карелии составила 66, 9 тыс. га¹⁵⁴, меньше, чем в 1923 г. Сельское хозяйство Карелии до начала Второй мировой войны оставалось самой отсталой отраслью экономики республики¹⁵⁵.

Одной из основных причин, обусловивших невозможность выполнить охарактеризованные выше планы, был провал реализации программ железнодорожного и шоссейного строительства. Осуществление нового промышленного строительства в КАССР зависело от предусмотренного в плане второй пятилетки значительного развития транспортной инфраструктуры*. Особенно важные последствия для развития народного хозяйства республики имел отказ НКПС от строительства новых железных дорог в соответствии с установками второго пятилетнего плана.

В КАССР во второй пятилетке было запланировано строительство нескольких железных дорог: Петрозаводск — Туломозеро, Медвежья Гора (или Сегежа) — Реболы, Медвежья Гора — Пудож — Суда — Вьесгонск. Железную дорогу Сорока — Плесецкая предполагалось завершить не позднее 1935 г.¹⁵⁶ Кроме того, предусматривалась возможность строительства железных дорог Сорока — Юшкозеро и Чупа — Оланга. Все эти проекты не были осуществлены к началу Второй мировой войны. (В 1930-х гг. планировалось построить в Карелии 915—1015 км новых железнодорожных путей¹⁵⁷, однако к 1939 г. не были завершены даже первые очереди Ругозерской и Кестеньгской ширококолейных железных дорог — единственных новостроек в КАССР за весь межвоенный период¹⁵⁸.)

Объяснялось это в первую очередь тем, что средства на развитие железнодорожной сети начиная с 1928 г. в основном выделялись Украине и Белоруссии с целью обеспечить при необходимости проведение мобилизации и успешных военных кампаний против Польши и Румынии. Еще в декабре 1927 г. военное ведомство, учитывая сокращение средств, отпускаемых на железнодорожное строительство, с 474 млн. руб. до 207 млн. руб., предложило перенести центр тяжести на усиление пропускной способности имевшихся железных дорог, включив в план нового строительства лишь две дороги — в БССР и УССР¹⁵⁹.

В первой половине 1930-х гг. значительное развитие получило и железнодорожное строительство на Дальнем Востоке. Карелии выделялись лишь ограниченные рельсовые лимиты¹⁶⁰, поскольку северо-западный театр военных действий считался второстепенным¹⁶¹, так как Финляндию наряду с Эстонией и Латвией относили к слабым в военном отношении государствам-противникам СССР.

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении строительства в Карелии шоссейных дорог. В 1920 г. протяженность гужевых дорог в Карелии

* Почти все новые крупные промышленные предприятия, которые должны были быть построены в годы второй пятилетки, располагались вдоль железных дорог.

Первомай в Кестеньге. 1938 г. НА РК

составляла приблизительно 6000 км. В 1928 г., к началу осуществления программы строительства стратегических дорог в Карелии, протяженность дорог, включенных в статистические данные, в республике составляла 7045,5 км. При этом в итоговую цифру включались тропы и полутропы, используемые лишь в течение короткого периода летом и зимой для гужевого транспорта. Из общей протяженности дорог 2867,5 км (40,7%) относились к трем высшим категориям: союзного, республиканского (РСФСР) и карельского республиканского значения. 4178 км входили в так называемую низовую сеть (районные и сельские дороги)¹⁶².

В годы первой пятилетки в Карелии приступили к строительству нескольких стратегических дорог: Лоухи — Кестеньга протяженностью 65 км (эту дорогу планировали полностью покрыть булыжником для прохода тяжелой военной техники), Кемь — Шомба — Ухта (178 км), Парандово — Ругозеро — Реболы (220 км). Уроки карельского восстания были еще свежи в памяти военных и карельского руководства, поэтому 94% всего увеличения дорожной сети в первой пятилетке пришлось на Северную Карелию (248 км из 264 км): в Лоухском районе было построено 20 км дорог первых трех классов, в Кестеньгском — 45,6, Кемском — 75, Ухтинском — 107,4 км (В 1928 г. в этих четырех районах не было ни одного километра дорог первых трех классов)¹⁶³.

Во второй пятилетке строительство стратегических дорог осуществлялось в основном в Южной Карелии: Петрозаводском, Пряжинском, Петровском и Кондопожском районах. В общей сложности за первые два года второй пятилетки в Карелии было построено 264 км стратегических дорог (в Сегозерском, а также частично в Кондопожском, Петровском и Ругозерском районах перевели в первые три класса ряд уже существовавших дорог районного значения, что несколько снижает объемы нового дорожного строительства).

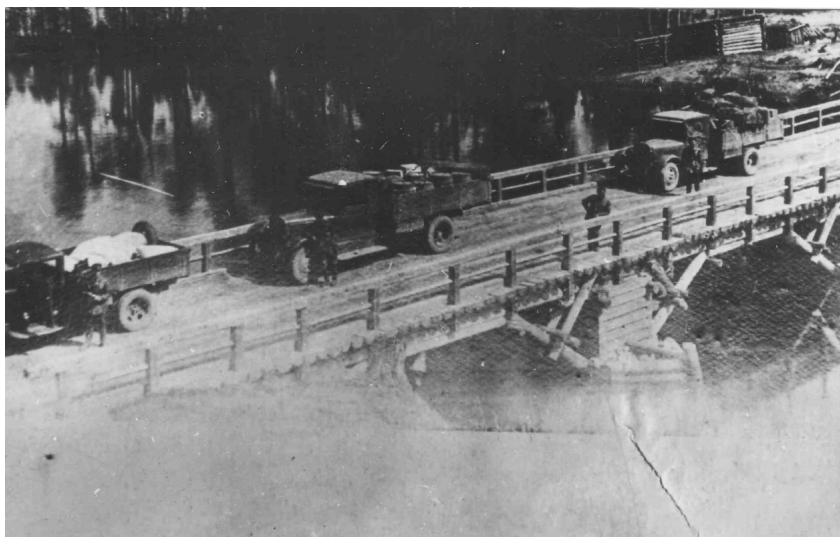

Строительство шоссе в д. Крошнозеро Пряжинского района. 1932 г.
Фото А. Анкудинова. НА РК

В 1933 г. было завершено строительство новых дорог Петрозаводск—Бесовец — Сямозеро, ст. Кивач — Гирвас (соответственно 60,4 и 51,4 км). Основной реконструкции подверглись к 1934 г. дороги Пряжа — Палалахта, Шуя — Кондопога и Ругозеро — Тикшезеро (всего 250 км)¹⁶⁴. В общей сложности за период с 1927 по 1936 г. в Карелии было построено лишь около 600 км стратегических дорог. По мнению командования Ленинградского военного округа, это не покрывало даже минимальные потребности Красной Армии в случае войны¹⁶⁵.

Строительство новых стратегических автодорог в Карелии было почти полностью остановлено после 1935 г., в связи с необходимостью концентрации сил и средств, отпускаемых на эти цели, в Киевском и Белорусском военных округах, а также на Дальнем Востоке, в Забайкалье и Монголии (Комитет обороны при СНК СССР решил «произвести передвижку стратегического дорожного строительства к югу» еще 8 мая 1931 г.)¹⁶⁶. Имелось лишь одно исключение. По личному распоряжению В. М. Молотова, узнавшего в 1935 г., что завоз продовольственных товаров в бывшую Ребольскую волость по-прежнему осуществлялся транзитом через Финляндию, к 1939 г. было, наконец, завершено силами ГУЛАГа¹⁶⁷ строительство дороги Парандово — Реболы — единственной стратегической дороги Карелии, введенной в строй в годы третьей пятилетки¹⁶⁸.

До начала Советско-финляндской войны практически ничего не было сделано для реализации самого крупного проекта дорожного строительства в КАССР — Транскарельской меридиональной автомагистрали протяженностью 1105 км и стоимостью 33 млн. руб. Строительство этой дороги, которая, начинаясь в Лодейном Поле, проходила бы через Олонец, Сямозеро,

Шоссе Кемь — Ухта. 1933 г. Фото Белова. НА РК

Поросозеро, Пенингу, Ледмозеро, Ухту, Олангу, Ковдозеро, Иону, планировали начать в 1938 г. и завершить в 1942 г. Кроме того, предполагалось построить ответвления от этой дороги — 700 км. Как отмечалось в документе, реализация этого плана неузнаваемо меняла бы картину дорожной сети Карелии, территория которой разбивалась на «правильные квадраты», обслуживаемые автомобильным транспортом¹⁶⁹.

Существовал и восточный вариант Транскарельской магистрали, предложенный «красными» финнами в начале 1930-х гг., — так называемый Мурманский тракт протяженностью 581 км. Начинаясь в с. Сязозеро, дорога проходила бы через населенные пункты Гирвас, Юстозеро, Паданы, Андропова Гора (несколько восточнее), Юшкозеро, Карелакша с выходом на дорогу Лоухи — Кестеньга. В 1935 г. были уже завершены изыскательские работы на трассе будущей дороги и определена стоимость строительства (35—43 тыс. руб. за 1 км). Общая же стоимость дорожных работ на период с 1936 по 1943 г. составила бы 64 млн. руб., в том числе 51 млн. руб. приходилось на новое строительство¹⁷⁰. К осуществлению ни одного из вариантов сооружения Транскарельской автомагистрали так и не приступили до начала Второй мировой войны.

По показателю плотности дорожной сети на 100 кв. км Карелия в 1935 г. занимала одно из последних мест в СССР, опережая только Дальневосточный, Восточно-Сибирский, Северный края, Якутию, Казахстан и Киргизию, а также территории Кольского полуострова. На 100 кв. км в КАССР приходилось 5,7 км дорог, в то время как в Чувашской АССР — 71 км, в Горьковском крае — 35 км. На севере Карелии этот показатель был гораздо ниже — 0,9 км на 100 кв. км, в средней части — 4,4 км и в Южной Каре-

Агитационный автопробег Ладва — Петрозаводск. Ладва. 1929 г. Фото А. Анкудинова. НА РК

лии — 15,2 км (Соответственно показатели плотности дорог первых трех классов были 0,4 км, 2,8 и 4,9 км)¹⁷¹.

Выступая после окончания войны с Финляндией, нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов признал, что «нами уделялось недостаточно внимания дорожному строительству — этому первому и главнейшему делу в подготовке всякой войны. Если в этом отношении было кое-что сделано на Карельском перешейке, то почти ничего не было сделано в Карелии»¹⁷².

Отчасти провал программы строительства железных и шоссейных дорог в первой половине 1930-х гг. в КАССР был связан и с тем, что даже в первом квартале 1935 г., через два года после начала второй пятилетки, в республике не имелось единого планового документа, регламентирующего новое промышленное строительство и реконструкцию существующих предприятий.

Существовали четыре варианта плана второй пятилетки, которые были составлены Карпланом, Госпланом СССР, ББК и Ленинградским облпланом. Два последних предлагали лишь «структурный профиль» развития народного хозяйства республики, не определяя объемы необходимых капиталовложений¹⁷³. Беломорско-Балтийский комбинат разработал пятилетний план для той части Карелии, которая была отведена ему для хозяйственной деятельности. Одно это обстоятельство свидетельствовало о том, что КАССР после того, как в ней прочно обосновался ГУЛАГ, не представляла собой единое экономическое пространство.

Значительные расхождения имелись и между вариантами пятилетнего плана, составленными в Москве и Петрозаводске. Так, по линии наркомата тяжелой промышленности (НКТП) капиталовложения в развитие предприятий этой отрасли в Карелии были определены Карпланом в 337,5 млн. руб., а Госпланом СССР — в 113,1 млн. руб., т. е. почти в три раза меньше.

Авторы «Материалов по автодорожному и автотранспортному хозяйству Карелии» совершенно справедливо отмечали в начале 1935 г., незадолго до изгнания «красных» финнов из Карелии, что наличие четырех вариантов плана второй пятилетки, ни один из которых не был утвержден, «свидетельствовало самым определенным образом об отсутствии плана, который имел бы всеобщее признание»¹⁷⁴.

Следует признать, что начиная с 1932 г. в Карелии завершился кратковременный период попыток планового развития экономики республики и вплоть до 1939 г. ее народное хозяйство развивалось в значительной мере стихийно, в зависимости от тех лимитов и финансовых средств, которые выделялись союзными наркоматами на развитие подчиненных им отраслей*. Ключевое значение в этом отношении имела позиция Наркомлеса СССР, в состав которого входил трест «Кареллес» — самое крупное промышленное объединение автономной республики.

Лесная отрасль Карелии к 1935 г. находилась в состоянии кризиса, который назревал еще во второй половине 1920-х гг. и был вызван, прежде всего, недостаточностью трудовых ресурсов. В свою очередь, это во многом объяснялось политикой Наркомлеса СССР, выделявшего ограниченные средства на жилищное строительство**, что препятствовало созданию постоянных рабочих кадров и переходу от сезонной к круглогодичной заготовке и вывозке древесины. К концу второй пятилетки жилой фонд трестов «Южкареллес» и «Севкареллес» составлял лишь 110 тыс. кв. м, не удовлетворяя потребности в жилье имевшихся 11 600 постоянных рабочих. (Для круглогодичной работы трестов требовалось 38 тыс. кадровых рабочих.)

Крайне неблагоприятно на развитии лесозаготовок в Карелии сказался общий кризис сельского хозяйства в СССР в первой половине 1930-х гг. и, в первую очередь, острый недостаток хлеба. До 1930 г. карельский крестьянин за день зарабатывал зимой на лесозаготовках до трех килограммов хлеба, восполняя недостаток собственного хлеба (на севере Карелии самообеспеченность этим видом продовольствия составляла 3—4 месяца, на юге — 5 месяцев)***. В 1934 г. при увеличении вдвое норм выработки лесоруб зарабатывал не более полутора килограммов хлеба в день, что стало одной из причин ухода карельского населения из деревни за пределы КАССР¹⁷⁵.

Кроме того, нарастанию кризисных тенденций способствовали слабое развитие механизации производственных процессов и недостаток подготов-

* Например, по вине союзного треста «Главнемет» трест «Союзкарелгранит» не имел «ни одного утвержденного планового задания на новостройку или расширение и реконструкцию действующих предприятий». Третий пятилетний план треста «Союзкарелгранит». Первый вариант. НА РК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 36/393. Л. 33.

** Это была общая для всех союзных наркоматов, позднее министерств, стратегия, которая просуществовала до начала 1990-х гг.

*** Это был «сильнейший стимул» для участия карелов в лесозаготовках: Письмо СНК КАССР И. В. Сталину и В. М. Молотову 13. 12. 1934. НА РК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 71/628. Л. 17.

ленных к рубке леса площадей. Возможности эксплуатации лесных богатств Карелии к западу от Кировской железной дороги ограничивались отсутствием здесь развитой сети путей сообщения, в первую очередь железных дорог, как ширококолейных, так и узкоколейных. Как было показано, недостатка в планах строительства этих дорог с начала 1920-х гг. не было, однако Наркомат путей сообщения СССР не приступил к их реализации. Не выделял необходимых средств на строительство лесовозных дорог и Наркомлес СССР.

Это не оставляло иного выбора, кроме сверхэксплуатации ограниченных лесных ресурсов Южной Карелии, в которой ежегодные вырубki значительно превышали расчетную лесосеку*, а их выборочный характер и стремление лесозаготовительных предприятий брать лишь деловую древесину (наиболее ценную, пригодную для лесопиления) к 1935 г. окончательно истощили лесные богатства этой части республики. (В августе 1935 г. отмечалось, что «мы в русских районах, около железной дороги вырубili все... (а) экономику национальных районов не подняли»¹⁷⁶.) В свою очередь, это привело к кризису работавшей на экспорт лесопильной отрасли. В 1928 г. она произвела 818,3 тыс. куб. м пиломатериалов, в 1932 г. — 1136,1 (наивысший показатель до начала Второй мировой войны)¹⁷⁷, в 1937 г. — 866,6 (с Беломорско-Балтийским комбинатом — 1517,2) и в 1938 г. — 798,2 тыс. куб. м¹⁷⁸.

С начала 1930-х гг. крайне неустойчиво работали предприятия «Кареллес», ежегодно не выполнявшие планы лесозаготовок и вывозки деловой древесины и дров. В 1936 г. «Кареллес» заготовил 6 млн. 484,4 тыс. куб. м этой продукции, в 1937 г. — 5 млн. 678,7 тыс., в 1938 г. — менее 5 млн. куб. м¹⁷⁹. Крайним напряжением сил и средств в 1939 г. этот показатель достиг 6 млн. 88,1 тыс. куб. м, причем рост был достигнут за счет гужевой вывозки при значительном сокращении механизированной.

С 1937 г. Наркомлес СССР еще более сократил свои затраты на развитие лесной отрасли Карелии: с этого года и до начала войны с Финляндией в республике не строились и не вводились в эксплуатацию новые механизированные предприятия и базы. При этом значительная часть из них, действовавших в Южной Карелии, в 1940—1941 гг. полностью выбирала свой лесосечный фонд. Союзный наркомат, как отмечалось в «Обзоре», в третьей пятилетке «практически не осуществлял освоения крупных лесных массивов железными дорогами», что ограничивало возможности эксплуатации более отдаленных районов¹⁸⁰.

К началу Второй мировой войны лесная отрасль Карелии находилась в состоянии кризиса без видимых перспектив выхода из него. Глубина этого кризиса в конце 1930-х гг. становится еще более наглядной, если учесть, что уже в 1938 г. объемы лесозаготовок силами заключенных ББК составили по-

* В южных районах Карелии в конце 1920-х гг. леса вырубалось на 32,3% больше, чем позволяла расчетная лесосека, а в одном из северных районов заготавливали лишь 3,7% от возможного количества. Записка треста «Кареллес», 1929 г. НА РК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 12/96. Л. 129.

Лозунг на скале близ шлюза Беломорско-Балтийского канала. 1932 г. НА РК

ловину от всей заготовленной и вывезенной древесины (5 млн. 200 тыс. куб. м из 10 млн. 400 тыс. куб м). В 1939 г. ГУЛАГ заготовил в Карелии 6 млн. 570 тыс. куб. м древесины, в то время как предприятия Наркомлеса — 6 млн. 88,1 тыс. куб. м¹⁸¹.

Такое соотношение объемов лесозаготовок между ГУЛАГом и предприятиями Наркомлеса СССР не было предусмотрено третьим пятилетним планом и вызывалось кризисным состоянием лесной отрасли Карелии. В соответствии с планом третьей пятилетки в 1939 г. предприятия Наркомлеса должны были вывезти 12 млн. 450 тыс. куб. м (факт — 6 млн. 88,1 тыс. куб. м, или 49% от плана), а ББК — 3 млн. 900 тыс. куб. м (факт — 6 млн. 570 тыс. куб. м, или 168,5%)¹⁸².

Если отвлечься от того, какими средствами достигал поставленных перед ним целей ГУЛАГ, то приходится признать, что он внес значительный вклад в развитие производительных сил Карелии. Наибольший экономический эффект принесла организация Беломорско-Балтийского комбината, для работы на котором была привлечена рабочая сила, оставшаяся после завершения строительства канала. Комбинат в соответствии с постановлением СНК СССР от 17 августа 1934 г. фактически превращался в государство в государстве, действовавшее независимо от властей КАССР и подчинявшееся непосредственно Москве. Организация ББК в момент, когда очертания экономического кризиса в Карелии вполне определились, не была ни чем иным, как признанием со стороны центральных властей несостоятельности хозяйственной политики, проводившейся ими в республике.

К 1 апреля 1938 г. комбинат достиг пика предвоенной численности лагнаселения, в его состав входили 139 лагерных пунктов и отдельных трудовых колонн, насчитывалось 83 810 заключенных и 3737 вольнонаемных [Макуров.

С. 145]. Основной вклад ББК внес в лесозаготовки, проводившиеся на территории КАССР.

В политическом смысле создание ББК означало сужение подвластной руководителям КАССР территории и разделение автономии надвое приблизительно по линии железной дороги Ленинград — Мурманск. Энергичная деятельность ББК, который помимо лесозаготовок строил электростанции, Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат, занимался сельским хозяйством, ловлей рыбы и многим другим, создавала невыгодный контраст со скромными успехами карельской автономии к западу от железной дороги Ленинград — Мурманск.

Во многом кризисное состояние экономики* Карелии накануне Второй мировой войны объяснялось ее монокультурным характером: преобладанием в структуре промышленности лесозаготовок и отказом от строительства лесоперерабатывающих предприятий, сооружение которых было включено в пятилетние планы. В свою очередь, эта ситуация сложилась вследствие того, что в годы первых пятилеток в СССР приоритет отдавался развитию тяжелой промышленности, созданию военных производств. На развитие других отраслей, в частности лесозаготовительной и целлюлозно-бумажной, средства выделялись в недостаточных объемах [XVIII съезд ВКП(б): Стенографический отчет. С. 662].

Сегежская бумажная фабрика. Сегежа. 1939 г. НА РК

* Следует отметить, что на развитие народного хозяйства Карелии выделялись довольно крупные средства — с 1928 по 1940 г. более 2,5 млрд. руб. [Андриайнен. С. 20]. Использовались эти средства, однако, крайне неэффективно.

ГЛАВА 6

ПЕРВАЯ ФИННИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ

С 1920 г. до осени 1935 г. у власти в Карелии находились «красные» финны, которым (прежде всего Э. Гюллингу) и принадлежала идея создания в непосредственной близости от Финляндии Советской автономии. Восстание зимой 1921—1922 гг. и давление финляндской дипломатии поставили Москву перед необходимостью приступить к политике финнизации Карелии, в которой в тот период видели единственный способ умиротворения местного населения и удовлетворения требований Финляндии.

Финнизация включала придание финскому языку статуса государственного, перевод национальных (карельских) школ на финский язык преподавания, формирование на территории КАССР особой воинской части из местного населения, развитие финноязычной культуры.

Осуществление этих мероприятий было возможно лишь при условии сохранения и увеличения в Карелии численности национального (карелы, финны, вепсы) населения. Этой цели служила миграционная политика «красных» финнов, в которой можно выделить несколько этапов. Летом 1920 г. из 143 тыс. человек населения КТК карелы составляли 85,5 тыс. человек (59,8%), русские — 54,7 тыс. человек (38,3%), финны — 919 человек (0,6%) [Такала. 1998. С. 162]. После передачи в сентябре 1922 г. населенной русскими территории Олонецкой губернии национальный состав автономии значительно изменился. К концу 1924 г. из примерно 233 тыс. населения КТК около 54% составляли русские, 40,6% — карелы, 3,8% — вепсы, 0,5% — финны [Такала. 1998. С. 163].

Первые попытки «красных» финнов, возглавивших КТК, обеспечить приток в Карелию финнов из Канады и США имели место в 1921—1922 гг., чему благоприятствовали послевоенная безработица в Северной Америке, преследование левых, а также ужесточение правил рыбной ловли, ущемившее права финнов-иммигрантов [Hovi. S. 194; Copeland. S. 288]. В апреле 1921 г. в КТК из США и Швеции прибыли около 30 рабочих-металлистов [Во имя общего дела. С. 22]. В конце мая 1922 г. в Карелию из США прибыла группа из 8 человек, организовавших акционерное строительное общество [Hovi. S. 208].

В декабре 1921 г. финские рыбаки, проживавшие в г. Астория на Тихоокеанском побережье США, образовали «Карельский рыболовный кооператив» («The Karelian Fishing Cooperative»), и летом 1922 г. первая группа из 60 человек прибыла в Карелию, обосновавшись в населенном пункте Княжая Губа. Уже весной 1923 г. как по причинам противодействия местной бюрократии, бойкота администрации Мурманской железной дороги и треста «Северолес», так и из-за отсутствия в этом районе Белого моря лососевых деятельность акционерного общества была свернута [Copeland. S. 290, 295—297].

Импульс финнизации Карелии был дан в августе 1929 г. Объединенным пленумом Каробкома ВКП(б) и областной контрольной комиссии, на котором с докладом выступил Г. Ровио [Левкоев. 1994. С. 101]. Пленум принял программу карелизации* (финнизации), включавшую увеличение доли национального рабочего класса, расширение возможностей получения образования для националов (квоты), увеличение доли националов среди членов партии, а также их представительства в органах власти, преобразование национальных школ в финские, значительное расширение издательской деятельности на финском языке**, открытие в Петрозаводске национального театра и дома просвещения, преимущественное развитие приграничных районов, предоставление места жительства переселенцам в соответствии с национальностью***.

Органической частью программы финнизации была организация финской эмиграции из США и Канады в Карелию, к осуществлению которой приступили в начале 1930-х гг. Причинами, вызвавшими массовое переселение в СССР квалифицированных рабочих, были, с одной стороны, влияние Великой депрессии и массовой безработицы в Новом Свете, с другой — потребность переживавшей период индустриализации экономики СССР в использовании передового технического опыта и достижений капитали-

* Формально эти мероприятия именовались карелизацией, однако на деле они означали финнизацию.

** О периодических изданиях на финском языке см.: [Aalto. S. 101—109].

*** [Кангаспуро. 1998. С. 136]. Пленум постановил заселять национальные районы преимущественно тверскими карелами и ингерманландцами «во избежание затруднений при обслуживании школьных и других нужд» [Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР 1926 г. — июнь 1941 г. С. 6].

Финский лесоруб, прибывший из Канады в Карелию. 1931 г. Фото Я. М. Роскина. НА РК

стических государств. Кроме того, привлекая иностранную рабочую силу, руководство КАССР надеялось на хотя бы частичное решение проблемы дефицита рабочих кадров в лесной промышленности*.

В январе 1930 г. был заключен договор между трестом «Кареллес» и канадским профсоюзом лесных рабочих о посылке в Карелию 50—70 опытных рабочих из Канады и, возможно, США [Kero. 1983. С. 28].

Вербовка же в больших масштабах началась после принятия постановления политбюро ЦК ВКП(б) в феврале 1931 г.**, разрешавшего ввоз в КАССР 2000 лесорубов и 785 строителей из США и Канады¹⁸³. 1 мая 1931 г. в Нью-Йорке было учреждено агентство «Карельской технической помощи» («The Karelian Technical Aid»), а 5 августа того же года первая группа переселенцев отплыла из США в СССР [Sevander. 1996. Р. 7—8, 42].

К 1 октября 1932 г. в Карелии насчитывалось 4399 американских финнов [Такала. 1992. С. 166]. Всего же с 1931 по 1935 г., после чего переселение в КАССР было прекращено, по данным Переселенческого управления, прибыло 5496 рабочих и членов их семей из США и Канады [Takala. 1991. С. 44]. К 1935 г. численность этой категории иммигрантов была меньше указанной цифры, так как имелась довольно значительная по масштабам реэмиграция. К 1 октября 1932 г. в Северную Америку вернулось 227 человек, [Такала. 1992. С. 166] а всего из 4681 человека, прибывшего из США и Канады за пять лет, в Каре-

* Э. Гюллинг в декабре 1929 г., возможно, впервые предложил ввезти в Карелию рабочих из Северной и Средней Финляндии, а также из Канады для создания постоянных кадров рабочих в лесной промышленности [Лаврушина. С. 177. См. также: Autio. 1997. С. 265].

** Это было связано с отмеченным выше решением о запрете использования в Карелии труда заключенных в начале 1931 г., в результате чего возникла неразрешимая проблема дефицита рабочих кадров, прежде всего на лесозаготовках.

Крестинский Николай
Николаевич

лии осталось 3713 человек (за тот же период в пределах СССР было завербовано лишь 3833 человека)¹⁸⁴.

С самого начала попытки «красных» финнов осуществить масштабное переселение «национального» населения из Северной Америки* натолкнулись на сопротивление ОГПУ. В январе 1932 г. Г. Ровио, первый секретарь Каробкома ВКП(б), получил от С. М. Кирова пакет, содержащий составленный ОГПУ перечень районов, в которых не следовало расселять прибывавших эмигрантов¹⁸⁵. Весной 1932 г. ИНО ОГПУ, который выдавал американским финнам разрешения на въезд в СССР, указав на то, что правительство Карелии полностью использовало разрешение СНК, прекратил выдачу разрешений¹⁸⁶. К этому времени в США было завербовано 3734 рабочих (с членами семей — 6925), а завезено в Карелию лишь 63% от разрешенного количества¹⁸⁷.

Обращение Г. Ровио в политбюро ЦК ВКП(б) и заместителя наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинского к И. В. Сталину, а также необходимость обеспечить выполнение плана лесозаготовок в КАССР позволили решить эту проблему, и въезд финнов в СССР был возобновлен. Наибольший вклад американские финны внесли в совершенствование технологии лесозаготовительных работ. Дневная выработка одного лесоруба-финна превышала средние по Карелии нормы в 3—4 раза [Филимончик. С. 149; см. также: Бекренев. 1932].

Относительно большое количество финнов прибыло в Карелию в конце 1920 — начале 1930-х гг. как в результате тяжелого экономического кризиса, поразившего экономику Финляндии в тот период**, так и вследствие политических преследований***. Только с 1 мая по 15 сентября 1930 г. члены правого, лапуаского, движения незаконно вывезли из Финляндии в СССР 213 человек [Nygård. 1982. S. 126]. Из эмигрировавших в СССР с 1930 по 1934 г. 12—15 тыс. человек в Карелии находились не более 2—3 тыс. человек [Такала. 1992. С. 158]. К середине 1930-х гг. общая численность финнов, проживавших в КАССР, достигла примерно 15 тыс. человек [Такала. 1993. С. 115].

* В дополнение к 2 тыс. лесных рабочих власти КАССР планировали ввезти из США и Канады еще 10 тыс. человек [Takala. 1993 S. 14].

** Безработица в Финляндии в разгар кризиса приблизилась к 100 тыс. человек [Lackman. S. 217].

*** По данным пограничной стражи и Центральной сыскающей полиции Финляндии, в 1929—1934 гг. границу в Карелии перешли 2360 (2560) человек, из них в 1929 г. — 80 человек, в 1932 г. — 900 человек [Hämynen. 1989. S. 29].

Стремясь сохранить национальный характер автономии, СНК КАССР в начале 1930-х гг. потребовал от треста «Кареллес» и других предприятий республики, чтобы не менее 75% завербованных за пределами автономии рабочих были национальными кадрами — тверскими карелами и ингерманландцами [Кангаспуро. 1998. С. 130]. План промышленного переселения только на 1932 г. предусматривал завоз в Карелию 10 439 рабочих-националов, из которых прибыли в республику лишь 766 человек [Такала. 1992. С. 155]

В 1935 г. определился провал планов значительного увеличения «национального» населения Карелии за счет ввоза тверских карелов и ингерманландцев*. Ленинградский и Московский обкомы партии приняли решения о завозе в Карелию ингерманландцев и карелов. Только в 14 районах Тверской Карелии было завербовано около 40 тыс. человек, но они не переселились в КАССР главным образом вследствие отсутствия жилья¹⁸⁸.

«Красные» финны предполагали использовать прибывавших в Карелию карелов и финнов в первую очередь для развития лесозаготовок в национальных районах республики**, к западу от Мурманской железной дороги, однако уже к 1933 г. выяснилось, что осуществление этого плана встретило непреодолимые препятствия: недостаточное выделение средств союзными наркоматами на развитие соответствующих отраслей, прежде всего лесной, и на строительство жилья для рабочих***. К 1935 г. стало окончательно ясно, что план создания в КАССР постоянных национальных рабочих кадров потерпел неудачу.

Наиболее значительными из осуществленных в 1922—1935 гг. мероприятий по финнизации Карелии были нововведения в сфере народного образования. В 1927—1928 гг. в связи с административно-территориальным переустройством КАССР и выделением национальных районов начался массовый перевод карельских школ на финский язык обучения [Строгальщикова. С. 11]. В 1925 г. в 63 карельских школах (30,7%) преподавание осуществлялось на финском языке, в 1929 г. — в 180 (72%), а в 1931 г. все 278 начальных и семилетних карельских школ были финнизированы¹⁸⁹.

Финнизация карельских школ сопровождалась известными перегибами, основным из которых было отсутствие добровольности при выборе языка

* Тверских карелов предполагали расселять в основном в Петровском, Сегозерском, Ругозерском и Тунгудском районах. Не в последнюю очередь это объяснялось близостью карельского языка переселенцев и местного населения. Постановление СНК КАССР 15. 8. 1931 «О ходе промышленного переселения в 1931 г.». Ингерманландцы должны были расселяться преимущественно в Северной (Беломорской) Карелии, а также в Петровском и Пряжинском районах. НА РК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 43/342. Л. 8.

** В 1926 г. карельское население составляло большинство в 14 районах КАССР из 26 [Клементьев. А. С. 47].

*** На начало 1929 г. в промышленности, транспорте, Советских учреждениях было занято 76,5% русских, 16% карелов и 3,1% финнов: [Ровио. С. 2].

Карельский егерский батальон. Петрозаводск. 1926—1927 гг. НА РК

обучения, что было особенно актуально для населения Южной Карелии*. Недостаток подготовленных педагогических кадров обуславливал низкий уровень преподавания, что затрудняло формирование кадров национальной интеллигенции [Афанасьева. 1989. С. 51]. Кроме того, грамотность на финском языке** препятствовала в дальнейшем обучению карельской молодежи в средних и высших учебных заведениях за пределами КАССР.

Финское руководство Карелии, указывая на приграничное положение республики, не допустило перевода карельских школ на карельский язык обучения в начале 1930-х гг., когда была разработана и введена карельская письменность для тверских карелов. Рекомендация Президиума Совета Национальностей от 25 апреля 1931 г. о создании карельского литературного языка была отвергнута совещанием партийного актива КАССР 12 мая 1931 г., а в феврале 1933 г. Президиум ВЦИК признал нецелесообразным переход в Карелии с финского на карельский язык обучения [Афанасьева. 1989. С. 48; Антикоски. С. 212].

Одним из разделов программы финнизации было формирование военной части из местного населения. Эта идея появилась сразу после завершения карельского восстания, однако лишь в октябре 1925 г. в рамках общегосударственной программы создания национальных воинских формирований в Карелии был проведен первый призыв в отдельный Карельский егерский батальон, развернутый в 1930—1931 гг. в Карельскую егерскую бригаду

* В Олонецком районе из числа грамотных 60% было грамотно на русском языке, на финском и русском — 22%, в Пряжинском — соответственно 56 и 24% [Афанасьева. 1989. С. 50].

** В середине 1930-х гг. в Ухтинском районе из числа грамотных было грамотно на финском языке 80% населения, в Кестеньгском — 81% [Афанасьева. 1989. С. 50].

Курсанты интернациональной военной школы. Стоит А. А. Анттила. 1935 г. НА РК

[*Salomaa*. S. 272—278]. В качестве обоснования необходимости развертывания батальона в бригаду Карельский обком указал «агрессивную враждебность политики Финляндии по отношению к СССР», а также наличие в республике большого количества заключенных¹⁹⁰.

В мирное время бригада состояла из двух батальонов, артиллерийского дивизиона, роты связи, саперной роты. В период войны предполагалось сформировать дополнительно Заонежский и Вепсский стрелковые батальоны¹⁹¹. До осени 1935 г. Карельская егерская бригада являлась единственным войсковым соединением на территории Карелии и, в соответствии с оперативным планом ЛВО, должна была в случае войны прикрывать Петрозаводск от наступления финнов*. Кроме того, предусматривалась переброска бригады в район Мурманска для уничтожения английских десантов¹⁹².

К 1935 г. программа финнизации, за исключением перевода школ на финский язык обучения и известных успехов в развитии культуры, осталась невыполненной, что не в последнюю очередь было связано с малочисленностью собственно финского населения в Карелии.

В Финляндии между тем внимательно наблюдали за развитием событий по другую сторону границы. В ноябре 1934 г. в связи со вступлением СССР в Лигу Наций, по мнению посланника Финляндии в Женеве Р. Холсти, пришло время напомнить о карельском вопросе. Хотя, как полагал Р. Холсти, «больших надежд» на получение удовлетворительных результатов не было, постановка в Лиге Наций вопроса о Восточной Карелии, тем не менее, вызвала бы «исключительно большое удовлетворение» как у населения

* Последним рубежом обороны были Сулажгорские высоты. Приказ командиру бригады 19. 9. 1934. Архив УФСБ по РК. Ф. КРО. Оп. 1. П. 1. Л. 135.

края, десять лет подвергавшегося «разрушению и русификации», так и у общности Финляндии¹⁹³.

Учитывая неизбежное сопротивление СССР, Р. Холсти считал возможным обсуждение карельского вопроса в Совете Лиги Наций лишь в том случае, если Финляндии удалось бы заручиться поддержкой возможно большего количества членов Совета, чем и следовало заняться. В ближайшем же будущем, по мнению посланника, шансов на успешное продвижение дела в Лиге Наций не было¹⁹⁴.

До весны 1936 г., когда авторитет Лиги Наций в связи с завершением ита-ло-эфиопской войны был подорван, в Финляндии предпринимались шаги к возможному обсуждению проблемы Восточной Карелии в этой международной организации. В апреле 1935 г. министр иностранных дел Финляндии А. Хакцель сообщил начальнику Центральной сыскной полиции Э. Риекки об учреждении полуофициального комитета, задача которого состояла в изучении проблемы Ингерманландии и Восточной Карелии и разработке предложений о возможных мероприятиях Финляндии в международном масштабе¹⁹⁵.

В состав комитета вошли видные деятели активизма — Ялмари Кастрен, директор банка Маури Хонкаюури, полковник Пааво Талвела. Секретарем был назначен Рейно Кастрен. Комитет должен был действовать в сотрудничестве с Генеральным штабом, МИДом и Центральной сыскной полицией Финляндии. В Женеву намеревались отправить представителя, который бы мог в частном порядке ознакомиться с современным состоянием карельского вопроса¹⁹⁶.

В ноябре 1934 г. свое мнение о положении карельского населения в КАССР, отличное от точки зрения Р. Холсти, высказало посольство Финляндии в Москве. Как полагали дипломаты, «неопровержимым фактом» было то, что в сравнении с дореволюционной Россией положение «финноязычного» населения Восточной Карелии в отношении развития языка и просвещения при Советской власти «значительно улучшилось»¹⁹⁷.

Менее чем через год, однако, в Карелии произошли события, которые положили конец политике финнизации и коренным образом изменили ситуацию в этой автономной республике.

ГЛАВА 7

КОНЕЦ ЭПОХИ «КРАСНЫХ» ФИННОВ

В первой половине 1930-х гг. окрепший политический режим в СССР перестал нуждаться в существовании носителей идеи «мировой революции», которые нашли пристанище в стране социализма. Надежды на «мировую революцию» к этому времени окончательно уступили место более конкретной и насущной проблеме: подготовке к мировой войне, очертания которой стали определяться в 1934—1935 гг. В приграничных районах страны это означало по общему правилу их очищение от тех групп населения, которые ОГПУ относило к категории нелояльных к Советской власти.

Сигналом к началу проведения кампании послужило направленное против «местного национализма» выступление И. В. Сталина на XVII съезде ВКП(б), инициировавшее ширококомасштабные мероприятия. Как представляется, причиной, побудившей центр начать в многонациональной стране потенциально опасную для политического режима кампанию, стало стремление насильственным образом консолидировать разнородное в этническом отношении население страны ввиду опасности приближавшейся войны.

Пересмотр политики центральных властей в Карелии начался, впрочем, задолго до выступления И. В. Сталина и был связан как с изменением общей стратегической ситуации к худшему, в связи с начавшейся войной Японии в Маньчжурии, так и с новой оценкой роли Финляндии и отнесением ее к безусловным противникам в 1930 г.¹⁹⁸

В ноябре 1930 г. бюро Карельского обкома под председательством второго секретаря А. М. Аполоника заслушало доклад Карельского отдела ГПУ

о контрреволюционных проявлениях в приграничных районах и националистической пропаганде, которую, как считали в ГПУ, вели засылаемые в КАССР из Финляндии агенты. Весной 1931 г. органы арестовали группу финских «красных» офицеров карельского егерского батальона и приступили к чистке приграничных районов от национального (карельского) населения [Кангаспуро. 1998. С. 138].

В соответствии с замыслом Москвы пограничную полосу следовало не только «освободить» от элементов, отнесенных к противникам Советской власти, — одновременно необходимо было предпринимать меры для ее политического и военно-экономического укрепления. С этой целью 15 апреля 1931 г. комиссия обороны СНК РСФСР утвердила план организации красноармейских колхозов в приграничных местностях России, в том числе в Карелии. План 1931 г. предусматривал создание 5 этих «опорных пунктов хозяйственно-политического укрепления пограничных районов»¹⁹⁹.

Наркомзем РСФСР предложил типовой образец красноармейского колхоза, в котором должно было состоять 100 семейств, в том числе 50 красноармейских. Площадь сельхозугодий составляла 600 га, луговой фонд — 300 га, а общественное стадо коров — 125 голов²⁰⁰. К 1935 г. эта инициатива властей РСФСР завершилась в Карелии неудачей, что отчасти объяснялось принятым еще в апреле 1930 г. решением о финансировании строительства красноармейских колхозов не из общесоюзного бюджета, а на средства республик²⁰¹.

В 1932—1933 гг. в Карелии и в населенных ингерманландцами районах Ленинградской области ОГПУ осуществило крупномасштабную операцию, сфабриковав дело о «Заговоре финского генштаба». Аресты начались осенью 1932 г. и к маю 1933 г. были задержаны в общей сложности 866 человек, из которых 727 были подвергнуты суду троек. Острые репрессии было направлено против карелов — участников восстания 1921—1922 гг. Из 727 арестованных 77,2% составляли карелы (561 человек), обвиненные в национал-уклонизме. Из них 508 человек были участниками «каравантюры». В мае 1933 г. по делу о «Заговоре финского генштаба» было расстреляно 76 человек, к 10 годам концлагерей осуждено 213, к 5 годам — 103, к 3 — 93 человека. Высылке подверглись 168 человек и 47 были лишены права проживания в КАССР [Репухова. С. 92—94, 98].

Одновременно ГПУ была осуществлена операция против командования Карельской егерской бригады, аресты в которой, прежде всего в Олонецком батальоне, начались осенью 1932 г. В 1933 г. около 20 человек из состава бригады были расстреляны [Кангаспуро. 1998. С. 139—140]. Итоги операциям ОГПУ в Карелии подвело бюро Карельского обкома 21 июня 1933 г., предложив оформить представление одного из руководителей кампании, заместителя полномочного представителя ОГПУ в ЛВО Запорожца к награждению орденом «Красного Знамени»²⁰².

На этом кампания не завершилась. В декабре 1933 г. Карельский областной отдел ГПУ осуществил ликвидацию ряда «контрреволюционных групп,

Стомоньяков Борис Спиридонович

насажденных финскими разведывательными органами». На этот раз Карельский обком почитал необходимым указать на «быструю фашизацию Финляндии», в связи с чем «самой главной опасностью в Карелии является местный национализм». ГПУ КАССР было поручено переселить из погранполосы в Пудожский район дополнительно 100—150 семей²⁰³.

Тезис о «фашизации» Финляндии появился не случайно и был связан с приходом к власти А. Гитлера в Германии в январе 1933 г., что вкупе с японской угрозой на Дальнем Востоке создавало для СССР новую стратегическую ситуацию, чреватую в перспективе войной на два фронта. Географическое положение Финляндии и известные руководству СССР планы ко-

мандования финляндской армии по осуществлению совместных с военно-морскими силами Эстонии и Латвии операций в восточной части Балтийского моря против КБФ* заставляли Советскую дипломатию и военных ужесточать подходы к решению финского вопроса.

Заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоньяков 5 декабря 1934 г. отмечал, что «среди всех наших западных соседей Финляндия в настоящее время является, несомненно, наиболее враждебным нам государством». По мнению Б. С. Стомоньякова, в Финляндии «усиливающиеся активистские и фашистские круги... ставят ставку либо на войну на Дальнем Востоке, либо все еще на внутреннюю контрреволюцию у нас»²⁰⁴.

О связи финляндских фашистов и германских нацистов, впрочем, НКВД был информирован еще до прихода Гитлера к власти²⁰⁵. Кроме того, внешнеполитическое ведомство СССР не сомневалось в том, что в Финляндии с 1931 г. происходила «мирная фашизация», возглавлявшаяся президентом республики П. Свинхувудом²⁰⁶. На настроения в Москве не в последнюю очередь влияла и агитация активистов в Финляндии за присоединение Восточной Карелии, сводки прессы которых регулярно составлялись полпредством СССР в этой стране.

Окончательное устранение «красных» финнов от власти в Карелии после операций, проведенных ОГПУ, стало вопросом выбора подходящего момента. Летом 1935 г. руководство НКВД, по настоянию которого еще осенью 1934 г. были прекращены в одностороннем порядке закупки в Финляндии, было крайне раздражено пропагандистской кампанией, направленной против СССР, и уверено в том, что «мы на деле имеем более ясную, чем когда бы то ни было, ориентацию Финляндии на Германию»²⁰⁷.

* Эта тема подробно освещена в книге: [Leskinen. 1997. Б].

Финляндские правительственные круги относились к усилению Германии положительно, полагая, что тем самым будет создан противовес СССР — единственной стране, угрожавшей, по их мнению, независимости Финляндии [Vehviläinen. S. 186].

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Москвы, стало подписание в июне 1935 г. англо-германского морского соглашения, фактически давшего Германии карт-бланш на гонку морских вооружений, прежде всего на Балтике [Leskinen. 1997. А. С. 125; Turtola. 1981. S. 101].

Правая финская пресса высказывала «неприкрытую радость по поводу усиления Германии на Балтийском море»²⁰⁸, а в Москве срочно разрабатывали план усиления собственных ВМС, значительно уступавших противнику.

На 1 января 1936 г. в состав КБФ входили 2 дореволюционной постройки линейных корабля («Марат» и «Октябрьская Революция»), 9 эсминцев и 28 подводных лодок²⁰⁹. Обосновывая необходимость усиления КБФ после заключения англо-германского договора, морской отдел штаба РККА указывал на превосходство ВМС Германии, в состав которых входили 7 линкоров (в том числе 3 новых), 8 крейсеров (6 новых), 12 новых эсминцев, 12 подводных лодок и 12 старых миноносцев.

В докладе инспектора морских сил РККА П. Смирнова, направленном наркомату обороны СССР К. Е. Ворошилову 10 сентября 1935 г., констатировалось: «мы сильно отстали на Балтике и можем отстать еще больше, так как судостроительные возможности у немцев больше». По расчетам штаба РККФ, военно-морские силы Германии на Балтике к концу 1938 г. могли включать 13 линкоров, 2 авианосца, 5 тяжелых и 11 легких крейсеров, 61 эсминец, 72 подводные лодки*. Положение усугублялось тем, что техническое состояние боевых кораблей КБФ даже к 1940 г. было неудовлетворительным²¹⁰.

В первой половине 1935 г. в Москве был завершен пересмотр сценария будущей войны**, и место прежнего противника № 1 — Великобритании — заняла Германия. Это повлекло за собой необходимость дальнейшей подготовки западной пограничной полосы, в том числе и Карелии, к будущей войне, включавшей также политические мероприятия.

Суженное заседание СНК КАССР в декабре 1934 г., отметив, что вероятность стать театром военных действий для Карелии — «выгодного театра партизанских действий» и «национально-политической приманки для фашистской Финляндии» — увеличивается, предложило осуществить ряд мероприятий по укреплению обороноспособности республики²¹¹.

В марте 1935 г. было принято решение об открытии маршрутов для беженцев из приграничных районов КАССР («беженских трактов») на случай во-

* Вероятный состав иностранных флотов к концу 1938 г. Справка о составе МС РККА на 1. 1. 1936. РГА ВМФ. Ф. р-2041. Оп. 1. Д. 72. Л. 7.

** Начало пересмотра Москвой отношений с гитлеровской Германией относится к лету 1934 г. [Allard. S. 54—55].

йны*. Количество беженцев было определено в 3660 человек²¹². 25 марта 1935 г. ленинградское управление НКВД получило указание о проведении операции по очистке погранзоны Ленинградской области и КАССР от кулаков и антиСоветских элементов, на подготовку которой была отведена неделя [Суни. С. 73].

1 апреля 1935 г. Карельский обком ВКП(б) принял «к точному руководству и неуклонному исполнению» решение бюро Ленинградского обкома о порядке проведения операции по очистке 22-километровой приграничной полосы КАССР от «кулацкого и антиСоветского элемента»²¹³. Операцией руководила прибывшая из города на Неве специальная комиссия. По составленным заранее спискам выселению из приграничных районов подлежали 308 семей (1618 человек). Фактически же в Западную Сибирь в двух эшелонах отправили 296 семей (1546 человек)²¹⁴. Из Ленинградской области в 1935—1936 гг. были высланы 26—27 тыс. ингерманландцев [Суни. С. 73]. Специальная операция стала последним звонком для возглавлявших Карелию почти 15 лет «красных» финнов.

Формальным же поводом для их удаления из Карелии стало обвинение в неудовлетворительных темпах развития экономики края и неверной переселенческой политике. С точки зрения ленинградского партийного руководства, которому было поручено изгнать «красных» финнов из Карелии, последние представляли собой весьма уязвимый объект для критики и организационных выводов. 14 августа 1935 г. на совещании у А. А. Жданова уничтожительной критике была подвергнута переселенческая политика Карельского обкома. По мнению ленинградского партийного руководителя, обком ВКП(б) допустил грубую ошибку, сделав ставку на «импорт канадских финнов и тверских карелов», что было «очевидно всем, кроме Карелии».

А. А. Жданов посоветовал «карелам» брать пример с Мурманской области, все крупнейшие объекты которой возводились силами ГУЛАГа, и разрешить массовое переселение заключенных в КАССР после завершения строек в Мурманской области. А. А. Жданов высказался совершенно ясно: «Карелия в поисках абсолютно честных, абсолютно коммунистически настроенных, абсолютно Советских карел из Канады и Твери отпихивает».

Пограничники отправляются в дозор. Д. Палалахта. 1934 г.
Фото А. Анкудинова. НА РК

* Первый ориентировочный оперативный план организации беженского движения на территории КАССР был утвержден в январе 1934 г.: Постановление СУЗ СНК КАССР 9. 1. 1934. НА РК. Ф. 690. Оп. 10. Д. 1/4. Л. 6.

П. А. Иркилис (второй слева) и руководитель НКВД КАССР К. Р. Шершевский на площади Кирова 7 ноября 1935 г. НА РК

ся от использования заключенных... (которые. — Ю. К.) могут быть основой для расселения»²¹⁵.

Итог кампании был подведен А. А. Ждановым 28 августа 1935 г. на бюро Ленинградского обкома ВКП(б). В своем выступлении А. А. Жданов сформулировал претензии как к снятому со своего поста первому секретарю Карельского обкома Г. Ровию, так и к остальным «красным» финнам, возглавлявшим КАССР. Указав на то, что у карельских товарищей «денег было невпроворот», А. А. Жданов заявил, что они не смогли ими воспользоваться: в республике не выполнялись планы капитального строительства, недавно построенный Беломорско-Балтийский канал использовался лишь на 20%*, темпы роста экономики были неприемлемо низкими. Между тем, по мнению А. А. Жданова, «культурный и хозяйственный уровень» Карелии имел «решающее значение и в теперешнем нашем отношении с финнами... отъявленными врагами Советской власти», которые были «связаны, несомненно, с немецкими фашистами»²¹⁶.

Причинами такого положения дел, как полагал докладчик, были и местный национализм, и социал-демократические пережитки, проистекавшие из неправильного взгляда «красных» финнов на Советский Союз и на национальную политику. В свою очередь, этот взгляд исходил из того, что «красные» финны считали себя руководителями будущей Советской Фин-

* В 1935 г. по ББК было перевезено 910,5 тыс. т грузов. Народное хозяйство Карелии. 1926 — июнь 1941 г.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991. С. 127. В соответствии с планом второй пятилетки к 1937 г. грузооборот ББВП должен был составить 6 млн. т. См.: Записка Госплана КАССР «К пятилетнему плану развития тяжелой, легкой, кустарной (кооперативной) промышленности и наркомснаба КАССР в 1933—1937 гг.». НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 162/1129. Л. 36.

ляндии, стремясь как можно больше заимствовать из финской буржуазной культуры и оградить Карелию от Советского влияния. Эта попытка «сесть между двумя государствами» была потенциально опасна тем, что население Карелии могло в случае военной опасности отказаться защищать Советскую страну, так выглядела логика докладчика.

Особое неприятие у А. А. Жданова вызывала кадровая политика партийного руководства КАССР, которое стремилось «всячески внедрять финнов и их культуру», тем самым оттесняя карельские кадры от руководства. К ошибкам «красных» финнов были отнесены также языковая политика и их противодействие распространению в республике партийной печати на русском языке. Последнее обстоятельство мешало «воспитывать людей в духе ненависти к буржуазной Финляндии, в духе преданности к Советскому Союзу»²¹⁷.

Реакция в Финляндии на снятие Г. Ровио и Э. Гюллинга* со своих постов лишней раз убедила НКВД в верности этого шага. АнтиСоветская кампания, в которой приняли участие газеты всех направлений, акцентировала внимание на том, что под руководством Э. Гюллинга Карелия добилась больших успехов**, особенно в смысле сохранения финского национального начала. По мнению полпреда СССР в Финляндии Э. А. Асмуса, это, «конечно, только доказывает, что наши удары и мероприятия попадают в цель и своевременны»²¹⁸.

Осенью 1935 г. с разрешения НКВД и по согласованию с А. А. Ждановым Э. А. Асмус посетил Карелию для ознакомления с ситуацией в автономной республике. По итогам поездки полпред составил подробный доклад²¹⁹, проливающий свет на то, какое место занимал карельский вопрос в Советско-финляндских отношениях в середине 1930-х гг., и на способы его решения, предлагавшиеся НКВД.

С точки зрения внешнеполитического ведомства СССР, принятие срочных и радикальных мер в Карелии объяснялось, прежде всего, необходимостью дать отпор попыткам финляндского правительства вмешаться «в наши карельские дела дипломатическим путем» в связи с мероприятиями по очистке погранполосы от «ненадежных элементов». О роли, которую играла карельская автономия в Советско-финляндских отношениях, свидетельствовало уже то обстоятельство, что «70—80% всей антиСоветской пропаганды и агитации в Финляндии» основывалось на «злостной клевете и сенсациях по Карельскому вопросу».

Необходимость смены руководства КАССР, по мнению Э. А. Асмуса, вызывалась в первую очередь тем, что Советская Карелия, которая «должна быть идеалом рабочих и крестьян Финляндии с огромным интересом на-

* Э. Гюллинг был арестован 17. 7. 1937 и расстрелян 14. 6. 1938 [Яровой. 1991. С. 140].

** Эта тема рассмотрена автором из Финляндии [Yläraakkola. 1976].

блюдающих за происходящим в нашей Карелии», к 1935 г. таким идеалом не стала. Напротив, «успехи Советской Карелии не идут в сравнение с успехами других частей Союза»²²⁰.

Основной причиной замедленного экономического развития КАССР, как полагал Э. А. Асмус, был дефицит трудовых ресурсов в республике, возникший вследствие «неправильной и опасной переселенческой политики карельских властей». Вслед за А. А. Ждановым полпред предложил решить проблему дефицита рабочих кадров в Карелии за счет использования труда заключенных и подверг критике «красных» финнов за их нежелание перенимать опыт ББК. Отметив, что «карельские товарищи считают ББК чужим и чужеродным» явлением вместо того, чтобы «гордиться ББК и всячески использовать его опыт», Э. А. Асмус заявил, что «они все находились под одним психозом, вытекающим из своеобразного понимания ими национальной политики» — стремления обеспечить преобладание карелов, финнов и вепсов в балансе рабочей силы КАССР.

Выразив свое восхищение успехами ГУЛАГа в развитии экономики Карелии и Кольского полуострова, Э. А. Асмус предложил прекратить оглядываться на отношение соседней Финляндии к способам решения национального вопроса в Карелии и осуществить «строительство социализма» в автономной республике «всеми теми средствами, какие имеются у любой Советской республики, правильно проводящей национальную политику»²²¹.

Основным средством достижения этой цели в Карелии, как следует из содержания документа, было использование труда заключенных. Полпред с удовлетворением отметил результативность работы по очистке приграничной полосы, проведенной наркоматами обороны и внутренних дел СССР в Карелии в первой половине 1930-х гг. Эти мероприятия, по мнению Э. А. Асмуса, «несомненно, обеспечат возможность мирной работы в Советской Карелии и дают хороший отпор всякого рода финским авантюристам еще недавно надеявшимся получить опору и операционную базу в Советской Карелии».

Э. А. Асмус, однако, не считал, что на достигнутом следовало остановиться, так как «долголетняя финская работа по подготовке диверсий и нападений требует еще много мероприятий в этой области». Продолжение специальных мероприятий в Карелии диктовалось «всей обстановкой» в Финляндии, ее антиСоветской политикой, связью с Германией, усилением армии, воспитанием населения в антиСоветском духе и т. д.²²² В заключение Э. А. Асмус высказал убеждение, что для коренного улучшения дел в Карелии и доведения ее экономики до уровня передовых республик СССР требуется 2—3 года работы нового руководства. При этом необходимо было обратить особое внимание на хозяйственное укрепление погранполосы и дорожное строительство*. Кроме того, для «освещения достижений КАССР» за границей

* Э. А. Асмус, путешествовавший по Карелии на легковом автомобиле, вынес не только впечатление о крайней запущенности дорожного хозяйства КАССР, но и предло-

Шоссе Петрозаводск — Пряжа. 1932 г. Фото А. Анкудинова. НА РК

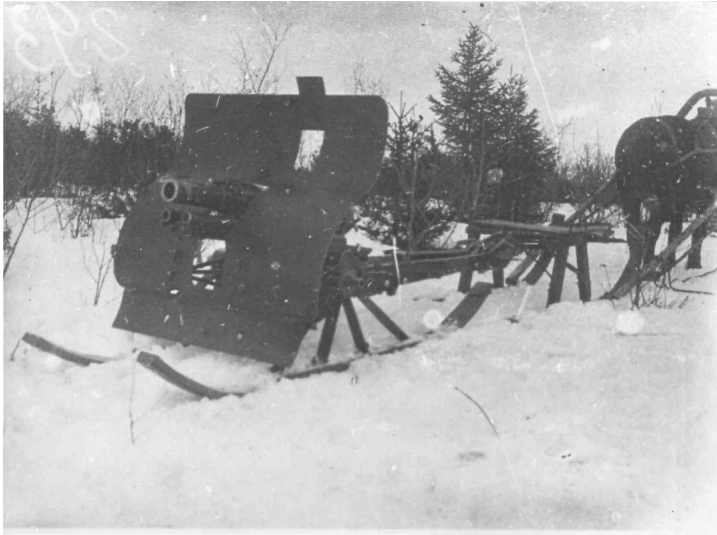
следовало издать 1—2 книги об этой республике на русском, английском, финском и шведском языках*.

Руководство НКВД, включая М. М. Литвинова и Б. С. Стомонякова, не только внимательно ознакомилось с докладом Э. А. Асмуса, но и разослало его для ознакомления И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову и А. А. Жданову. Заместитель наркома иностранных дел Б. С. Стомоняков в своем ответе Э. А. Асмусу, заявив, что доклад «впервые... с точки зрения НКВД проливает свет на положение в Карелии», полностью солидаризировался с его основным тезисом о том, что «превращение Карелии более ускоренными, нежели до сих пор, темпами, в передовую республику Союза выбивает почву из-под ног финских националистов и делает невозможной работу их контрреволюционной агентуры в нашей Карелии». Б. С. Стомоняков сообщил автору доклада, что «таково же было всегда мнение НКВД», которое он высказывал в прошлые годы на заседаниях «наших высших органов»²²³.

В отчете полпредства СССР в Финляндии был подведен своего рода итог осуществленных в Карелии в 1935 г. мероприятий: в Финляндии «до последнего года играла большую роль надежда на успех интервенции в Каре-

жил построить две стратегические шоссезные дороги в меридиональном направлении (о которых говорилось выше): в непосредственной близости от государственной границы и соединяющую Петрозаводск с Мурманском. Там же. Л. 73—74.

* Это вызывалось необходимостью проведения контрпропаганды и было реакцией на издание КАО в 1934 г. книги о Восточной Карелии на английском и финском языках: *Itä-Karjala. Esitys Itä-Karjalan maasta ja kansasta, sen vapausliikkeen tähänastisista vaiheista, nykyisistä taloudellisista, sivistyksellisistä ja valtiollisista oloista sekä Karjalan kysymyksestä. Toimittanut Akateeminen Karjala Seura. Helsinki, 1934.*

Транспортировка артиллерийского орудия в зимних условиях. НА РК

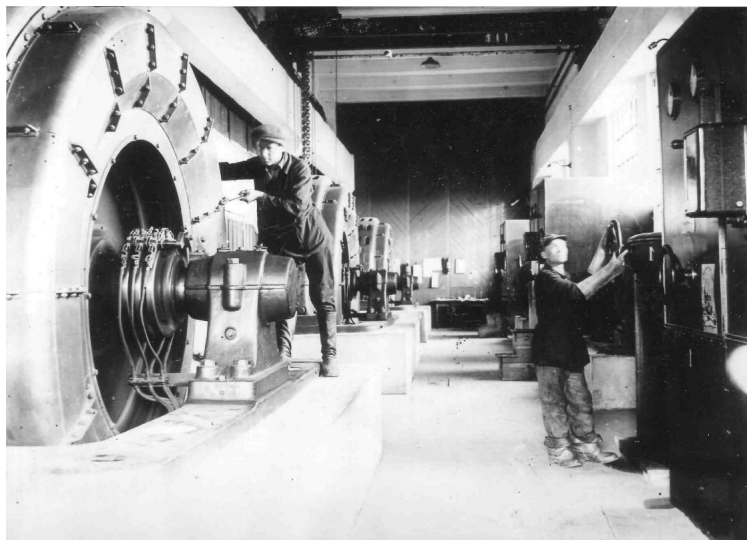
лии при поддержке местного населения. Сейчас, вероятно, эта мысль оставлена»²²⁴.

События лета — осени 1935 г. в Карелии объяснялись не только возрастанием военной угрозы для СССР на Балтике и необходимостью предпринимать превентивные шаги военного и политического характера. Как явствует из переписки между полпредством СССР в Финляндии и НКВД в 1935 г. — начале 1936 г., они были частью общего плана дипломатического наступления Советского государства, целью которого была попытка повлиять на внешнеполитический курс Финляндии в благоприятном для СССР направлении. Летом 1935 г. Э. А. Асмус впервые заявил премьер-министру Финляндии Т. Кивимяки, что в случае развития кризисной ситуации в Европе Красная Армия может оказаться вынужденной занять часть территории Финляндии для защиты интересов СССР [*Paasivirta*. 1988. Р. 462, см. также: *Вихавайнен*. 1998. А. С. 55].

«Серьезность положения», используя выражение Э. А. Асмуса, «должна была бы дойти до сознания» политиков в Финляндии, однако, судя по опубликованному финляндским правительством ответу на письмо Э. Гюллинга*, этого не произошло. Предпринятая Москвой дипломатическая кампания, подкреплённая мерами военного характера, не оказалась все же безрезультатной. Смещение финского руководства Карелии и дислокация в республике 18-й стрелковой дивизии, вызвавшая «целую бурю в правительственных и военных кругах»²²⁵ Финляндии, свидетельствовали о серьёзности намерений Кремля и уже в феврале 1936 г. вызвали крупный сдвиг в отношениях между двумя государствами.

* После смещения с поста председателя СНК КАССР Э. Гюллинг опубликовал в некоторых газетах Швеции и Финляндии статью с объяснением причин своей отставки.

На обеде, устроенном промышленниками Финляндии, министр обороны этой страны А. Оксала впервые заверил Э. А. Асмуса, что в случае попыток со стороны Германии путем военных десантов принудить Финляндию выступить против СССР немцы получат отпор со стороны Финляндии²²⁶. Вскоре были внесены некоторые изменения в стратегические расчеты командования финляндской армии, оперативные планы которой в отношении Восточной Карелии, по крайней мере ее южной части, с 1936 г., как отмечалось выше, стали носить более выраженный оборонительный характер. Удаление «красных» финнов из Карелии в 1935 г., формальным поводом для которого была их неспособность обеспечить хозяйственное развитие КАССР, не привело к улучшению экономического состояния республики. Не принесло желаемого эффекта и проведение в Карелии мероприятий, намеченных постановлением ЦК ВКП(б) в сентябре 1935 г.: освобождение от сельскохозяйственных поставок колхозов приграничных районов на три года, организация 10 новых МТС, проведение мероприятий по механизации лесозаготовок, повышение зарплаты бюджетникам в среднем на 10%²²⁷. Причины неудовлетворительного развития народного хозяйства автономной республики отнюдь не лежали на поверхности, как это представлялось современникам событий. Основные отрасли экономики КАССР находились под полным контролем союзных наркоматов, от которых зависело выделение средств на их развитие. Из намеченных третьим пятилетним планом (1938—1942 гг.) крупных объектов промышленности и транспорта до начала Великой Отечественной войны вступили в строй лишь Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат (с крупными недоделками), сооруженный ГУЛАГом, Надвоицкая мебельная фабрика и крупный мебельный цех на Медвежьегорском лесозаводе [Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 316—317].

Машинный зал Кондопожской бумажной фабрики. 1936 г. НА РК

К реализации большей части проектов даже и не приступали. В их число входили Кумсинская ГЭС мощностью 100 тыс. квт (начало постройки по плану в 1940 г.), Ковдо-Князегубская ГЭС (120 тыс. квт.), металлургический комбинат в Медвежьей Горе на базе Пудожгорского месторождения титано-магнетитов, Лоухский целлюлозно-бумажный и Пудожский лесобумажный комбинаты. Как и в годы второй пятилетки, не была реализована программа железнодорожного и автодорожного строительства, в частности, осталась недостроенной Ругозерская ширококолейная лесовозная железная дорога, которую планировали довести до населенного пункта Реболы, а к сооружению магистрали ст. Масельская — Пудож — Весьегонск вдоль восточного побережья Онежского озера даже не приступили²²⁸.

Во второй половине 1930-х гг. было продолжено осуществление мероприятий по очистке приграничной Карелии от «нелояльных» к Советской власти элементов. Весьма активной была деятельность ГПУ — НКВД по выявлению потенциально опасных в случае войны людей: агентов иностранных разведок и подозреваемых в шпионаже, а также относимых к категории контрреволюционеров. К возможной «пятой колонне» были отнесены и финперебежчики. С 1929 по 1936 г. включительно из арестованных органами 1719 человек, относящихся к этим трем категориям, 956 человек, или 75%, были финперебежчиками [Такала. 1998. С. 184].

В докладе полпредства СССР в Финляндии за 1936 г. (первую половину 1937 г. полпред Э. А. Асмус констатировал, что в «деле разоблачения любого прогерманского шага Финляндии большое значение имели многочисленные мероприятия по Советской Карелии, основательно подрубившие возможности работы финляндских шовинистических обществ». Репрессии против финского населения Карелии и смещение финского руководства КАССР, по мнению полпреда, нанесли «тяжелый удар деятельности лапуасцев и их Академическому Карельскому Обществу», в результате чего «возможности его деятельности на территории Союза* сократились до минимума»²²⁹.

В рамках широкомасштабной операции, проводившейся по всей стране, начало которой было положено приказом НКВД СССР 30 июля 1937 г., в Карелии с 5 августа началось осуществление массовых репрессий. По мнению И. Р. Такала, к декабрю 1937 г. было получено разрешение на проведение операции, нацеленной против финнов. Из арестованных по обвинению в шпионаже и диверсионной деятельности с 4 по 30 декабря 900 человек финнов насчитывалось 578 человек (64,2%) [Такала. 1998. С. 186—187, 189].

Всего же в КАССР с 1 января 1937 г. по 10 августа 1938 г. внесудебными органами были арестованы и осуждены 9536 человек, в том числе 2838 русских (29,8%), 2820 карелов (29,6%), 3189 финнов (33,4%). Осенью 1938 г. в Карелии по решению Особой тройки при НКВД республики было осуждено 1805 человек (из них 1499 человек, или 83%, — финны). Из общего числа арестованных и осужденных в 1937—1938 гг. финны, численность которых в середине 1930-х гг. немного превышала 3% от населения КАССР, составили 40% всех

репрессированных (карелы — 27%, русские — 25%). В целом количество репрессированных в конце 1930-х гг. финнов оценивается в 3—3,5 тыс.

В 1937—1938 гг. была прекращена политика финнизации в сфере народного образования. С 1937/38 учебного года в национальных районах КАССР первые классы были переведены на карельский язык обучения с последующей коренизацией всех классов начальной школы, а старшие классы — на русский язык²³⁰. С января 1938 г. в Карелии полностью прекратилось использование финского языка в образовательной, просветительской и издательской деятельности [Клементьев. 1992. Б. С. 116].

Политика финнизации, осуществлявшаяся в Карелии по инициативе центральных властей, должна была быть заменена карелизацией, однако до начала Второй мировой войны в этом направлении сделали очень мало.

В январе 1938 г. после заседания, обсуждавшего вопрос о создании единого литературного языка карелов Тверской области и КАССР, был арестован один из основных сторонников карелизации, автор научной грамматики карельского языка Д. В. Бубрих. В феврале 1939 г. ликвидировали Карельский национальный округ Московской области, а литература и учебники, изданные на карельском языке, были уничтожены [Беляков. С. 111]. На совещании актива наркомпроса КАССР в начале 1939 г. отмечалось, что «нового литературного карельского языка... мы еще не создали»²³¹.

Сомнения в политической благонадежности представителей национальностей, проживавших в приграничных районах, к 1938 г. были столь велики, что по решению Главного военного совета (ГВС) РККА в армию прекратили призыв финнов (ингерманландцев), поляков, немцев, латышей, эстонцев, литовцев, болгар, греков и турок (в общей сложности 28 тыс. человек). Выбор представителей этих национальностей объяснялся в основном действовавшим сценарием войны и составом вероятных противников СССР. На основании постановления ГВС от 26—31 июля 1938 г. призывники-карелы, проживавшие в КАССР, не призывались в армию и были причислены к категории вневоисковиков, что вызвало среди них «нездоровые политические настроения»²³².

Карелы и представители других неблагонадежных, по мнению руководства страны, национальностей были реабилитированы лишь 2 сентября 1939 г., когда было принято постановление СНК СССР об очередном призыве в 1939 г. и был издан соответствующий приказ Наркомата обороны страны. Теперь в армию на общих основаниях призывались карелы, а также немцы — уроженцы Немцев Поволжья АССР. Призывники остальных, перечисленных выше национальностей, включая финнов (ингерманландцев), были взяты на особый учет²³³.

До начала 1930-х гг. содержание экономической политики, проводившейся в Карелии центральными властями, в основном определялось внутривластными и внешнеполитическими императивами без учета военной опасности со стороны Финляндии. Укрепление Советской власти в приграничной автономии было возможно лишь при условии развития экономики и повышения жизненного уровня населения, что, в свою очередь, лишало бы Финляндию предлога для обсуждения карельского вопроса на международном уровне и препятствовало ее сближению с враждебным СССР польско-прибалтийским блоком.

Финны-эмигранты, возглавившие автономную республику, предложили концепцию экономического развития края, суть которой заключалась в быстром и пропорциональном развитии отраслей хозяйства Карелии на основе рационального использования ее богатых лесных ресурсов. В соответствии с замыслом «красных» финнов, на первом этапе средства для осуществления намеченных планов предоставлялись бы центром в виде ссуд, а впоследствии следовало перейти на самофинансирование, используя значительные экспортные ресурсы республики.

Подходы к проблеме экономического развития Карелии, которые предлагались властями автономии и центром, как вскоре выяснилось, значительно расходились: особые бюджетные права, предоставленные Карелии, носили более ограниченный характер, чем предлагалось руководством автономии; переход на самофинансирование не был осуществлен; центральные наркоматы имели право контролировать деятельность хозяйственных органов республики; в подчинении центральных властей осталась Мурманская же-

лезная дорога, которой вскоре была передана значительная часть территории Карелии для экономического освоения и колонизации. Тем не менее до начала первой пятилетки в Карелии происходил относительно быстрый подъем хозяйства, особенно заметный на фоне исключительно низкого исходного уровня развития экономики края, а попытки властей РСФСР сократить объем бюджетных прав автономной республики нейтрализовались обращениями руководства КАССР к союзным органам власти с указаниями на ее приграничное положение.

С рубежа 1920—1930-х гг. в связи с началом в СССР форсированной индустриализации и необходимостью увеличения валютных поступлений экономическая политика центральных властей в отношении Карелии была

пересмотрена. Выгодное географическое положение и значительные лесозаготовительные ресурсы республики, а также недостаток средств для строительства капиталоемких предприятий целлюлозно-бумажной отрасли и гидроэлектростанций, железных и шоссейных дорог, включенных в пятилетние планы, не оставляли иного выбора, кроме увеличения объемов лесозаготовок и экспорта пиломатериалов и необработанной древесины.

Кроме того, с 1930 г. пересмотр роли Финляндии в будущей войне против СССР выдвинул на первый план военно-экономические расчеты, предусматривавшие создание в КАССР тыла для оборонительных и(или) наступательных действий Красной Армии. Выделение средств на развитие инфраструктуры, прежде всего на дорожное строительство, для находившегося на второстепенном ТВД Ленинградского военного округа, однако, уже в 1931 г. было значительно сокращено, что, в свою очередь, стало одной из основных причин невыполнения пятилетних планов и начала экономического кризиса в КАССР. Ситуация усугублялась дефицитом трудовых ресурсов, сложившимся в результате политики союзных наркоматов, выделявших мизерные средства на жилищное строительство, не позволявшие осуществить самую масштабную часть программы финнизации: переселе-

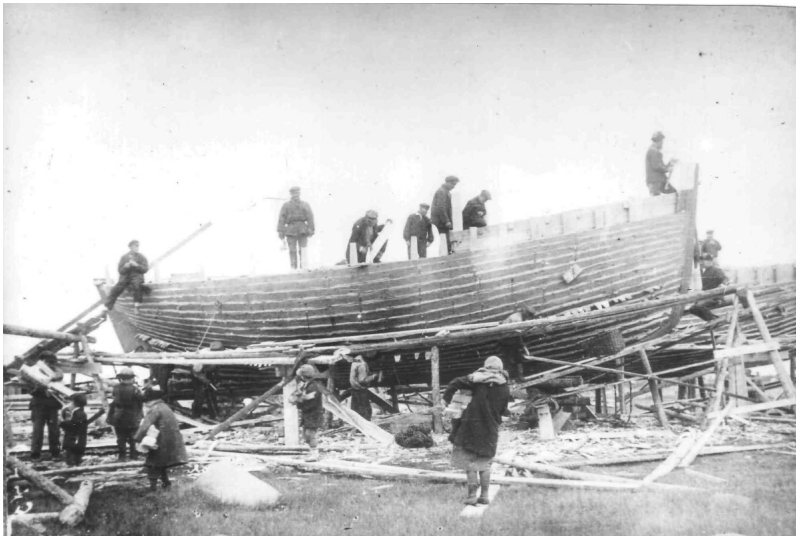

Строительство Туломской ГЭС. 1936 г. НА РК

ние в Карелию десятков тысяч тверских карелов и ингерманландцев. Трудовой миграции националов препятствовали и ОГПУ — НКВД, считавшие использование труда заключенных в приграничной автономной республике меньшим фактором риска.

Неразвитость экономики КАССР, прежде всего в населенных карелами приграничных районах, и, как следствие, низкий жизненный уровень населения, вызывавший недовольство властью, заставляли центр прибегать к репрессиям, острие которых было направлено против финского и карельского населения. В отличие от внутренних регионов страны основной целью репрессивных мероприятий в Карелии была подготовка театра военных действий в политическом отношении.

К началу войны с Финляндией экономика КАССР находилась в состоянии глубокого кризиса. Большая часть плана создания в республике современной военно-гражданской инфраструктуры, осуществлявшегося с начала 1930-х г., из-за недостаточного финансирования не была реализована, что серьезно ограничивало возможности проведения Советским государством силовой политики в отношении Финляндии.

Строительство рыболовецких мотоботов на Сорокской верфи.
Сорока (Беломорск). 1930 г. Фото А. Анкудинова. НА РК

SUMMARY

In July 1923, Karelia became an autonomous republic as a result both of diplomatic pressure by the Finnish government exercised through the League of Nations and of the emergence of new approaches to the national question in multi-national Soviet Russia. Narkomindel archival papers clearly show to what degree Moscow was influenced to grant Karelia a higher degree of autonomy by its fear of the League of Nations issuing a negative decision on the Karelian issue.

By the end of 1926, the «golden age» of the Karelian republic was coming to an end. In that year, the special unit within Narkomindel responsible for Karelia was dissolved, the Leningrad authorities redoubled their attempts to control the Karelian economy and Karelia lost its importance as a problem in international relations, which was to have decisive consequences soon to follow.

In the 1920's — 1930's, Moscow's policies towards Karelia were heavily influenced by two main factors: firstly, by far-reaching strategic calculations (establishing a strong naval base on the Kola Peninsula for a mighty sea-going fleet and securing a northern naval supply route to the Far East through the Baltic Sea — White Sea canal); and secondly by the necessity of coping with renewed threats posed by Finland's perceived re-alignment with the alliance of neighbouring states. In 1924—1930, Moscow believed that Finland would remain a neutral state in case of war against the alliance (although this was doubted by some high-ranking commanders of the Red Army and the Navy). Anyway, Finland did not seem to pose a threat to the Baltic transit route vital for the successful industrialisation of the USSR. This belief clearly had a negative effect on the industrial development of Karelia. In 1927—1928, a special «particularly threatened zone» stretching from the Black Sea to the Baltic Sea was defined and restrictions were imposed on building

large industrial enterprises in this border area. In 1930, Karelia was included into this zone as a result of Moscow's re-examination of the strategic situation. This followed the march of Finnish peasants on Helsinki, which was believed at the time to represent a successful fascist coup d'état. Still, since the USSR's most powerful enemy until 1935 was Poland (along with Romania), Moscow did not re-examine its 1931 decision to shift a road building program southwards (to Ukraine and Byelorussia), which had an extremely negative effect on industrial development in Karelia. After the outbreak of war in Manchuria in 1931, Moscow had to allocate substantial resources to strengthen its positions in the Far East which also resulted in cuts of industrial and military projects in the European part of the USSR.

Moscow's economic policies in Karelia proved to be a complete failure by 1934-1935, because of insufficient capital investments by central Narkomats (Ministries) and because of the absence of railways and highways needed to realise the ambiguous five-year plans (which envisaged the development of a number of major cellulose and paper-mills, as well as other industrial enterprises). In 1935, Moscow abandoned a program of building a modern transport network (railways and highways) in Karelia. By 1939, the economy of Karelia had plunged in a deep depression. The presence of a GULAG workforce in Karelia which numbered almost 80,000 by 1939 — a substitute for an effectively functioning economic system — to some extent obscured the gravity of the situation.

In 1935, following Moscow's re-evaluation of the strategic situation in Europe (Germany now became the USSR's main foe), the Red Finns who were running Karelia were forced out of their key posts in the Republic. (This was part of a larger campaign initiated in Moscow in 1935 which aimed at influencing Finland's foreign policy and precluding its possible co-operation with Germany.) Additionally, Soviet nationality policy underwent a principal change because of the war threat and now emphasised the rapid consolidation of national minorities. As a border territory, Karelia was a specific case. Already in 1930—1935, thousands of nationals («anti-soviet elements») had been deported from the vulnerable border zone. This deportation campaign started soon after the Soviet leadership changed its mind about Finland's neutral status. In 1937—1938, the centre implemented a full-scale terror with the Finnish population as its main target.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Протокол № 150 заседания оргбюро ЦК РКП(б) 6. 3. 1922. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 296. Л. 8.
- 2 Письмо врид начальника КОО ГПУ Тарасюка в контрразведывательный отдел ПП ГПУ по ПВО 26. 9. 1922. Архив УФСБ по РК. Ф. СПО. Оп. 1. П. 2. Л. 16.
- 3 Доклад № 5 В. М. Куджиева 15. 12. 1921. АВПРФ. Ф.0149. Оп. 1. П. 2. Д. 6. Л. 42.
- 4 Материалы 2-й Карельской областной партийной конференции 28. 9—2. 10. 1922. НА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48. Л. 100. Часть этого выступления цитировалась ранее: [Левковев. 1992. С. 9].
- 5 Общий обзор развития АКССР за 1926 г. НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 7/52. Л. 2.
- 6 An Outline of the East Carelia Question. Published by the Carelian delegation. Helsinki, 1935. S. 9.
- 7 Письмо временно исполняющего должность начальника Карельского отдела ГПУ Тарасюка полномочному представителю ПП ГПУ по ПВО т. Мессингу 15. 9. 1922. Архив УФСБ по РК. Ф. СПО. Оп. 1. П. 2. Л. 14.
- 8 Письмо врид начальника КОО ГПУ Тарасюка в контрразведывательный отдел ПП ГПУ по ПВО 26. 9. 1922. Архив УФСБ по РК. Ф. СПО. Оп. 1. П. 2. Л. 16.
- 9 Письмо временно исполняющего должность начальника Карельского отдела ГПУ Тарасюка полномочному представителю ПП ГПУ по ПВО т. Мессингу 15. 9. 1922. Архив УФСБ по РК. Ф. СПО. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.
- 10 Там же. Л. 14.
- 11 Там же. Л. 15.
- 12 Заявление одного из авторов, И. Г. Власова // Материалы 2-й областной партийной конференции. 28. 9—2. 10. 1922. НА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48. Л. 100.
- 13 Там же. Л. 89.

- 14 Доклад товарища Каширина № 1. 1922 г. Архив УФСБ по РК. Ф. СПО. Оп. 1. Д. 3. Л. 4—5.
- 15 Там же.
- 16 Из выступления Б. П. Позерна // Материалы 2-й областной партийной конференции 28. 9—2. 10. 1922. НА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48. Л. 88. После отъезда из Карелии в Сибирь В. М. Куджиев признался в докладе, направленном им в ЦК и Севзапбюро, в том, что им овладели «националистические чувства». Там же.
- 17 Письмо врид начальника КОО ГПУ Тарасюка в ПП ГПУ по ПВО 26. 9. 1922. Архив УФСБ по РК. Ф. СПО. Оп. 1. П. 2. Л. 16.
- 18 Письмо врид начальника КОО ГПУ Тарасюка в ПП ГПУ по ПВО 15. 9. 1922. Архив УФСБ по РК. Ф. СПО. Оп. 1. П. 2. Л. 15.
- 19 Письмо ври. начальника КОО ГПУ Тарасюка в ПП ГПУ по ПВО 29. 9. 1922. Архив УФСБ по РК. Ф. СПО. Оп. 1. П. 2. Л. 19.
- 20 Из выступления Б. П. Позерна // Материалы 2-й областной партийной конференции. 28. 9—2. 10. 1922. НА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48. Л. 85—86.
- 21 Там же. Л. 87.
- 22 Там же. Л. 101.
- 23 Там же. Л. 92.
- 24 Материалы 2-й областной партийной конференции 28. 9—2. 10. 1922. НА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48. Л. 96.
- 25 Письмо Г. В. Чичерина Г. И. Бройдо 26. 5. 1923. АВПРФ. Ф. 04. Оп. 41. П. 252а. Д. 53441. Л. 69.
- 26 Обращение представителей автономных областей в малую коллегию наркомнаца 10. 4. 1923. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 20. Л. 163.
- 27 Протокол № 19 заседания малой коллегии наркомата по делам национальностей РСФСР 1. 6. 1923. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 20. Л. 230.
- 28 Письмо Г. В. Чичерина Г. И. Бройдо 31. 5. 1923. АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 6. П. 107. Д. 8. Л. 64.
- 29 Письмо Г. В. Чичерина И. В. Сталину 4. 6. 1923. АВПРФ. Ф. 04. Оп. 41. П. 252а. Д. 53441. Л. 81.
- 30 Письмо Г. И. Бройдо В. И. Сталину 13. 6. 1923. Копия. АВПРФ. Ф. 04. Оп. 41. П. 252а. Д. 53441. Л. 91.
- 31 Там же. Об этом см. также: Письмо Г. И. Бройдо Г. В. Чичерину 2. 6. 1923. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 258. Л. 14.
- 32 Письмо НКВД в секретариат ЦК РКП(б) 18. 6. 1923. АВПРФ. Ф. 04. Оп. 41. П. 252а. Д. 53441. Л. 93.
- 33 Письмо А. С. Черных Я. С. Ганецкому 5. 6. 1923. АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 6. П. 107. Д. 7. Л. 103.
- 34 Письмо А. С. Черных В. Л. Коппу 16. 12. 1923. АВПРФ. Ф. 04. Оп. 41. П. 252а. Д. 53443. Л. 110.
- 35 Там же. Л. 111—112.
- 36 Доклад И. В. Сталина 23. 4. 1923 на XII съезде РКП(б) // Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1968. С. 494.
- 37 Заключительное слово Сталина 25. 4. 1923 на XII съезде РКП(б) // Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. С. 652.

- 38 Резолюция XII съезда РКП(б) по национальному вопросу // Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. С. 691—697.
- 39 Материалы окружной военной игры ЛВО в марте 1926 г. РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 852. Л. 6—7.
- 40 Ворошилов К. Е. Черновые записи для доклада. 1927 г. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 8. Л. 54.
- 41 Доклад К. Е. Ворошилова на Горской областной партийной конференции «Международное и внутреннее положение СССР» 5. 12. 1923. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 5. Л. 112.
- 42 Письмо представителя РВС БФ товарищу Рахья 27 марта 1920 г. РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 405. Л. 1.
- 43 Рапорт начальника Морских сил помощнику Главнокомандующего всеми вооруженными силами республики 7 октября 1921 г. РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 489. Л. 2.
- 44 Оперативная директива РВСР для РВС морских сил Балтийского моря от 24. 9. 1921. РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 489. Л. 21.
- 45 Операции первого периода войны 18. 7. 1924. РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 16. Л. 14.
- 46 Письмо штаба ЛВО начальнику штаба РККА о строительстве Карельского укрепленного района 24. 11. 1927. РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 147. Л. 13.
- 47 Письмо А. С. Черных В. Л. Коппу 17. 7. 1923. АВПРФ. Ф. 0135. Д. 3. П. 107. Оп. 6. Л. 60—68.
- 48 Протокол заседания военных и гражданских властей в Петрозаводске 1. 2. 1922. НА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 275. Л. 50.
- 49 РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1752. Л. 2—5.
- 50 Записка «О дорожном строительстве в Карелии». РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1934. Л. 2.
- 51 Письмо Э. Гюлинга в СТО, Госплан, РВС, ВСНХ, НКПС, НКВД РСФСР, Севзапэкосо 14. 5. 1923 г. РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1934. Л. 3.
- 52 Протокол секретного заседания строительной секции Госплана 8 июня 1923 г. РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1752. Л. 24.
- 53 Письмо Я. С. Ганецкого А. С. Черных 20 декабря 1922 г. АВПРФ. Ф. 0135. Д. 6. П. 106. Оп. 5. Л. 25.
- 54 Там же. Л. 26.
- 55 Из доклада т. Домбровского за ноябрь и декабрь 1922 г. Архив УФСБ по РК. Ф. СПО. Оп. 1. Д. 3. Л. 51—52.
- 56 Сообщение А. С. Черных в НКВД, ноябрь 1922 г. АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 6. П. 107. Д. 4. Л. 57—58.
- 57 Постановление ВЦИК «Об амнистии карельским беженцам» [Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921—1925: С. 52—57].
- 58 Письмо И. Л. Лоренца С. И. Аралову 19. 2. 1926. АВПРФ. Ф. 04. П. 256. Д. 53504. Л. 4.
- 59 Письмо Б. С. Стомонякова И. Л. Лоренцу 2. 1. 1927. АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 10. П. 118. Д. 2. Л. 11.
- 60 По мнению А. С. Черных, «за последнее время на Карельской границе стало почти совсем спокойно». Инструктивное письмо А. С. Черных И. Л. Лоренцу 2. 2. 1926. АВПРФ. Ф. 09. Оп. 1. П. 9. Д. 98. Л. 7.
- 61 Там же. Л. 7—8.
- 62 Письмо Правления МЖД наркому путей сообщения 12. 1. 1923. НА РК. Ф. 528. Оп. 3. Д. 19/184. Л. 6.

- 63 Там же. См. также: [Сорокин. С. 112].
- 64 Первое заседание Севзапэкоко состоялось в середине марта 1918 г. См.: [Ленинградская область. Экономический обзор области, округов и районов и Карельской АССР. С. 105].
- 65 Сборник узаконений и распоряжений по колонизации Карело-Мурманского края. Л., 1925. С. 1.
- 66 Пятилетний перспективный план переселенческих мероприятий на 1928—1933 гг. Комитет Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР. ГАРФ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 7. Л. 93.
- 67 Там же. Л. 93.
- 68 Там же. Л. 94.
- 69 Там же. Л. 99.
- 70 Пятилетний перспективный план МЖД. 1932 г. НА РК. Ф. 528. Оп. 3. Д. 55/477. Л. 65.
- 71 Пятилетний перспективный план переселенческих мероприятий на 1928—1933 гг. Л. 97.
- 72 Там же. Л. 95.
- 73 Там же. Л. 93.
- 74 А. Богдановский. Заключение по работе Г. Ф. Чиркина «Карело-Мурманское лесное хозяйство» 5. 11. 1928. ГАРФ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 12. Л. 8—9.
- 75 Там же. Л. 7.
- 76 Докладная записка зам. председателя Колонизационной комиссии МЖД П. Л. Пахомова в Севзапэкоко 19. 7. 1926. НА РК. Ф. 1465. Оп. 1. Д. 5/46. Л. 113.
- 77 Записка колонизационного отдела МЖД в Наркомзем РСФСР. 1926 г. Там же. Л. 124.
- 78 Объяснительная записка к проекту положения о социалистической колонизации Мурманского округа Ленинградской области и северных районов КАССР 29. 2. 1932. НА РК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 49/400. Л. 2.
- 79 Постановление СНК СССР 6. 6. 1929. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 57. Д. 11. Л. 25.
- 80 Доклад СНК АКССР, начало 1931 г. НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 16/180. Л. 15.
- 81 Личное письмо А. М. Аполоника С. М. Кирову 9. 3. 1931. НА РК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 173. Л. 9.
- 82 Постановление РЗ СТО 2. 9. 1930. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1235. Л. 76—77. См. также: Проект постановления РЗ СТО. Там же. Л. 72.
- 83 Материалы по военной характеристике КАССР за 1933—36 гг. НА РК. Ф. 606. Оп. 3. Д. 1/7. Л. 1.
- 84 Постановление СНК РСФСР. НА РК. Ф. 690. Оп. 10. Д. 2/10. Л. 212.
- 85 Первое заседание такого нового органа в Карелии состоялось 14 января 1931 г. См.: Протокол № 1 суженного заседания СНК КАССР. НА РК. Ф. 690. Оп. 10. Д. 1/1. Л. 1—12.
- 86 Заявки штаба ЛВО на оборонно-мобилизационные мероприятия для включения в план третьей пятилетки АКССР. НА РК. Ф. 606. Оп. 3. Д. 3/17. Л. 1—38.
- 87 SKP:n puoluekonferenssin päätöslausunto, syyskuu 1930. РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 13. Л. 25.
- 88 Ближайшие задачи КПФ. Резолюция политсекретариата ИККИ 16. 7. 1930. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 61. Д. 40. Л. 64.
- 89 Письмо Ю. Сиrolа от неизвестного адресата (подпись неразборчива) из Ленинграда 14. 5. 1931. РГАСПИ. Ф. 525. Оп. 1. Д. 131. Л. 109.

- 90 Письмо И. М. Майского заведующему Первым Западным отделом Н. Я. Райвиду. АВПРФ. Ф. 0135. Д. 4. П. 129. Оп. 14. Л. 28.
- 91 YSE Os. 3. op. toimisto. № 135 /VK 27/ op. sal. Toimintaohje III AK:lle. Sark. T2861/28. S. 2.
- 92 Ibid. S. 3—4.
- 93 YSE. Os. 3. Op. toimisto. № 144/VK 27/ op. sal. Toimintaohje Karjalan ryhmälle operativista toimintaa varten. 29. 10. 1930. Sark. T 2861/30. S. 1—3.
- 94 Ibid. S. 5.
- 95 YSE. Os. 3. Op. toimisto. № 145/VK 27/ op. sal. Toimintaohje Pohjois-Suomen esikunnan alaisille muodostelmille operatiivista toimintaa varten. 29. 10. 1930. Sark. T 2861/30. S. 1—3.
- 96 Keskitysuunnitelma VK 2. YSE. Os. 3. Operatiivinen toimisto. № 85. Op. Sal. 20. 6. 1936. S. 2. Sark. T. 2866/12.
- 97 Liite 1. Mikkeli. 10. 5. 1937. Sark. T. 2866/12.
- 98 Etsivän Suomen ulkoasiainministeriöön lähettämä informaatio Neuvosto-Karjalasta 10. 4. 1933. Kansallisarkisto. EK-Valpo I. XLI. Kotelo 726. S. 1.
- 99 Тезисы доклада о действиях Красной Армии против белофиннов. 1940 г. РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 404.
- 100 Там же. Л. 405.
- 101 Историческая справка. РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 3. Д. 49с. Л. 35.
- 102 Там же.
- 103 Доклад особой комиссии по обследованию Мурманского побережья и созданию в Кольском заливе ВМБ. РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 318. Л. 1—19.
- 104 Постановление СТО СССР от 3 июня 1930 г. РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 3. Д. 49с. Л. 71.
- 105 Перечень работ по системе в целом. РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 3. Д. 49с. Л. 51.
- 106 Постановление СТО СССР от 3 июня 1930 г. РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 3. Д. 49с. Л. 71.
- 107 О Беломорско-Балтийском внутреннем водном пути. Материал рабочей комиссии. 2 апреля 1930 г. РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 3. Д. 49с. Л. 32—33.
- 108 Письмо Р. А. Муклевича начальнику управления «Беломорстроя». 16 июля 1930 г. РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 3. Д. 49с. Л. 73.
- 109 Письмо заместителя начальника УВМС РККА начальнику управления «Беломорстроя». Октябрь 1930 г. РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 3. Д. 49с. Л. 82.
- 110 Письмо заместителя начальника УВМС РККА председателю научно-технического комитета УВМС РККА. 23 октября 1930 г. РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 3. Д. 49с. Л. 87.
- 111 Постановление № 47/8с СНК СССР от 19 января 1932 г. РГА ВМФ. Ф. р-914. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.
- 112 Заключение УВМС РККА на постановление № 47/8с СНК СССР от 19 января 1932 г. РГА ВМФ. Ф. р-914. Оп. 1. Д. 95. Л. 4.
- 113 Письмо К. Е. Ворошилова В. М. Молотову 31 января 1932 г. РГА ВМФ. Ф. р-914. Оп. 1. Д. 95. Л. 5.
- 114 Приказ РВС морских сил Балтийского моря 31. 7. 1933. РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 7с. Д. 168. Л. 14.
- 115 Отчет начальнику ВМС РККА В. М. Орлову 1. 9. 1933. РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 7с. Д. 168. Л. 231—235.
- 116 Отчет ЭОН-4 14. 8. 1937. РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 7с. Д. 168. Л. 231—235.

- 117 Постановление СНК СССР «Об организации при СНК СССР ГУ СМП» 17. 12. 1932. Копия. РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 1. Д. 173. Л. 2.
- 118 Постановление СНК СССР 17. 8. 1933. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 57. Д. 25. Л. 145.
- 119 Письмо ОГПУ начальнику ВМС РККА В. М. Орлову. 5. 3. 1934. РГА ВМФ. Ф. р-914. Оп. 1. Д. 144. Л. 2.
- 120 Письмо начальнику ГУ лагерей НКВД т. Плинер. РГА ВМФ. Ф. р-914. Оп. 1. Д. 144. Л. 33.
- 121 Письмо начальнику ВМС РККА В. М. Орлову от начальника 1-го управления УВМС РККА Горского. РГА ВМФ. Ф. р-914. Оп. 1. Д. 144. Л. 29.
- 122 Справка для начальника ВМС РККА В. М. Орлова. РГА ВМФ. Ф. р-914. Оп. 1. Д. 144. Л. 30.
- 123 Письмо Г. Н. Куприянова А. А. Жданову 22. 8. 1939. НА РК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 273. Л. 92.
- 124 Там же. Л. 94.
- 125 Письмо Э. Гюллинга Ю. Сиrolа 24. 3. 1920. РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 54. Л. 21.
- 126 В ВСНХ Производительная программа КТК, вторая половина 1920 г. АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 9. Д. 21. Л. 77—78. Этот документ имеется также в НА РК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 3/26. Л. 10—19.
- 127 Направленная в ВСНХ производительная программа КТК, вторая половина 1920 г. АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 9. Д. 21. Л. 78—79. В декабре 1920 г. Э. Гюллинг представил план Х. Лангсета В. И. Ленину [Афанасьева. 1990. С. 10].
- 128 Производительная программа КТК, вторая половина 1920 г. АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 9. Д. 21. Л. 80—81.
- 129 Там же. Л. 82—83.
- 130 Там же. Л. 84.
- 131 Там же. Л. 85—87.
- 132 Там же. Л. 87.
- 133 Там же. Л. 81.
- 134 Собрание Петрозаводского финского коллектива РКП(б) 15. 2. 1922. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 296. Л. 32.
- 135 Общий обзор развития АКССР за 1926 г. НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 7/52. Л. 8.
- 136 Докладная записка о продлении бюджетных прав КАССР. Копия. 8. 3. 1926. АВПРФ. Ф. 0140. Оп. 2. П. 2. Д. 1. Л. 4.
- 137 Письмо председателя Карцика А. Нуортева М. М. Литвинову 9. 5. 1926. АВПРФ. Ф. 0149. Оп. 2. П. 2. Д. 1. Л. 2.
- 138 Выписка из протокола заседания Президиума ЦИКа Советов АКССР 8. 3. 1926. Там же. Л. 7.
- 139 Письмо председателя Карцика А. Нуортева и. о. наркома М. М. Литвинову 9. 5. 1926. АВПРФ. Ф. 0149. Оп. 2. П. 2. Д. 1. Л. 2—3.
- 140 Письмо представителя АКССР при Президиуме ВЦИК А. Кочанова в Президиум ВЦИК 12. 8. 1929. НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 15/153. Л. 53.
- 141 Постановление ЦИК и СНК СССР «О республиканском бюджете Карелии». Сборник важнейших правительственных решений по вопросам строительства Карелии (за 1929, 1930 и январь месяц 1931 года). Петрозаводск, 1931. С. 60.
- 142 Письмо СНК КАССР И. В. Сталину и В. М. Молотову 13. 12. 1934. НА РК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 71/628. Л. 18—19.

- 143 Доклад в ЦК ВКП(б) «О необходимости обеспечить Карельской лесной промышленности более быстрые темпы развития». 1935 г. НА РК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 173. Л. 47—48.
- 144 Второй пятилетний план развития народного хозяйства КАССР. НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 162/1129. Л. 30.
- 145 Там же.
- 146 Экономический обзор МЖД. 1932 г. НА РК. Ф. 528. Оп. 3. Д. 48/424. Л. 13.
- 147 Второй пятилетний план развития народного хозяйства КАССР. НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 162/1129. Л. 30.
- 148 Там же. Л. 32. Ни одно из этих предприятий так и не было построено.
- 149 Там же. Л. 33.
- 150 Письмо Э. Гюллинга председателю Ленинградского облисполкома П. И. Струппе 20. 5. 1935. НА РК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 2/7. Л. 130.
- 151 Основные линии народнохозяйственного развития КАССР и Мурманского округа Ленинградской области. 1936 г. НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 203/1468. Л. 30.
- 152 Второй пятилетний план развития народного хозяйства КАССР. НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 162/1129. Л. 33.
- 153 Второй пятилетний план развития народного хозяйства КАССР. НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 162/1129. Л. 35.
- 154 Военно-экономическая справка КАССР. НА РК. Ф. 1951. Оп. 1. Д. 4/20. Л. 223.
- 155 См., например: Конъюнктурный обзор выполнения народнохозяйственного плана по сельскому хозяйству за 1938 г. НА РК. Ф. 698. Оп. 5. Д. 100/891. Л. 51. Более подробно о состоянии сельского хозяйства Карелии см.: [Никитина. 1997].
- 156 Конъюнктурный обзор выполнения народнохозяйственного плана по сельскому хозяйству за 1938 г. НА РК. Ф. 698. Оп. 5. Д. 100/891. Л. 35—36.
- 157 Экономический обзор МЖД. 1932 г. НА РК. Ф. 528. Оп. 3. Д. 48/424. Л. 15.
- 158 Краткий конъюнктурный обзор работы лесной и деревообрабатывающей промышленности Карелии. 1939 г. НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 201/1448. Л. 120.
- 159 Протокол заседания РВС СССР 2. 12. 1927. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 562. Л. 6.
- 160 Второй пятилетний план развития народного хозяйства КАССР. НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 162/1129. Л. 35.
- 161 Уроки войны с Финляндией: Доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б) 22 марта 1940 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 109.
- 162 Материалы по автодорожному и автотранспортному хозяйству Карелии. 1935 г. НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 201/1456. Л. 3.
- 163 Там же. Л. 5.
- 164 Там же. Л. 6—7.
- 165 Аналитическая записка штаба ЛВО. Середина 1930-х гг. НА РК. Ф. 606. Оп. 3. Д. 1/7. Л. 25.
- 166 См.: Копия постановления Комитета обороны. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1224. Л. 158.
- 167 Приказ НКВД о строительстве дороги Парандово — Реболы 27. 3. 1936. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 10. Л. 21.
- 168 Завоз продовольствия в Ребольский район из Финляндии был запрещен решением ЦК ВКП(б) 27. 9. 1935. Письмо о строительстве дороги Парандово — Реболы 23. 11. 1936. НА РК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 70. Л. 73.

- 169 Сводная таблица дорожных работ в Карелии на 1936—1943 гг. НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 197/1426. Л. 81—87.
- 180 Там же. Л. 95.
- 170 Там же. Л. 101—103.
- 171 Материалы по автодорожному и автотранспортному хозяйству Карелии. 1935 г. НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 201/1456. Л. 4.
- 183 Там же.
- 172 Уроки войны с Финляндией: Доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б) 22 марта 1940 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 109.
- 173 Материалы по автодорожному и автотранспортному хозяйству Карелии. 1935 г. НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 201/1456. Л. 50.
- 174 Там же. Л. 51.
- 175 Объяснительная записка по развитию народного хозяйства КАССР на 1938—1942 гг. 1937 г. НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 208/1502. Л. 16
- 176 Стенограмма 4-го пленума Каробкома ВКП(б) 19—20. 8. 1935. НА РК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 249. Л. 89—90.
- 177 3-й пятилетний план развития народного хозяйства и культурного строительства КАССР (1938—1942 гг.). НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 207/1498. Л. 121.
- 178 Краткие конъюнктурные обзоры работы лесной и деревообрабатывающей промышленности Карелии. 1936—1939 гг. НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 201/1448. Л. 1, 102.
- 179 Там же. Л. 61, 96. В 1927/28 г. было заготовлено 3 млн. 840 тыс. фустметров древесины: [Социалистическая индустриализация Карельской АССР. С. 59].
- 180 Там же. Л. 120.
- 181 Там же. Л. 96, 120.
- 182 3-й пятилетний план развития народного хозяйства и культурного строительства КАССР (1938—1942 гг.) НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 207/1498. Л. 89.
- 183 [Такала. 1992. С. 166]. Такое же решение было принято СНК РСФСР 5. 2. 1931. См.: Доклад Переселенческого управления... НА РК. Ф. 841. Оп. 1. Д. 42/447. Л. 155.
- 184 Докладная записка. НА РК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 286. Л. 76. Здесь и выше учитываются лишь взрослые переселенцы.
- 185 Там же.
- 186 Письмо Н. Н. Крестинского И. В. Сталину 21. 5. 1932. АВПРФ. Ф. 010. Оп. 4. П. 22. Д. 78. Л. 200.
- 187 Письмо Г. Ровио в ЦК ВКП(б), май 1932. АВПРФ. Ф. 010. Оп. 4. П. 22. Д. 78. Л. 191.
- 188 Стенограмма 4-го пленума Каробкома ВКП(б) 19—20. 8. 1935. НА РК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 249. Л. 90.
- 189 Отчет Наркомпроса КАССР о состоянии и очередных задачах народного образования в республике. 1937 г. НА РК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 23. Л. 19.
- 190 Постановление бюро Каробкома ВКП(б) 20. 11. 1930. НА РК. Ф. 3. Оп. 65. Д. 1. Л. 2.
- 191 Из протокола бюро Каробкома ВКП(б) 20. 11. 1930. НА РК. Ф. 3. Оп. 65. Д. 3. Л. 1.
- 192 Боевой приказ штаба бригады 22. 3. 1934. Архив УФСБ по РК. Ф. КРО. Оп. 1. П. 1. Л. 32.
- 193 Genevessa oleva lähetystö. Raportti № 22. Kauko-Karjalan kysymys Kansanliiton neuvostossa. S. 2. 22. 3. 1934. Sark. Т 19935/3.

- 194 Ibid. S. 4.
- 195 Informaatio Karjalan ja Inkerin asiasta Helsingissa. S. 1. 6. 4. 35. Kansallisarkisto. EK-Valpo I XLI E2. Kotelo 726.
- 196 Ibid.
- 197 Ulkomaanedustuksen tiedotuksia n:o 209. S. 1. 26. 11. 1934. Sark. T 19935/2.
- 198 Приказ РВС морских сил Балтийского моря на проведение совместной военной игры с ЛВО 14—17. 3. 1930. РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 142. Л. 52.
- 199 Письмо наркомзема РСФСР наркомзему КАССР 17. 4. 1931. НА РК. Ф. 698. Оп. 1. Д. 6/69. Л. 1.
- 200 Там же.
- 201 О состоянии красноармейских колхозов. Приложение к протоколу бюро Каробкома ВКП(б) 4. 3. 1935. НА РК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 264. Л. 11.
- 202 Протокол № 50 бюро Каробкома ВКП(б) 21. 6. 1933. НА РК. Ф. 3. Оп. 65. Д. 4. Л. 4.
- 203 Протокол № 60 бюро Каробкома ВКП(б) 21. 12. 1933. НА РК. Ф. 3. Оп. 65. Д. 4. Л. 8.
- 204 Письмо Б. С. Стомонякова временному поверенному в делах СССР в Финляндии Н. Позднякову 5. 12. 1933. АВПРФ. Ф. 09. Оп. 8. П. 66. Д. 48. Л. 36.
- 205 Письмо И. М. Майского Б. С. Стомонякову 8. 6. 1932. АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 15. П. 131. Д. 1. Л. 87.
- 206 Письмо Б. С. Стомонякова И. М. Майскому 1. 4. 1932. АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 14. П. 129. Д. 9. Л. 255.
- 207 Письмо Б. С. Стомонякова полпреду СССР в Финляндии Э. А. Асмусу. 5. 6. 1935. АВПРФ. Ф. 09. Оп. 21. П. 86. Д. 40748. Л. 3.
- 208 Письмо Э. А. Асмуса Б. С. Стомонякову 19. 7. 1935. АВПРФ. Ф. 0135. Ф. 09. Оп. 21. П. 86. Д. 40749. Л. 66.
- 209 Справка о составе МС РККА на 1. 1. 1936. РГА ВМФ. Ф. р-2041. Оп. 1. Д. 72. Л. 9.
- 210 Выступление А. А. Жданова на бюро Ленинградского горкома ВКП(б) 29. 4. 1940. ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Д. 2612. Л. 12.
- 211 Постановление СУЗ СНК КАССР 26. 12. 1934. НА РК. Ф. 690. Оп. 10. Д. ¼. Л. 96.
- 212 Постановление СУЗ СНК КАССР 25. 3. 1935. НА РК. Ф. 690. Оп. 10. Д. 2/12. Л. 23.
- 213 Постановление Карельского обкома ВКП(б) от 1. 4. 1935. НА РК. Ф. 690. Оп. 10. Д. 2/19. Л. 1—7.
- 214 Там же. Л. 55—57.
- 215 Протокол совещания. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 489. Л. 33.
- 216 Протокол заседания бюро. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 495. Л. 19, 21.
- 217 Там же. Л. 20.
- 218 Письмо Э. А. Асмуса Б. С. Стомонякову 9. 11. 1935. АВПРФ. Ф. 09. Оп. 21. П. 86. Д. 40749. Л. 89—90.
- 219 Доклад полпреда СССР в Финляндии об итогах поездки по Карельской АССР в сентябре 1935 г. наркому иностранных дел М. М. Литвинову. АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 110. Д. 92. Л. 66—75.
- 220 Там же. Л. 66, 68—69.
- 221 Там же. Л. 69—70.

- 222 Там же. Л. 74.
- 223 Письмо Б. С. Стомонякова Э. А. Асмусу 16. 1. 1936. АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 19. П. 139. Д. 1. Л. 7.
- 224 Годовой отчет полпредства СССР в Финляндии за 1935 г. АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 122. Д. 117. Л. 26.
- 225 Письмо Э. А. Асмуса Б. С. Стомонякову 10. 2. 1936. АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 122. Д. 116. Л. 10—11.
- 226 Сводный дневник т. Асмуса. 18.2 — 12. 3. 1936. АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 122. Д. 116. Л. 24—25.
- 227 Доклад М. С. Чудова на пленуме Каробкома ВКП(б) 5. 10. 1935. НА РК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 253. Л. 18.
- 228 3-й пятилетний план развития народного хозяйства и культурного строительства КАССР (1938—1942 гг.) НА РК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 207/1498. Л. 64—72.
- 229 Доклад полпредства СССР в Финляндии. 8. 7. 1937. АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 20. П. 142. Д. 27. Л. 12.
- 230 Докладная записка о языке преподавания. 1937 г. НА РК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 67. Л. 8.
- 231 Совещание актива наркомпроса КАССР 3. 2. 1939. НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 130/1191. Л. 48. К созданию литературного карельского языка приступили еще в 1936 г. [*Antikoski*. S. 154].
- 232 Письмо НКО И. В. Сталину, август 1939. РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 483. Л. 228—229.
- 233 Распоряжение НКО СССР от 2. 9. 1939. РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 410. Л. 465, 467.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Материалы архивов

Российский государственный военный архив (РГВА), Москва

- Ф. 4 — Революционный Военный Совет СССР
- Ф. 9 — Политуправление РККА
- Ф. 25888 — Ленинградский военный округ
- Ф. 37977 — Оперативное управление Генерального штаба РККА

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), Москва

- Ф. 04 — Секретариат Г. В. Чичерина
- Ф. 05 — Секретариат М. М. Литвинова
- Ф. 09 — Секретариат Б. С. Стомонякова
- Ф. 010 — Секретариат Н. Н. Крестинского
- Ф. 0135 — Референтура НКВД по Финляндии
- Ф. 0149 — Референтура НКВД по Карелии

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РГАСПИ), Москва

- Ф. 17 — Фонд ЦК ВКП(б)
- Ф. 74 — Коллекция документов К. Е. Ворошилова
- Ф. 77 — Коллекция документов А. А. Жданова
- Ф. 325 — Коллекция документов Л. Д. Троцкого
- Ф. 495 — Польско-Прибалтийский лендерсекретариат

- Ф. 516 — Финляндская коммунистическая партия
 Ф. 525 — Коллекция документов Ю. Сирола

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва

- Ф. р-1318 — Наркомат по делам национальностей РСФСР
 Ф. 5446 — Совет Народных Комиссаров СССР — Совет Министров СССР. 1923—1991
 Ф. 9401 — Секретариат НКВД — МВД СССР

Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Москва

- Ф. 5675 — Учреждения по руководству переселением в СССР. 1925—1942, 1949—1954

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), Санкт-Петербург

- Ф. р-92 — Штаб Краснознаменного Балтийского флота
 Ф. р-914 — Организационно-плановое управление УВМС РККА
 Ф. р-1483 — Управление военно-морских сил РККА
 Ф. р-2041 — Морской отдел Генерального штаба РККА

Центральный государственный архив исторической и политической документации (ЦГАИПД), Санкт-Петербург

- Ф. 25 — Городской комитет ВКП(б)

Национальный архив Республики Карелия (НА РК), Петрозаводск

- Ф. Р-115 — Совет народного хозяйства Карельской Трудовой Коммуны
 Ф. Р-528 — Управление Кировской железной дороги
 Ф. Р-606 — Военный комиссариат Карельской АССР
 Ф. Р-698 — Государственный агропромышленный комитет КАССР (1923—1989 гг.)
 Ф. Р-690 — Совет Народных Комиссаров Карельской АССР (Совнарком, СНК КАССР)
 Ф. Р-700 — Государственная плановая комиссия при СНК КАССР (Госплан КАССР)
 Ф. Р-711 — Представительство СНК КАССР в г. Ленинграде
 Ф. Р-841 — Народный комиссариат труда КАССР (Наркомтруд КАССР)
 Ф. Р-841 — Колонизационный отдел Правления Мурманской железной дороги (1922—1931)
 Ф. 3 — Карельский обком ВКП(б)

Архив УФСБ по Республике Карелия, Петрозаводск

- Фонд СПО
 Фонд КРО

Национальный архив (Kansallisarkisto), Хельсинки

О ПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Во имя общего дела. Интернациональные связи Карелии 1917—1977 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1980.
2. Восемнадцатый съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1939.
3. ГУЛАГ в Карелии: Сб. материалов и документов 1930—1941. Петрозаводск, 1992.
4. Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1968.
5. Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962.
6. Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921—1925: Сб. документов. Петрозаводск, 1979.
7. Красная Карелия: Сб. документов. Петрозаводск, 1925.
8. Некоторые данные о работе Карельского правительства. Петрозаводск, 1929.
9. Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. 1926 г. — июнь 1941 г.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1984.
10. Сборник важнейших правительственных решений по вопросам строительства Карелии (за 1929, 1930 и январь месяц 1931 года). Петрозаводск, 1931.
11. Сборник узаконений и распоряжений по колонизации Карело-Мурманского края. Л., 1925.
12. Уроки войны с Финляндией: Неопубликованный доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б) 22 марта 1940 года // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 100—122.

Л ИТЕРАТУРА

1. *Антикоски Э.* Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 207—222.
2. *Афанасьева А. И.* Создание Советской национальной автономии и некоторые вопросы языкового строительства в Карелии // ВИЕС. 1987. С. 49—66.
3. *Афанасьева А. И.* Культурные преобразования в Советской Карелии. 1928—1940. Петрозаводск, 1989.
4. *Афанасьева А. И.* Начало. Образование Карельской Трудовой Коммуны и интернациональная помощь зарубежного пролетариата (1920—1921 гг.) // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 3—11.
5. *Барон Н.* Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920—1939 / [пер. с англ. Е. В. Мухиной]. М., 2011.
6. *Бекренев Н.* Канадские лесорубы в Карелии. Петрозаводск, 1932.
7. *Беляков А. А.* Участие Дмитрия Владимировича Бубриха в карелизации // Д. В. Бубрих. К 100-летию со дня рождения: Сб. ст. СПб., 1992. С. 106—111.
8. *Богкова Л. М.* Особенности индустриализации автономных республик и областей Российской Федерации (1926—1832) // История СССР. 1989. № 6. С. 144—152.
9. *Вихавайнен Т.* Внешняя политика Финляндии // Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 1: Политическая история. М., 1998. А. С. 37—69.

10. Власть и реформы. От самодержавия к Советской России. СПб., 1996.
11. Военный энциклопедический словарь. М., 1986.
12. **Гардин Е.С.** Советская Карелия в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.). Петрозаводск, 1955.
13. **Зонин С. А.** Адмирал Л. М. Галлер: Жизнь и флотоводческая деятельность. М., 1991.
14. **Иноземцев А., Никошенко И.** Очерки по истории пограничных войск в Карелии. Петрозаводск, 1944.
15. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.
16. **Кангаспуру М.** Взлет и падение красных финнов // Север. 1997. № 11—12. С. 114—123.
17. **Кангаспуру М.** Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 123—160.
18. **Клементьев Е. И.** Этносоциальные аспекты переписи населения 1926 года // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. А. С. 43—66.
19. **Клементьев Е. И.** Языковая ситуация в Карелии: состояние, тенденции развития // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. Б. С. 112—124.
20. **Лаврушина Н. В.** Из истории появления североамериканских финнов в Карелии в начале 1930-х годов // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. С. 176—189.
21. **Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.** Финская разведка против Советской России. Специальные службы России и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914—1939 гг.). Петрозаводск, 2004.
22. **Лаллукка С.** Штрихи к этнической карте северо-запада России (1926—1959 гг.) // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 42—65.
23. **Левкоев А. А.** Карельская автономия в системе Советско-финляндских отношений 1930-х гг. // Новое в изучении Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 101—121.
24. **Левкоев А. А.** Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920—1935 гг.): Препринт доклада. Петрозаводск, 1992.
25. Ленинградская область. Экономический обзор области, округов и районов и Карельской АССР. Л., 1928.
26. **Макуров В. Г.** Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии. 1933—1941 гг. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 135—159.
27. **Никитина О. А.** Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929—1932 годы). Петрозаводск, 1997.
28. **Никифоров П.** АКССР. М.; Л., 1932.
29. Очерки истории Карелии: В 2 т. Петрозаводск, 1964. Т. 2.
30. Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974.
31. **Пеллинен С.** О колонизационной работе в Карелии // Карело-Мурманский край. 1929. № 3. С. 7—10.
32. **Покровская И. П.** Население Карелии. Петрозаводск, 1978.
33. **Репухова О. Ю.** Дело о «контрреволюционном заговоре» в Карелии в 1932—1933 гг. («Заговор финского генштаба») // Политическая история и историография (от античности до современности): Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1996. Вып. II. С. 85—99.

34. **Ровио Г.** К задачам национальной политики в Карелии // Карело-Мурманский край. 1929. № 8—9. С. 1—3.
35. **Рыбак Е. Д.** Обеспечение лесозаготовительной промышленности Карелии рабочей силой в начальные годы индустриализации (1926—1928) // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 112—133.
36. **Сорокин В. В.** К истории разработки постановления СТО об освоении Карело-Мурманского края // История СССР. 1970. № 4. С. 107—116.
37. Социалистическая индустриализация Карельской АССР. Л., 1935.
38. **Строгальщикова З. И.** Языковая политика в Карелии и судьбы коренных народов // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. С. 4—15.
39. **Суни Л.** Ингерманландские финны // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 66—82.
40. **Такала И. Р.** Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 161—206.
41. **Такала И. Р.** Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 111—128.
42. **Такала И. Р.** Судьбы финнов в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 92—104.
43. **Такала И. Р.** Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992. С. 150—175.
44. **Филимонгик С. Н.** Об участии иностранных рабочих в индустриализации Карелии в годы первых пятилеток (1928—1937 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 145—156.
45. **Чухин И.** Каналоармейцы. Петрозаводск, 1990.
46. **Чухин И.** Карелия — 37: Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.
47. **Шумилов М. И.** Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973.
48. **Юргенс Б. А.** Карелия в плане ГОЭЛРО // История СССР. 1964. № 2. С. 118—125.
49. **Юргенс Б. А.** Карелия в плане ГОЭЛРО. Образование Кондопожского промышленного района: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1963.
50. **Яровой А. О** «карелизации», «финнизации» и «хромом барине». К 110-летию Эдварда Гюллинга // Север. 1991. № 11. С. 137—144.
51. **Aalto E.** Suomenkielisen aikakauslehdistön synty Neuvostoliitossa // Punalippu. 1987. № 4. S. 101—109.
52. **Allard S.** Stalin ja Hitler. Tutkielma Neuvostoliiton ulkopoliitikasta vuosina 1930—1941. Porvoo, 1972.
53. **Antikoski E.** «Uuven vuuven lahja». Karjalan kirjakieli 1937—1940 // Kansallisuus ja valtio. Karjala ja Komi nuoren Neuvostoliiton tasavaltoina 1920- ja 1930-luvuilla / Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen monisteita. N:o 5/1995. S. 151—173.
54. **Autio S.** Transition of Soviet Karelian forest economy from 1926 to 1932 // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 258—269.
55. **Autio S.** Suunnitelmatalous Neuvosto-Karjalassa 1928—1941. Paikallistason rooli Neuvostoliiton teollistamisessa. Helsinki, 2002.

56. **Copeland W. R.** Amerikansuomalaiset 'pyhiinvaeltajat' Neuvosto-Karjalassa // Historiallinen aikakauskirja. 1973. № 4. S. 287—300.
57. **Elfvengren E.**, Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918—1939. Juva, 2012.
58. **Fitzpatrick S.** The Russian Revolution 1917—1932. Oxford, 1984.
59. **Hämynen T.** Suomen unohdettu pakolaisongelma — loikkariliikenne Raja-Karjalasta Neuvosto Karjalaan // Studia Carelica Humanistica 1. Joensuu, 1989. S. 19—36.
60. **Hodgson J. H.** Edvard Gylling ja Otto W. Kuusinen asiakirjojen valossa 1918—1920. Helsinki, 1974.
61. **Hovi R.-L.** Amerikansuomalaiset osuuskunnat Neuvosto-Karjalassa 1920-luvun alkupuolella amerikansuomalaisten ja neuvostokarjalaisten sanomalehtien valossa // Turun historiallinen arkisto. 1971. № 24. S. 181—257.
62. **Hyvämäki L.** Fasistiset ilmiöt Baltian maissa ja Suomessa 1920-luvun lopussa ja 1930-luvulla // Historiallinen arkisto. 1977. № 72. S. 113—137.
63. **Juntunen A.** Valta ja rautatiet. Luoteis-Venäjän rautateiden rakentamista keskeisesti ohjanneet tekijät 1890-luvulta 2. maailmansotaan. Helsinki, 1997.
64. **Kalela J.** Right-Wing Radicalism in Finland During the Interwar Period // Scandinavian Journal of History. 1976. Vol. 1. № 1—2. S. 105—124.
65. **Kangaspuro M.** Nationalities Policy and Power in the 1920s and 1930s // Communism National & International. Tauno Saarela and Kimmo Rentola (ed.). Helsinki, 1998. P. 119—138.
66. **Kangaspuro M.** NeuvostoKarjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920—1939. Helsinki, 2000.
67. **Kaukoranta T.** Itä-Karjalan kysymyksen kehitys kansainväliseksi asiaksi. Helsinki, 1941.
68. **Kero R.** Neuvosto-Karjalaa rakentamassa: Pohjois-Amerikan suomalaiset tekniikan tuojina 1930-luvun Neuvosto-Karjalassa. Helsinki, 1983.
69. **Keynäs W.** Itä-Karjalan asia ja pakolaiskysymys vv. 1922—1925. Helsinki, 1926.
70. **Kronlund J.** Suomen puolustuslaitos 1930-luvulla // Sotilasaikakauslehti. 1988. № 4. S. 275—281.
71. **Lackman M.** Oliko Neuvosto-Karjala 1930-luvun pula-ajan El Dorado?: suomalaisten siirtolaisten kokemuksia ja näkemyksiä// Historioitsija — taaksepäin katsova profeetta: Mauno Jokipiille omistettu juhlaKirja. Studia historica Jyväskyläläisiä. 30. Jyväskylä, 1984. S. 215—242.
72. **Leskinen J.** The Silenced Bridge of Finland. Secret military cooperation between Finland and Estonia against the Soviet Union, 1930—1939 // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 116—128. А.
73. **Leskinen J.** Vaiettu Suomen silta. Suomen ja Viron salainen sotilaallinen yhteistoiminta Neuvostoliiton varalta vuosina 1930—1939. Helsinki, 1997. B.
74. **Levkojev A.** Neuvostoliiton Kommunistisen puolueen keskuskomitean Luoteisbyroo ja Karjalan autonomia vuosina 1921—1927 // Kansallisuus ja valtio. Karjala ja Komi nuoren Neuvostoliiton tasavaltoina 1920- ja 1930-luvuilla / Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen monisteita. N:o 5/1995. S. 41—50.
75. **Levkojev A.** Vienan Karjalan kapinan v. 1921—1922 vaikutus Karjalan autonomian kehitysprosessiin // Kainuussa ja Vienassa. Studia Carelica Humanistica 10. Joensuu, 1997. S. 127—134.
76. **Nevalainen P.** Karjala 1900-luvulla // Terra. 1993. Vol. 105. № 4. S. 291—298.
77. **Paasivirta J.** Finland and Europe. The early years of independence 1917—1939. Helsinki, 1988.
78. **Pratt J. W.** A History of United States Foreign Policy. Englewood Cliffs, 1972.

79. **Rintala M.** Three Generations: The Extreme Right Wing in Finnish Politics. Bloomington, 1962.
80. **Saarikoski V.** Keskustajääkäri Aarne Sihvo. Helsinki, 1997.
81. **Salomaa M.** Punaupseerit. Juva, 1992.
82. **Sélen K.** C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa 1931—1939. Keuruu, 1980.
83. **Takala I.** Eldoradoa etsimässä // Carelia. 1993. № 3. S. 4—25.
84. **Takala I.** Venäjän-Karjalan suomalaisten kohtaloita // Historiallinen aikakauskirja. 1991. 1. S. 42—48.
85. Talvisodan historia. Osa 1. Porvoo, 1977.
86. **Tigerstedt O.** Vastavakoilu iskee. Helsinki, 1943.
87. **Turtola M.** Aksel Fredrik Airo. Taipumaton kenraali. Keuruu, 1997.
88. **Turtola M.** Kiristynvä maailmantilanne ja Suomi. Turvallisuus- ja sotilaspoliittinen kehitys 1930-luvulla // Suomi kansainvälisessä kriiseissa. Turku, 1981. S. 88—103.
89. **Vahe J.** Kenraali Paavo Talvela. Sodan ja rauhan tehtävissä. Porvoo, 1994.
90. **Vahtola J.** «Suomi suureksi — Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988.
91. **Vahtola J.** Itä-Karjala Suomen politiikassa 1918—1922 // Terra. 1993. Vol. 105. № 4. S. 280—290.
92. **Vahtola J.** Östkarelen i finländsk politik 1917—1945 / Oulun yliopisto. Historian laitos. Eripainossarja. N:o 233. Oulu, 1990.
93. **Vehviläinen O.** Kansallissosialistinen Saksa ja Neuvostoliitto 1933—1934. Porvoo, 1966.
94. **Visuri P.** Evolution of the Finnish Military Doctrine 1945—1985. Finnish defence studies 1. Helsinki, 1990. P. 16.
95. **Yläräkkölä A.** Edvard Gylling. Itä-Karjalan suomalainen rakentaja. Keuruu, 1976.

Эрих Асмус (Eric Assmus) — Советский дипломат, полпред в Финляндии в 1935—1937 гг. 15 июня 1935 г. сообщил премьер-министру Финляндии Тойво Кивимяки, что в случае вооруженного конфликта в континентальной Европе СССР будет вынужден оккупировать некоторые финские территории. Арестован органами НКВД после возвращения из Финляндии, репрессирован.

Перевод с английского языка — Ю. М. Килин

Источник: http://en.wikipedia.org/wiki/Eric_Assmus

Григорий Исаакович Бройдо (первоначально Герш Ицкович; 1883—1956 гг.) — Советский государственный деятель.

Член РСДРП с 1903 г., меньшевик, с 1918 г. — большевик. Участник Первой Российской Революции (1905—1907) и Февральской революции в Ташкенте, был председателем Ташкентского Совета. В 1921 г. организатор и первый ректор Коммунистического университета трудящихся Востока, позже работал заместителем Наркомнаца, заведующим Госиздата СССР. В 1933—1934 гг. был первым секретарём ЦК КП Таджикистана. Затем работал заместителем Наркомпроса РСФСР, директором издательства. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1934—1939 гг. В период «культы личности» в 1941 г. был исключён из ВКП(б) и изолирован. В апреле 1953 г. амнистирован, в 1955 г. восстановлен в партии.

Источник: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%F0%E9%E4%E2_%C3%F0%E8%E3%E8%E9_%C8%F1%E0%EA%E2%E8%F7

Юхо Веннола (фин. **Juho Heikki Vennola**, 19 июня 1872 г., Улеаборг, Российская империя — 3 декабря 1938 г., Хельсинки, Финляндия) — государственный и политический деятель Финляндии, член Национальной Прогрессивной партии. По образованию экономист, работал профессором национальной экономики в Хельсинкском университете, депутат парламента Финляндии с 1919 по 1930 г.

Дважды возглавлял правительство Финляндии (с 15 августа 1919 г. по 15 марта 1920 г. и с 9 апреля 1921 г. по 2 июня 1922 г.), а также исполнял обязанности премьер-министра во втором правительстве [Свинхувуда](#) с 18 февраля по 21 марта 1931 г.

Веннола занимал должности помощника министра казначейства (1918—1919), министра торговли и промышленности (1919), министра иностранных дел (1922—1924) и министра казначейства (1930—1931).

Источник: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%Bo_%D0%AE%D1%85%D0%BE

См. также: http://en.wikipedia.org/wiki/Juho_Vennola

Климент Ефремович Ворошилов (23 января [4 февраля 1881 г., село Верхнее, Бахмутский уезд, Екатеринославская губерния, Российская империя — 2 декабря 1969 г., Москва, РСФСР, СССР) — Советский военачальник, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны, один из первых Маршалов Советского Союза.

С 1925 г. нарком по военным и морским делам, в 1934—1940 гг. нарком обороны СССР. В 1953—1960 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР. Дважды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда.

Климент Ворошилов родился 4 февраля 1881 г. в селе Верхнее Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, Российская империя (ныне город Лисичанск Луганской области, Украина), в семье рабочего-железнодорожника и подёнщицы.

В ноябре 1917 г., в дни Октябрьской революции, Ворошилов был комиссаром Петроградского военно-революционного комитета (по градоначальству). Вместе с Ф. Э. Дзержинским вёл работу по организации Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК). В начале марта 1918 г. Ворошилов организовал Первый Луганский социалистический отряд, оборонявший город Харьков от германо-австрийских войск.

В годы Гражданской войны — командующий Царицынской группой войск, заместитель командующего и член Военного совета Южного фронта, командующий 10-й армией, нарком внутренних дел УССР, командующий Харьковским военным округом, командующий 14-й армией и внутренним Украинским фронтом. Один из организаторов и член Реввоенсовета 1-й Конной армии.

В 1921 г. во главе группы делегатов X съезда РКП(б) участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. В 1921—1924 гг. — член Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. В 1924—1925 гг. — командующий войсками Московского военного округа и член РВС СССР.

После кончины М. В. Фрунзе Ворошилов возглавил военное ведомство СССР: с 6 ноября 1925 г. по 20 июня 1934 г. — нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР; в 1934 — 1940 гг. нарком обороны СССР. В 1940 г., после советско-финской войны, лишился поста наркома обороны.

В годы Великой Отечественной войны — член Государственного комитета обороны, главнокомандующий войсками Северо-Западного направления (до 5 сентября 1941 г.), командующий войсками Ленинградского фронта (с 5 по 14 сентября 1941 г.), представитель Ставки по формированию войск (сентябрь 1941 г. — февраль 1942 г.), представитель Ставки Верховного Главнокомандования на Волховском фронте (февраль — сентябрь 1942 г.), главнокомандующий партизанским движением (с сентября 1942 г. по май 1943 г.), председатель Трофейного комитета при ГКО (май — сентябрь 1943 г.), председатель Комиссии по вопросам перемирия (сентябрь 1943 г. — июнь 1944 г.). В 1943 г. участвовал в работе Тегеранской конференции.

В 1945—1947 гг. — председатель Союзной контрольной комиссии в Венгрии. В 1946—1953 гг. — заместитель председателя Совета Министров СССР. С марта 1953 г. по май 1960 г. — председатель Президиума Верховного Совета СССР. С мая 1960 г. — член Президиума Верховного Совета СССР. Депутат Верховного Совета СССР 1—7-го созывов (1937—1969).

Умер на 89-м году жизни 2 декабря 1969 г. Похоронен на Красной площади в Москве у Кремлёвской стены.

Библиография:

Акшинский В. С. Климент Ефремович Ворошилов : Биогр. очерк. М.: Политиздат, 1974. 287 с.: ил.

Кардашов В. И. Ворошилов. М.: Мол. гвардия, 1976. 368 с.: ил., фотогр.

Источник: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%88%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2_%D0%9A%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82_%D0%95%D1%84%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

Якуб Ганецкий (настоящее имя Яков Станиславович Фюрстенберг, партийные псевдонимы: Генрих, Куба, Микола, Машинист; 15 марта 1879, Варшава — 26 ноября 1937 г.) — польский и русский революционер, Советский государственный деятель.

Родился в 1879 г. в Варшаве в семье богатого торговца и промышленника (полонизированная еврейская семья). Согласно книге Н. Берберовой «Железная женщина», семья находилась в родстве с А. Парвусом. С осени 1901 г. учился в Берлинском, Гейдельбергском и Цюрихском университетах. С 1901 г. член СДКПиЛ. Участник революции 1905 г. в Варшаве, с 1907 г. член ЦК РСДРП. Входил в Русское Бюро ЦК РСДРП в 1908—1910 гг. Неоднократно подвергался арестам и высылался. Летом 1912 г. организовал переезд Ленина из Франции (Ленин жил в Париже) в Австро-Венгрию, где Ленин поселился в Кракове, и стал его ближайшим доверенным лицом и помощником. Есть подозрения, что именно через Ганецкого Ленин начал налаживать связи с военными и политическими властями Австро-Венгрии, желая поставить их ненависть к России на службу целям социалистической революции в Российской империи.

С августа 1915 г. — сотрудник созданного Парвусом в Дании «Института по изучению причин и последствий мировой войны» (Institute for the Study of the Social Consequences of War). Одновременно Парвус делает Ганецкого директором созданной им Торговой и Экспортной компании (официальное название по торговому реестру по-датски — Handels- og Eksportkompagniet AIS, по-английски — Trading and Export Company). Компания, которую Парвус учредил в Копенгагене, имела свою сеть агентов, которые курсировали между Скандинавией и Россией.

В январе 1917 г. был задержан датской полицией по подозрению в незаконной военной контрабанде и выдворен из страны. Был вынужден срочно перебраться в соседнюю Швецию. 31 марта 1917 г. во время проезда Ленина через Стокгольм был назначен им членом Заграничного бюро ЦК вместе с Воровским и Радеком.

Через неделю после победы Октябрьской революции Ганецкий приехал в Россию и был назначен заместителем Наркома финансов и управляющим Народным банком РСФСР. Входил в состав Советской делегации на переговорах в Брест-Литовске в 1918 г. В 1920 г. во время войны с Польшей участвовал в переговорах о мире с Польшей, в дальнейшем был членом правления Центросоюза и членом коллегий Наркомфина, Внешторга и Наркомата иностранных дел СССР.

В 1920—1922 гг. — торгпред РСФСР в Латвии. В 1921 г. подписал от имени РСФСР Карский договор 13 октября 1921 г. в городе Карс. В 1923—1930 гг. — один из руководителей и член коллегии Наркомата внешней торговли СССР. В 1930—1935 гг. состоял членом Президиума ВСНХ РСФСР. В 1932—1935 гг. на должности начальника Государственного объединения музыки, эстрады и цирка. В 1935—1936 гг. — начальник Управления цирков и парков культуры и отдыха Москонцерта. С 25 апреля 1935 г. — директор музея Революции в Москве. 18 июля 1937 г. арестован НКВД в своей квартире в Доме Правительства на набережной и расстрелян 26 ноября 1937 г. В 1954 г. посмертно реабилитирован.

Библиография:

Ганецкий Я. Воспоминания о Ленине. М., 1933.

Идашкин Ю. Тайна шалаша в Разливе. Екатеринбург: Каменный пояс, 1992.

Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши». М.: Вече, 1999. 656 с ISBN 5-7838-0530-0

Источник: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%Е0%ED%Е5%F6%EA%Е8%Е9,_%DF%EA%F3%Е1

Владимир Михайлович Гиттис (24 июня 1881 г., Петербург — 22 августа 1938 г., Москва) — Советский военачальник, командовал фронтами во время гражданской войны, командир (1935).

В 1902 г. окончил пехотное юнкерское училище. Участник первой мировой войны, в 1917 г. командовал Каспийским пехотным полком, полковник. После Октябрьской революции перешёл на сторону Советской власти. В феврале 1918 г. вступил в Красную армию. С августа 1918 г. — военрук северного участка отрядов Завесы. Командовал 6-й армией Северного фронта Красной армии (11.09.1918-22.11.1918). Командовал 8-й армией Южного фронта (01.12.—23.12.1918). Руководил контрнаступлением против армии ген. Краснова, завершившимся её полным поражением. Командовал Западным фронтом (с 22 июля 1919 по 29 апреля 1920 г.). С 15.05.1920 по 29.05.1921 г. — командующий Кавказским фронтом.

После гражданской войны командовал Заволжским, Петроградским военными округами. С 1921 г. состоял для особо важных поручений при Реввоенсовете республики. В 1925 г. вступил в ВКП(б). С 1926 г. — заместитель начальника снабжения РККА. С 1930 г. — уполномоченный Наркомата по военным и морским делам в Наркомате торговли, затем начальника отдела внешних заказов Наркомата обороны СССР.

Арестован 28 ноября 1937 г. Список «Москва-центр» от 20.08.1938 г. лиц, предназначенных к осуждению по 1-й категории (расстрел), в котором значится Гиттис, был подписан Сталиным и Молотовым. Осужден 22 августа 1938 г. ВКВС СССР по обвинению в участии в контрреволюционной военной организации и шпионаже приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян на Коммунарке.

Источник: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%Е8%F2%F2%Е8%F1%2C_%C2%ЕВ%Е0%Е4%Е8%ЕC%Е8%F0_%CC%Е8%F5%Е0%Е9%ЕВ%ЕЕ%Е2%Е8%F7

Эдвард Отто Вильгельм Гюллинг (**Эдвард Александрович Гюллинг**) (фин. Edvard Otto Wilhelm Gylling, 30 ноября 1881 г., Куопио, Великое княжество Финляндское, Российская империя — 14 июня 1938, СССР) — финский социал-демократический политик, депутат финляндского Сейма в 1908—1910 гг. и в 1911—1918 гг., революционер, начальник штаба Красной гвардии, первый руководитель Карельской ТК, доктор философских наук.

Родился 30 ноября 1881 г. в городе Куопио в семье, принадлежавшей к среднему классу. Его отец, Уно Александр Гюллинг, был районным инженером. Мать — Евгения Виктория Клотильда Генриетта Хельсингиус. В 1900 г. окончил лицей Ювяскюля

(Jyväskylä lyseo). В 1903 г. — университет Хельсинки по специальности «Политическая экономия и статистика». Занимался изучением жизни сельского трудового населения Финляндии.

В 1905 г. вступил в Социал-демократическую партию Финляндии, принадлежал к её левому, марксистскому, крылу. В 1906 г. женился на Фанни Элизабет Ахрен (швед. Fanny Elisabeth Achren, 17. 10. 1885—6. 09. 1944), дочери районного врача из Икаалинена. С 1 августа 1908 г. — депутат Сейма. В 1910—1918 гг. — доцент Хельсинкского университета. В 1913—1917 гг. член Исполкома СДПФ, а в 1917—1918 гг. — председатель СДПФ.

Во время Финляндской революции 1918 г. член революционного правительства, с апреля 1918 г. — начальник Главного штаба Красной гвардии. После поражения революции эмигрировал в Швецию. Работал в загранбюро ЦК компартии Финляндии.

В 1920 г. прибыл в Советскую Россию. В Москве он встретился с Лениным. Ленин одобрил идею Гюллинга о создании карельской автономии. Буквально через несколько дней вышло постановление Президиума ВЦИК РСФСР о создании Карельской Трудовой Коммуны. С июля 1920 г. по февраль 1921 г. Гюллинг — председатель Ревкома Карелии, затем председатель Исполкома Карельской Трудовой Коммуны. В 1923—1935 гг. — председатель Совета Народных Комиссаров Автономной Карельской ССР.

В январе 1935 г. на V пленуме карельского областного комитета ВКП(б) деятельность Гюллинга Э.А. и возглавляемой им «контрреволюционной» группировки осудили. В октябре того же года он был смещён со своего поста. В 1935—1937 гг. — сотрудник Международного экономического института в Москве.

17 июля 1937 г. арестован по сфабрикованному делу о якобы существовавшей в Карелии «контрреволюционной националистической организации Гюллинга — Ровио».

Подписан к репрессии по первой категории (расстрел) в списке «Москва-центр» от 10 июня 1938 г. на 88 чел., №25, по представлению начальника 8-го отдела ГУГБ НКВД ст. майора госбезопасности И. И. Шапиро. Подписи: Сталин, Молотов. Через четыре дня, 14 июня 1938 года, Гюллинг был осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации (ст. 58-1а-2-7-8-11 УК РСФСР) и в тот же день расстрелян на полигоне «Коммунарка». Реабилитирован 16.07.1955 г. Военной коллегией Верховного суда СССР.

Литература:

Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий = 100 suomalaista pienoiselämäkertaa venäjäksi / Ред. Тимо Вихавайнен (Timo Vihavainen); пер. с фин. И. М. Соломеща. Хельсинки: Общество финской литературы (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura), 2004. 814 с. ISBN 951-746-522-X. Электронная версия (Проверено 26 января 2009).

Tuure Vierros. Kalman poika. Edico, 2006. 216 с. ISBN 9789529976027.

Anna-Lisa Sahlström. Viimeinen ruhtinas. Teos, 2009. 302 с. ISBN 9789518511901.

Ylarakkola, Arvo. Edvard Gylling: Ita-Karjalan rakentaja (Finn-kirja (1976)) Finnish.

Hodgson, John H. Edvard Gylling ja Otto W. Kuusinen asiakirjojen valossa 1918—1920 (Tammi. 1974) Finnish.

Источник: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%FE%EВ%EB%E8%ED%E3,_%DD%E4%E2%Е0%Fo%E4,
http://en.wikipedia.org/wiki/Edvard_Gylling

Ирклис Пётр Андреевич, 1887 г. рождения. Место рождения: Латвия, г. Рига; латыш; член ВКП(б) в 1905—1937; делегат XVII съезда ВКП(б), секретарь Карельского обкома; место проживания: АКССР, г. Петрозаводск, Пушкинская ул., д. 10а, кв. 1.

Арест: 21.07.1937. Осужден 09.09.1937 — Военная коллегия Верховного суда СССР, выездная сессия в г. Ленинград. Обвинен по ст. 58-7-8-11 УК РСФСР. Расстрелян 09.09.1937. Источник: Ленинградский мартиролог: 1937—1938.

Источник: http://www.uznal.org/book_of_memory.php?bukva=8&name=19&surname=17&representation=1

Сергей Миронович Киров (настоящая фамилия **Костриков**) (15 (27 марта) 1886 г., г. Уржум, Вятская губерния — 1 декабря 1934 г., г. Ленинград) — Советский государственный и политический деятель.

Сергей Миронович Костриков родился в городе Уржум Вятской губернии 27 марта (15 марта по старому стилю) 1886 г. В 1904 г. — чертёжник в городской управе Томска, учился на подготовительных курсах Томского технологического института.

В Томске в ноябре 1904 г. вступил в РСДРП. Партийный псевдоним — Серж. В 1905 г. впервые участвовал в демонстрации и был арестован полицией. После выхода из тюрьмы возглавляет боевые дружины. В июле 1906 г. арестован и заключён в томскую крепость (тюрьму) на полтора года. С 1908 г. становится профессиональным революционером.

С 25 февраля 1919 г. — председатель временного революционного комитета в Астрахани, возглавляет подавление контрреволюционного мятежа (по официальной версии): расстреляны рабочие выступления. 24 мая 1919 г. расстрелян крестный ход в прославление святого Иосифа астраханского. В мае—июне 1919 г. курировал арест и расстрел митрополита Астраханского Митрофана и епископа Леонтия. В этом же году становится членом Реввоенсовета 11-й армии.

28 апреля 1920 г. в составе 11-й армии вступает в Баку, становится членом Кавказского бюро ЦК РКП(б), в июне 1920 г. — полпред Советской России в Грузии, в октябре 1920 г. — глава Советской делегации на переговорах в Риге по заключению мирного договора с Польшей. В 1921 г. на X съезде РКП(б) избран кандидатом в члены ЦК. В том же году он становится Первым секретарем ЦК компартии Азербайджана. В апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) избран членом ЦК РКП(б).

В 1926 г. С. М. Кирова избирают первым секретарём Ленинградского губернского комитета (обкома) и горкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

По утверждению историка О. В. Хлевнюка Киров, несмотря на благоволение ему Сталина, оставался маловлиятельной фигурой в Политбюро. Являясь членом Политбюро, Москву он посещал крайне редко, в голосованиях партийной верхушки участия почти не принимал, все его интересы ограничивались Ленинградом. Уделяя большое внимание развитию промышленности Ленинграда и всего Северо-Западного округа. Член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1930 г., с 1934 г. — секретарь ЦК ВКП(б) и член Оргбюро ЦК ВКП(б). Вечером 1 декабря 1934 г. в Смольном, где располагался Ленинградский горком и обком ВКП(б), С. М. Кирова убил выстрелом в затылок Леонид Николаев. Большинство современных исследователей сходятся на том, что убийца руководствовался личными мотивами — обидой или ревностью. Версия о ревности опирается на свидетельства о любовной связи Кирова с Мильдой Драуле, женой Леонида Николаева.

Библиография:

Киров С. М. Статьи и речи. 1934. М.: Партиздат, 1934. 186 с.: ил.

Нагаев Г. Д. Ради счастья: Повесть о Сергее Кирове. М.: Политиздат, 1974. 479 с., ил. (Пламенные революционеры)

Литература:

Попов Н. Н. Был и остаюсь коммунистом (О Н. Н. Крестинском) // Открывая новые страницы. М.: Политиздат, 1989. С. 244—252. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%83%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%B5%D0%B2_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

Василий Михайлович Куджиев (24 декабря 1889 г. — 1976 г.) — карел, Советский партийный деятель.

В мае 1917 г. — первый председатель исполнительного комитета Петрозаводского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. С мая 1917 г. по 4 января 1918 г. — председатель Исполнительного комитета Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. В 1918 г. преподавал политэкономия в народном университете в Петрозаводске. С 1919 г. — член РКП(б). С 7 августа 1920 г. по 19 февраля 1921 г. — член Карельского революционного комитета. В 1921 г. — заведующий Агитационно-пропагандистским отделом Карельско-Олонецкого губернского комитета РКП(б). В 1921—1922 гг. — ответственный секретарь Областного комитета РКП(б) Карельской Трудовой Коммуны, член исполкома Карельской Трудовой коммуны. В 1921 г. — ответственный редактор газеты «Коммуна» — органа Карельско-Олонецкого областного комитета РКП(б).

В 1941—1949 гг. — председатель Ленинградской областной коллегии адвокатов. В августе 1949 г. арестован и 18 марта 1950 г. осуждён к десяти годам лишения свободы. Реабилитирован и освобождён в 1954 г. В 1960 — 1970-е гг. выходили публикации В. М. Куджиева по истории Советской Карелии.

Источник: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%B5%D0%B2_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

Геннадий Николаевич Куприянов (21 ноября 1905 г., дер. Рыло, Солигаличского уезда Костромской губернии — 28 февраля 1979 г., г. Пушкин — Советский политический деятель, первый секретарь Карельского обкома ВКП(б) (1938—1940), первый секретарь ЦК КП Карело-Финской ССР (1940—1950), генерал-майор.

Родился в бедной крестьянской семье. С 13 лет работал плотником. В 1920 г. вступил в комсомол, в 1926 г. — в компартию. В 1931 г. закончил Совпартшколу в Костроме, после чего вернулся в Солигалич, где стал учителем обществоведения, а затем заведующим отделом пропаганды и агитации местного райкома. Окончил Всесоюзный коммунистический университет и перешёл на партийную работу в Ленинград, сначала в Дзержинский райком, затем — в Куйбышевский, первым секретарём которого он стал в 1937 г.

В июне 1938 г. — первый секретарь Карельского областного комитета ВКП(б) (с образованием Карело-Финской ССР — ЦК компартии республики). На XVIII конференции ВКП(б) (20 февраля 1941 г.) избран кандидатом в члены ЦК партии.

С началом Великой Отечественной войны вошёл в Военный Совет 7-й армии, затем в Военный Совет Карельского фронта. Присвоено звание бригадного, с 1942 г. дивизионного комиссара. После отмены спецзваний для политработников в конце 1942 г. стал генерал-майором.

В сентябре 1949 г. в карело-финской компартии была проведена большая проверка, результаты которой были предоставлены Маленкову. Куприянов был обвинён в ежегодном невыполнении планов в промышленности и сельском хозяйстве, покровитель-

стве скомпрометировавшим себя работникам, зажиме критики и отсутствии коллегиальности в работе. Эти обвинения неожиданно для Куприянова поддержал его заместитель Ю. В. Андропов, возможно рассчитывая занять место Куприянова.

Куприянов был формально снят со своего поста и отозван в распоряжение ЦК ВКП(б) 10 января 1950 г., однако фактически перестал выполнять свои обязанности ещё в 1949 г. 15 марта Куприянов был арестован и этапирован в Москву, через два дня заключён в Лефортовскую тюрьму, где подвергался пыткам. В октябре того же года был приговорён к высшей мере наказания, но вскоре получил отсрочку из-за отклонения Сталиным требования Маленкова о расстреле, после чего был помещен в камеру смертников. 17 января 1952 г. Военная коллегия Верховного суда СССР по статьям 58-1«а», 58-7, 58-10 ч.2 и 58-11 УК РСФСР осудила Куприянова к 25 годам исправительно-трудовых работ с конфискацией всего имущества. Отправлен в отдельный лагерный пункт № 5 в Инте (Коми АССР), однако уже в июле приговор был изменён на тюремное заключение, а 18 августа, за отсутствием состава преступления по ранее предъявленным статьям и переквалификации обвинения по ч.2 статьи 58-10 на статью 58-10 ч.1 УК РСФСР, смягчён до 10 лет тюремного заключения без конфискации имущества.

Освобождён 23 марта 1956 г. со снятием судимости, после чего вернулся в Ленинград. Реабилитирован 31 июля 1957 г. Оставшиеся годы провёл в Пушкине, где был директором дворцов и парков.

Библиография:

Куприянов Г. Н. От Баренцева моря до Ладоги. Л.: Лениздат, 1972. 376с.

Куприянов Г. Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск: Карелия, 1975. 232 с. 30 000 экз.

Куприянов Г. Свидетельствую публ. Л. Куприяновой // Звезда. 1989. № 3 С. 170—178.

Источник: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2,%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BD%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B9%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87>

Максим Максимович Литвинов (настоящее имя — **Меер-Генех Моисеевич Валлах** (Баллах), псевдонимы: Папаша, Максимыч, Феликс и др.; 5 (17 июля) 1876, г. Белосток Гродненской губернии, Российская империя — 31 декабря 1951, Москва, СССР) — революционер, Советский дипломат и государственный деятель.

Член ЦИК СССР 2—7-го созывов, депутат Верховного Совета СССР 1—2-го созывов. Член ЦК ВКП(б) (1934—1941). Родился в семье еврейского торговца. Учился в хедере, а затем в реальном училище. Закончив 1893 г. учёбу в реальном училище, поступил вольноопределяющимся в армию, служил пять лет в Баку в составе 17-го Кавказского пехотного полка.

В 1898 г. Литвинов становится членом РСДРП. В 1900 г. — член Киевского комитета РСДРП. Эмигрировал в Швейцарию. Участвовал в распространении газеты «Искра». После 2-го съезда РСДРП вступил в ряды большевиков, хотя, по его признанию, личные симпатии связывали его тогда с оказавшимися в числе меньшевиков Л. Д. Троцким, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич, Ю. О. Мартовым.

Во время революции 1905—1907 гг. Литвинов занимался закупкой и поставкой в Россию оружия для революционных организаций. Для этого он организовал в Париже специальное бюро с помощью Камо и нескольких других кавказских товарищей. С 1907 г. жил в эмиграции. В 1908 г. арестован во Франции в связи с делом о разбойном нападении в Тифлисе, совершенном Камо в 1907 г. (пытался разменять купюры, похищенные во время ограбления). Франция высылает Литвинова в Великобританию.

В Лондоне провёл десять лет. С января по сентябрь 1918 г. — дипломатический представитель Советской России в Великобритании (с января уполномоченный НКИД, с июня полпред РСФСР).

По возвращении в Россию в ноябре 1918 г. Литвинов был введен в состав коллегии Наркомата иностранных дел РСФСР. В декабре 1918 г. по указанию Ленина он был командирован в Стокгольм, откуда пытался установить контакты с представителями Антанты, и в начале 1919 г. возвратился в Москву. В марте 1919 г. участвовал в переговорах с приехавшим в Советскую Россию американским представителем Уильямом Буллитом. В 1920 г. назначен полпредом РСФСР в Эстонии. С 10 мая 1921 г. по 1930 г. — заместитель наркома по иностранным делам РСФСР (с 1923 г. — СССР) Г. В. Чичерина.

По совместительству — член коллегии наркомата Госконтроля и заместитель председателя Главконцесскома. В 1922 г. входил в состав Советской делегации на Генуэзской конференции. В декабре 1922 г. председательствовал на конференции по разоружению в Москве, куда были приглашены Польша, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия. В 1927—1930 гг. являлся главой Советской делегации в подготовительной комиссии Лиги Наций по разоружению.

В 1930—1939 гг. нарком по иностранным делам СССР. С уходом в 1939 г. с поста наркома прекратил активную политическую деятельность.

В 1941—1946 гг. — заместитель наркома иностранных дел СССР, одновременно в 1941—1943 гг. посол СССР в США и в 1942—1943 гг. посланник СССР на Кубе. Скончался 31 декабря 1951 г.

Библиография:

Arthur Upham Pope. Maxim Litvinoff. New York: L. V. Fisher, 1943.

Шейнис З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Издательство политической литературы, 1989.

Источник: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%BF%D0%CA%D0%CB%D0%CC%D0%CD%D0%CE%D0%CF%D0%DA%D0%DB%D0%DC%D0%DD%D0%DE%D0%DF%D0%EA%D0%EB%D0%EC%D0%ED%D0%EE%D0%EF%D0%F2%D0%F3%D0%F4%D0%F5%D0%F6%D0%F7>

Иван Михайлович Майский (настоящие имя и фамилия — **Ян Ляховецкий**; 7 (19) января 1884 г., Кириллов, Новгородская губерния — 3 сентября 1975 г., Москва) — Советский дипломат, историк и публицист. Член АН СССР (30.11.1946).

Сын военного врача — поляка, выходца из крестьянской семьи, впоследствии доктора медицины, учёного. Учился в гимназиях в Череповце и Омске. Затем учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета (исключён); окончил Мюнхенский университет. В 1903 г. вступил в РСДРП, меньшевик. В период революции 1905—1907 гг. член Саратовского Совета рабочих депутатов. В начале января 1906 г. арестован и отправлен в тобольскую ссылку. В 1908 г. эмигрировал в Германию, в 1912 г. переехал в Англию.

Вернулся в Россию в мае 1917 г. Член коллегии министерства труда Временного правительства. Летом 1918 г. был министром труда в Самарском правительстве КОМУЧа. За работу в эсеровском правительстве КОМУЧа был выведен из меньшевистского ЦК и исключён из РСДРП. Формально назначенный министром труда в колчаковском правительстве, фактически Майский провёл период гражданской войны в научной экспедиции в Монголии.

В феврале 1921 г. Сиббюро ЦК принят в РКП(б). Был назначен председателем только что образованного Сибирского Госплана. С 1922 г. — на дипломатической работе. Был заведующим отделом печати НКИД. Первый редактор журнала «Звезда». В 1922 г. вы-

председателя, член Президиума, заместитель начальника Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР, член Совета научно-технической экспертизы Госплана СССР (1921—1937, 1943—1951). Заведующий сектором истории народного хозяйства Института экономики АН СССР (1947—1952).

Профессор кафедры прикладной экономики, кафедры теории и техники статистики и экономической статистики МГУ (1921—1923). Вел преподавательскую работу в Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова (1929—1930), Московском государственном экономическом институте (1931—1950), научно-педагогическую работу в Академии общественных наук при ЦК КПСС (1948—1974).

Автор более 700 работ в области экономики, статистики, управления народным хозяйством, планирования, демографического прогнозирования, политэкономии социализма, экономической истории, научного коммунизма, социологии, философии. Автор одного из методов построения индекса производительности труда, т. н. индекса Струмилина. Под его руководством была разработана первая в мире система материальных балансов.

Источник: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%F2%F0%F3%EC%E8%EB%E8%ED,_%D1%F2%Е0%ED%E8%F1%EB%Е0%E2_%C3%F3%F1%F2%Е0%E2%EE%E2%E8%F7

Степан Тарасович Матузенко — полковник госбезопасности, нарком внутренних дел КАССР (01.1938 — 12.1938). Родился в 1897 г. в м. Теплых Гайсинского уезда Подольской губернии. В органах госбезопасности с декабря 1920 г. Окончил Высшую Пограничную школу в г. Москве. Решением областного комитета ВКП(б) КАССР от 26.12.1938 г. был лишен избирательных прав, исключен из рядов ВКП(б), снят с должности наркома НКВД КАССР. 28 января 1940 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР был осужден по статьям 58-1б, 58-11 Ук РСФСР, приговорён к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приведен в исполнение 29 января 1940 г.

Источник: <http://io.mvd.ru/mvd/history/chiefs/>

Борис Павлович Позерн (7 июля 1882 — 25 февраля 1939) — Советский партийный и государственный деятель.

Немец. Член Коммунистической партии с 1902 г. В 1903—1917 гг. вёл партийную работу в Нижнем Новгороде, Самаре, Москве, Вологде, Минске. Неоднократно арестовывался. После Февральской революции был первым председателем Минского совета. Делегат I Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. С июля 1917 г. — член Петербургского комитета РСДРП(б), делегат VI съезда партии. Накануне Октябрьского восстания был направлен ЦК РСДРП(б) в Псков, где находился штаб Северного фронта, после Октябрьской революции — комиссар штаба Северного фронта.

В 1921—1922 гг. — председатель Главного управления текстильной промышленности ВСНХ РСФСР. С 1922 г. — на партийной работе. В 1929 — 1933 гг. — секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), затем заведующий отделом культуры и пропаганды обкома. На XVI и XVII съездах ВКП(б) избирался кандидатом в члены ЦК партии. В 1937—1938 гг. — прокурор Ленинградской области. Входил в состав «тройки», подписывавшей расстрельные списки «врагов народа». В 1938 г. арестован. Приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 25 февраля 1939 г. В 1957 г. реабилитирован.

Источник: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%EE%E7%E5%F0%ED,_%C1%EE%F0%E8%F1_%CF%Е0%E2%EB%EE%E2%E8%F7

Густав (Кустая) Семёнович Ровио родился 11 (23 января) 1887 г. в Санкт-Петербурге в семье финского рабочего. В партии большевиков с декабря 1905 г. После Февральской революции выдвинут рабочими Гельсингфорса на пост городского полицмейстера. В августе — сентябре 1917 г. на его квартире скрывался от преследований Временного правительства В. И. Ленин. Активный участник рабочей революции в Финляндии. После ее поражения эмигрировал в Советскую Россию, жил в Вологде, затем в Петрограде. В 1929—1935 гг. ответственный секретарь Карельского обкома ВКП(б). После отстранения от руководства республикой в январе 1935 г. работал в Москве членом Верховного суда СССР. 10 июля 1937 г. арестован и 21 апреля 1938 г. осужден Военной коллегией ВС СССР приговорён к высшей мере наказания по обвинению в контрреволюционном троцкистском заговоре. В тот же день расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. Реабилитирован 16 июля 1955 г.

Источник: http://www.gov.karelia.ru/Karelia/2020/t/2020_7.html

Литература:

Markku Salomaa. Rovio, Kustaa Kansallisbiografia-verkkojulkaisu. 6.9.2001. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Viitattu 12.3.2011.

Борис Спиридонович Стомоняков (15 июня 1882, Одесса — 16 октября 1940, Москва) — российский революционер болгарского происхождения, Советский дипломат.

Родился в Одессе в болгарской семье. В 1900 г. вступил в РСДРП, большевик. Во время революции 1905 г. жил в Бельгии. При содействии секретаря международного социалистического бюро (орган II Интернационала) Камилла Гюисманса занимался закупкой оружия на оружейных заводах в Бельгии для поставки его в Россию боевым организациям революционеров. Оказывал помощь в покупке оружия большевистскому боевику Камо, прославившемуся своими экспроприациями. Долгое время находился в эмиграции.

В 1906 г. вернулся в Россию. Несколько раз арестовывался, но серьёзным преследованиям не подвергался. В 1910 г. отошёл от революционного движения. В 1915 г. вернулся в Болгарию, служил в болгарской армии (Болгария в это время находилась в состоянии войны с Россией).

В 1917 г. приехал в Россию. Работал по ведомству Наркомата иностранных дел. В 1920—1925 гг. торгпред в Берлине. В 1926—1934 гг. член коллегии НКВД СССР. 5 февраля 1932 г. подписал договор о ненападении между Латвией и СССР, а 4 декабря 1933 г. — Советско-латвийский торговый договор. С 1934 г. заместитель наркома иностранных дел СССР.

Арестован 17 декабря 1938 г. Включен в расстрельный список от 6 сентября 1940 г. ВК ВС СССР признан виновным в создании контрреволюционной троцкистской организации, шпионаже в пользу Германии, Великобритании и Польши и приговорен к расстрелу. Казнён 16 октября 1940 г. В 1988 г. реабилитирован.

Справка о деле Стомонякова

Труды Б. С. Стомонякова:

Стомоняков Б. Заграничная организация по доставке оружия в Россию в 1905 году. // Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг. М.: Старый большевик, 1934.

Источник: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%F2%E2%EC%E2%ED%FF%EA%E2%_C1%E2%F0%E8%F1_%D1%EF%E8%F0%E8%E4%E2%ED%E2%E8%F7

Андерс (Антти) Вернер Хакцель (20.9.1881, Миккели — 14.1.1946, Хельсинки) — финляндский буржуазный государственный деятель, дипломат, губернатор, последний премьер-министр Финляндии в период «войны-продолжения». Кандидат философии, юрист, вице-судья.

Губернатор Выборгской губернии в 1918—1920 гг., заместитель председателя (1930—1936), председатель Центрального совета работодателей Финляндии (1936—1945). Министр иностранных дел в правительстве Т. М. Кивимяки (1932—1936). Занимая должность премьер-министра Финляндии в ходе переговоров в Москве о заключении перемирия 14 сентября 1944 г., перенёс инсульт, от которого не оправился.

Перевод с финского языка — Ю. М. Килин

Источник: http://fi.wikipedia.org/wiki/Antti_Hackzell

Алексей Сергеевич Черных (1892 (1892), Селенгинск — 5 апреля 1940) — Советский дипломат. Член РКП(б).

1918 г. — сотрудник миссии РСФСР в Швейцарии. 1920 г. — секретарь делегации РСФСР на Советско-финляндских переговорах о заключении Юрьевского мирного договора. 1921 г. — секретарь, советник полпредства РСФСР в Финляндии. 31 июля 1921 — 9 июля 1925 гг. — Полномочный представитель РСФСР (с 1923 г. — СССР) в Финляндии.

9 июля 1925—1926 гг. — Полномочный представитель СССР в Латвии. 1926—1927 гг. — временный поверенный в делах СССР в Китае. 1927—1928 гг. — член Коллегии Центрального статистического управления при Совете Труда и Оборона СССР. 1928—1931 гг. — сотрудник Государственной плановой комиссии при СНК СССР.

1931—1933 гг. — вице-президент Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук. 1933—1935 гг. — член Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР. 1 апреля 1935 — 14 января 1939 гг. — Полномочный представитель СССР в Иране.

Арестован 16 мая 1939 г. 4 февраля 1940 г. за «шпионаж» приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни. Расстрелян 5 апреля 1940 г. Реабилитирован 10 октября 1956 г.

Источник: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B9_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87

Георгий (Юрий) Васильевич Чичерин (12 (24) ноября 1872, имение Караул, Кирсановский уезд, Тамбовская губерния, ныне Кирсановский район Тамбовской области — 7 июля 1936 Москва) — Советский дипломат, нарком иностранных дел РСФСР и СССР (1918—1930). Музыковед, автор книги о Моцарте. Член ЦИК СССР 1—5-го созывов, член ЦК ВКП(б) (1925—1930).

Чичерин родился в дворянской семье. Отец — Василий Николаевич Чичерин (брат историка права Б. Н. Чичерина), мать — баронесса Жоржина Егоровна Мейендорф, из остзейского дворянства, была внучкой, племянницей и двоюродной сестрой известных дипломатов.

Родители Чичерина принадлежали к пиетистам и воспитывали его в том же духе. Главными впечатлениями детства Чичерина были постоянные молитвословия, совместное пение религиозных гимнов, чтение Библии вслух.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1891—1896). В 1897 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел (где работал также его отец), работал в архиве МИД. С юных лет был эрудитом, полиглотом, серьёзно интересовался европейским модернизмом, был одним из выдающихся пропагандистов творчества Р. Вагнера и Ф. Ницше в России. В 1904 г. выехал в Германию, формально оставаясь на службе в Министерстве иностранных дел.

Член РСДРП с 1905 г., входил в берлинскую секцию КЗО. В 1907 г. Чичерин был избран секретарем Заграничного центрального бюро РСДРП и в этой должности был на лондонском съезде. В конце 1907 г. Чичерин был арестован в Берлине, осужден за пользование чужим паспортом, оштрафован и выслан из Пруссии. Некоторое время жил в Лейбене, близ Дрездена.

Во время Первой мировой войны жил в Лондоне. Член Британской социалистической партии. Один из организаторов и секретарь Комитета помощи русским политкаторжанам и ссыльнопоселенцам. После Февральской революции в России занимался отправкой политэмигрантов в Россию. 22 августа 1917 г. был арестован английскими властями, но вскоре освобождён. В январе 1918 г. приехал в РСФСР и был назначен заместителем наркома иностранных дел Троцкого, при этом Чичерин вступил в партию большевиков.

Подписал Брестский мир (3 марта 1918 г.), с 9 апреля, после перехода Троцкого в военный наркомат, стал и. о. наркома иностранных дел, с 30 мая народный комиссар по иностранным делам. Как нарком иностранных дел РСФСР и СССР (1918—1930) Чичерин внёс существенный дипломатический вклад в выведение Советской России из международной изоляции.

В 1921 г. заключил договоры с Турцией, Ираном и Афганистаном, по которым отдавалась вся российская собственность в этих странах. В 1922 г. возглавил Советскую делегацию на Генуэзской конференции, во время конференции подписал с германским министром иностранных дел Вальтером Ратенау Рапалльский договор.

В 1923 г. возглавлял Советскую делегацию на Лозаннской конференции, где был определен послевоенный статус турецких проливов. Подписал договоры СССР с Турцией и Ираном (1925, 1927). С 1930 г. — на пенсии. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Источник: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D7%E8%F7%E5%F0%E8%ED,%C3%E5%EE%F0%E3%E8%E9_%C2%F1%E8%EB%FC%E5%E2%E8%F7

Александр Васильевич Шотман (партийные псевдонимы Берг, Горский; 1880—1937) — Советский государственный и партийный деятель. Член ВКП(б) с 1899 г. 1-й Председатель ЦИК Автономной Карельской ССР.

Родился 25 августа (6 сентября) 1880 г. в селе Александровском Шлиссельбургского уезда Санкт-Петербургской губернии (ныне в черте Санкт-Петербурга) в семье рабочего. Окончил трёхклассное народное училище. С 15 лет работал токарем на заводах Леснера, Нобеля и Обуховском. В 1899 г. вступил в подпольный кружок РСДРП, в 1899—1901 гг. являлся членом петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Один из организаторов Обуховской обороны в мае 1901 г. Работая на заводе Нобеля (ныне завод «Русский дизель»), был в 1902 г. парторганизатором Выборгского райкома и членом Петербургского комитета РСДРП. Делегат II съезда РСДРП (Брюссель — Лондон, 1903), на котором с самого начала раскола примкнул к ленинскому крылу

(большевиком). После возвращения в Россию нелегально работал в Ярославле и Костроме в качестве члена Северного комитета, неоднократно подвергался арестам.

В период революции 1905—1907 гг. член Петербургского комитета партии, после высылки осенью 1905 г. — Одесского комитета. По возвращении в столицу был кооптирован в Петербургский комитет, снова работал в Выборгском районе. В 1908 г. член Центрального правления Союза металлистов; одновременно работал в подпольной организации Василеостровского района. В 1910—1913 гг. член Гельсингфорского комитета финляндской социал-демократической партии. В связи с провалом военной организации Балтийского флота бежал за границу. Направлен на подпольную работу в Россию. В ноябре 1913 г. был арестован в Екатеринославе и сослан на три года в Нарымский край. До 1917 г. находился в ссылке. После Февральской революции А. В. Шотман стал членом Томского комитета РСДРП(б), а затем был направлен в Финляндию. С июня — член Петроградского окружного комитета РСДРП(б), делегат VI съезда партии, член Предпарламента. После июльских дней осуществлял связь ЦК партии с находившимися в Разливе В. И. Лениным и Г. Е. Зиновьевым.

После Октября 1917 г. А. В. Шотман занял пост заместителя наркома почт и телеграфов. В 1918—1919 гг. член Президиума ВСНХ, в 1920 г. председатель Урало-Сибирской комиссии Совета Труда и Оборона, затем член Сибирского ревкома и председатель Сибирского ВСНХ. В 1921 г. председатель Экономического совещания (Экосо) Северного Кавказа, в 1922—1923 гг. Экосо Карельской Трудовой Коммуны. С 25 июля 1923 г. по конец 1924 г. А. В. Шотман был председателем ЦИК Автономной Карельской ССР. В 1925 г. председатель акционерного общества «Радиопередача». С 1926 г. работал в ВСНХ и Президиуме ВЦИК. С 1928 г. член президиума ВСНХ СССР. В 1930 г. член Комитета по делам Камчатки и Сахалина. Делегат XIII—XVII съездов партии, в 1924—1934 гг. член ЦКК. Член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1930-е гг. уполномоченный Президиума ВЦИК по особым делам, заведующий отделом кадров ВСНХ.

Арестован 25 июня 1937 г., 29 октября за «участие в антиСоветской троцкистской организации» приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Через день, 30 октября 1937 г., приговор был приведён в исполнение. Похоронен на Донском кладбище, могила 1. Реабилитирован 24 декабря 1955 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР.

Книги А. В. Шотмана:

Как из искры возгорелось пламя. М.: Молодая гвардия, 1935.

Записки старого большевика. 3-е изд. Л., 1963.

Библиография:

Ленинградский мартиролог. 1937—1938. Т. 5. СПб.: Издательство РНБ, 2002.

[Статья в Большой Советской Энциклопедии](#)

[А. В. Шотман на сайте Биография.ру](#)

Источник: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D8%EE%F2%EC%EO%ED,%C0%EB%E5%EA%F1%EO%ED%E4%FO_%C2%EO%F1%E8%EB%FC%E5%E2%E8%F7

Приложение 1

*Договор о ненападении и о мирном улажении конфликтов
(между Финляндией и Советским Союзом).
Подписан 21 января 1932 года*

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и Президент Финляндской Республики, с другой стороны, воодушевленные желанием содействовать укреплению всеобщего мира; убежденные в том, что принятие упомянутых ниже обязательств и мирное улажение всякого конфликта, могущего возникнуть между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой, соответствуют интересам обеих высоких сторон и будут способствовать развитию дружественных отношений и доброго соседства между обеими странами, заявляя, что ни одно из международных обязательств, принятых ими на себя ранее, не препятствует мирному развитию их взаимных отношений и не находится в противоречии с настоящим договором; желая подтвердить и дополнить генеральный договор об отказе от войны от 27 августа 1928 года; решили заключить настоящий договор и назначили в этих целях: Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик: господина Ивана Майского, чрезвычайного посланника и полномочного министра, и Президент

Подписание договора о ненападении. 21 января 1932 г., Хельсинки. Слева — министр иностранных дел Финляндии Арно Юрьё-Коскинен, справа — полпред Советского Союза в Финляндии Иван Майский

Финляндской Республики: господина барона А. С. Ирье-Коскинена, министра иностранных дел, каковые уполномоченные, после обмена своими полномочиями, признанными в должной и надлежащей форме, условились о следующих постановлениях:

Статья 1

1. Высокие договаривающиеся стороны гарантируют взаимно неприкосновенность границ, существующих между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой, установленных мирным договором, заключенным в Дерпте 14 октября 1920 года, который остается незыблемой основой их отношений, и обязуются взаимно воздерживаться от всякого нападения одна на другую.
2. Будет рассматриваться как нападение всякое насильственное действие, нарушающее целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой высокой договаривающейся стороны, даже если бы оно было совершено без объявления войны и с избеганием ее проявлений.

Протокол к статье 1

В соответствии с постановлениями статьи 4 настоящего договора, соглашение от 1 июня 1922 года о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность границы, не затрагивается постановлениями настоящего договора, а продолжает и впредь оставаться в полной силе.

Статья 2

1. Если одна из высоких договаривающихся сторон явится предметом нападения со стороны одной или нескольких третьих держав, то другая высокая договаривающаяся сторона обязуется сохранять нейтралитет в продолжение всего конфликта.
2. Если одна из высоких договаривающихся сторон совершит нападение против третьей державы, то другая высокая договаривающаяся сторона будет иметь право без предупреждения денонсировать настоящий договор.

Статья 3

Каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется не участвовать ни в каких договорах, соглашениях или конвенциях, явно враждебных другой стороне и противоречащих, формально или по существу, настоящему договору.

Статья 4

Обязательства, упомянутые в предшествующих статьях настоящего договора, не могут ни в каком случае нарушить или изменить международные права и обязательства, вытекающие для высоких договаривающихся сторон из соглашений, заключенных, или из обязательств, принятых на себя, до вступления в силу настоящего договора, поскольку они не заключают в себе элементов нападения в смысле настоящего договора.

Статья 5

Высокие договаривающиеся стороны заявляют, что они будут стремиться всегда разрешать в духе справедливости все споры, независимо от их природы или происхождения, которые возникли бы между ними, и что они будут прибегать, в целях их разрешения, исключительно к мирным средствам. В этих целях высокие договаривающиеся стороны обязуются передавать все споры, которые возникли бы между ними после подписания настоящего договора и которые не могли бы быть урегулированы в обычном дипломатическом порядке в разумный срок, согласительной процедуре в смешанной согласительной комиссии, права, состав и производство которой будут установлены в особой дополнительной конвенции, которая явится неотъемлемой частью настоящего договора и которую высокие договаривающиеся стороны обязуются заключить в возможно краткий срок, во всяком случае до ратификации настоящего договора. Согласительная процедура будет применяться также и в тех случаях, когда спор будет касаться применения или истолкования какой-либо конвенции, заключенной между высокими договаривающимися сторонами, в частности, вопроса о том, было ли нарушено или нет взаимное обязательство о ненападении.

Статья 6

Настоящий договор должен быть ратифицирован, и ратификационные грамоты его будут обменены в Москве.

Статья 7

Настоящий договор вступает в силу со дня обмена ратификационными грамотами.

Статья 8

Настоящий договор заключается на три года. Если он не будет денонсирован одной из высоких договаривающихся сторон с предупреждением, по крайней мере, за шесть месяцев до истечения этого срока, он будет рассматриваться как автоматически продленным на новый период в два года.

Статья 9

Настоящий договор составлен в двух экземплярах и по-французски, в городе Гельсинки, 21 января 1932 года.

В удостоверение чего уполномоченные подписали настоящий договор и скрепили его своими печатями.

И. Майский
А. С. Ирье-Коскинен

Источник: <http://heninen.net/sopimus/1932.htm>

Протокол о продлении договора о ненападении и о мирном улаживании конфликтов, заключенный между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией 7 апреля 1934 г.

7 апреля 1934 г.

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и Президент Финляндской Республики, руководимые стремлением обеспечить возможно более прочную базу для развития отношений между их странами, желая дать друг другу новое доказательство неизменности и прочности счастливо установившихся между ними мирных и дружественных отношений, воодушевленные желанием содействовать укреплению всеобщего мира, а также стабильности и мирному развитию межгосударственных отношений в Восточной Европе и констатируя, что заключение Договора, подписанного 21 января 1932 года в Хельсинки между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией, оказало благотворное воздействие на их отношения и на разрешение указанных задач, решили подписать настоящий Протокол, и для этой цели назначили своих уполномоченных, а именно:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик: Максима Максимовича Литвинова, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, Народного Комиссара по Иностранным Дела́м;

Президент Финляндской Республики:

барона Арно Ирье-Коскинена, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Финляндской Республики в Москве;

которые, по взаимном предъявлении своих полномочий, найденных составленными в должном и надлежащем виде, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Во изменение постановлений относительно срока и порядка прекращения силы Договора о ненападении и о мирном улаживании конфликтов, заключенного в Хельсинки 21 января 1932 года между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией, каковые постановления предусмотрены в статье 8 названного Договора, этот договор останется в силе до 31 декабря 1945 года.

Нарком иностранных дел СССР Максим Максимович Литвинов вместе с послом Финляндии в Москве бароном Арно Ирье-Коскиным подписывают 7 апреля 1934 г. протокол о продлении договора о ненападении 1932 г.

Статья 2

Настоящий Протокол составлен в двух экземплярах на французском языке. Настоящий Протокол должен быть ратифицирован в возможно короткий срок, и ратификационные грамоты будут обменены между Высокими Договаривающимися Сторонами в Хельсинки.

Настоящий Протокол вступит в силу со дня обмена ратификационными грамотами.

В удостоверение чего, поименованные выше Уполномоченные подписали настоящий Протокол и приложили к нему свои печати. Учинено в городе Москве, 7 апреля 1934 года.

Л. Литвинов

А. С. Ирье-Коскинен

Документы внешней политики СССР. М., 1971. Т. 17. С. 239 — 240.

Источник: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6754&CENTER_ELEMENT_ID=150946&PORTAL_ID=9164

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Агалатово	Западная Украина	Кухмониemi
Азия	Иломантси	Ладва
Англия	Ильинское	Ладожская Карелия
Андропова Гора	Ингерманландия	Ладожское озеро
Архангельск	Иона	Лапуа, с.
Архангельская губерния	Казахстан	Латвиярви
Астория, г.	Калевалы район	Латвия
Балтийское море	Канада	Ледмозеро
Балтика	Кандалакша	Лендеры
Баренцево море	Кандалакшский район	Ленинград
Белое море	Карелакша	Ленинградская область
Беломорская Карелия	Карелия	Лиекса
Белоруссия	Карело-Мурманский край	Лодейное Поле
Белорусская ССР	Карело-Мурманский район	Лоймола
Берингов пролив	Карельский перешеек	Лоухи
Бесовец	КАССР	Лоухский район
Биоркэ	Каяни	Лувозеро
Ведлозеро	Кемский район	Люття
Великобритания	Кемский уезд	Маньчжурия
Верхний Выг	Кемь	Масельская, ст.
Весьегонск	Кемь, р.	Медвежья Гора
Вешкелица, д.	Кестеньга	Медный Завод
Вешкелицы	Кестеньгский район	Мертуть
Видлица	Кивач	Монголия
Владивосток	Кивач, ст.	Москва
Вокнаволок	Киргизия	Московская область
Восточная Карелия	Княжая Губа	Мунозеро
Восточно-Сибирский край	Ковдозеро	Мурманск
Вуоксенвирта	Койриноя	Мурманская губерния
Выборг	Кольский полуостров	Мурманская область
Гамбург	Кондопога	Мурманский край
Германия	Кондопожский район	Мурманский округ
Гирвас	Кондуши	Мянтселя
Голицыно, ст.	Контокки	Нарва
Горьковский край	Корписелья	Нева, р.
Дальневосточный край	Костомукша	Немцев Поволжья АССР
Дальний Восток	Котлас	Норвегия
Женева	Кронштадт	Нуоккиярви
Забайкалье	Крымская АССР	Нурмес
Западная Белоруссия	Куусамо	Нюхча
Западная Сибирь	Кухмо	Оланга

Олонец	Свирь, ст.	Хумалиёки
Олонецкая губерния	Святозеро	Хюрюнсалми
Олонецкий район	Северная Америка	Чалки, д.
Олонецкий уезд	Северная Карелия	Чувашская АССР
Онежское озеро	Северное Приладожье	Чупа
Оселки	Северный край	Шала
Паданы	Сегежа	Швеция
Палалахта	Сегозеро	Шомба
Парандово	Сегозерский район	Шотозеро
Пенинга	Сестрорецк	Шуя
Петровский район	Сибирь	Эстония
Петроград	Скандинавия	Южная Карелия
Петрозаводск	Сорока	Юстозеро
Петрозаводский район	Сорока (Беломорск)	Юшкозеро
Пиелисьярви	Сортвала	Якутия
Питкяранта	Соткамо	Янисъёки
Плесецкая	СССР	Янисъёки, р.
Повенецкий уезд	Суда	Янисъярви
Польша	Суомуссалми	Япония
Поросозеро	Суоярви	Ярославская область
Поросозерская волость	Суурмяки	
Правобережная Украина	США	
Прибалтика	Сямозеро	
Пряжа	Сямозеро, с.	
Пряжинский район	Тарту	
Пудож	Тверская губерния	
Пудожский район	Тверская Карелия	
Пудожский уезд	Тверская область	
Реболы	Тикша	
Ребольская волость	Тикшезеро	
Ребольский район	Тихий океан	
Ревель	Тулемаярви	
Римская волость	Туломозеро	
Рованиemi	Тунгудское озеро	
Российская Федерация	Уймахарью	
Россия	Украина	
РСФСР	Уома	
Ругозеро	Ухта	
Ругозерский район	Ухтинский район	
Румыния	Финляндия	
Салла	Финский залив	
Санкт-Петербург	Франция	
Свирь, р.	Хельсинки	

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Анохин П. Ф.
Аполоник А. М.
Аримо Реймо
Асмус Э. А.
Аутио С.
Афанасьева А. И.
Барон Н.
Бройдо Г. И.
Бубрих Д. В.
Валлениус К.
Веннола Ю. Х.
Ворошилов К. Е.
Ганецкий Я. С.
Гитлер А.
Гиттис В. М.
Гюллинг Э.
Егоров Ф. И.
Жданов А. А.
Запорожец
Каганович Л. М.
Кангаспуру М.
Кастрен Рейно
Кастрен Ялмари
Каширин
Кивимяки Т.
Киров С. М.
Копп В. Л.
Крестинский Н. Н.
Куджиев В. М.
Куприянов Г. Н.
Лайдинен Эйнар Петрович
Лайне А.
Лангсет Х.
Литвинов М. М.
Лоренц И. Л.
Майский И. М.
Молотов В. М.
Муклевич Р. А.
Ниеминен П.
Никитин И. А.
Никольский
Нуортева А.
Оксала А.
Позерн Б. П.
Покровская И. П.
Ровио Г.
Свинхувуд П.
Сиrola Ю.
Сихво
Смирнов И.
Смирнов П.
Сталин И. В.
Стомоняков Б. С.
Струмилин С. Г.
Тайми А.
Такала И. Р.
Талвела Пааво
Тимонов В. Е.
Хакцель А.
Хлевнюк О. В.
Холсти Р.
Хонкаюури Маури
Черных А. С.
Чичерин Г. В.
Шотман А. В.
Эльвенгрен Ээро
Энкель О.
Ярвисало И. А.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКССР — Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика
 АРА — (American relief Administration) Американская администрация помощи
 БВВП — Беломорско-Балтийский водный путь
 ВКП(б) — Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
 ВМА — военно-морская академия
 ВМБ — военно-морская база
 ВРК — военно-революционный комитет
 ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
 ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
 ГПУ — Главное политическое управление
 Губком — губернский комитет
 Губисполком — губернский исполнительный комитет
 ИНО ГПУ — Иностраннный отдел Главного политического управления
 КАССР — Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика
 КТК — Карельская Трудовая Коммуна
 Карревком — Карельский революционный комитет
 Карчека — Карельская чрезвычайная комиссия
 КАО — Карельское академическое общество
 КБФ — Краснознаменный Балтийский флот
 КМК — Карело-Мурманский край
 КОО ГПУ — Карельский областной отдел Главного политического управления
 КРО — контрразведывательный отдел
 ЛВО — Ленинградский военный округ
 НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
 НКВД — Народный комиссариат иностранных дел
 НКВД — Наркомат внешней торговли
 ОГПУ — Объединенное главное политическое управление
 ПВО — Петроградский военный округ
 ПП ГПУ — Полномочное представительство Главного политического управления.
 РВС — Революционный Военный Совет
 РВСР — Революционный военный совет республики
 РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 РУ РККА — Разведывательное управление РККА
 РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
 РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
 СНК — Совет Народных Комиссаров
 ТВД — театр военных действий
 УВМС — управление военно-морских сил
 ЦИК — Центральный исполнительный комитет
 ЦК РКП(б) — Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков)
 ЦКК РКП(б) — Центральная контрольная комиссия РКП(б)

Научное электронное издание

Килин Юрий Михайлович

**Пограничная окраина великой державы:
Советская Карелия в 1923—1938 гг.**

Редактор *О. В. Обарзук*
Художественный редактор *О. В. Черняков*
Компьютерная верстка,
оригинал-макет
и оформление обложки *О. В. Черняков*

Подписано в печать 20.12.12. 1 CD-R.

125 Мб. Уч.-изд. л. 11. Тираж 200 экз. Изд. № 321.

№ гос. регистрации — 0321204296

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33

<http://www.petrSU.ru>

Тел. (8142) 711 001

Изготовлено в Издательстве ПетрГУ

185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33

<http://press.petrSU.ru/UNIPRESS/UNIPRESS.html>

Тел. / Факс. (8142) 781 540

makar@onego.ru

ISBN 978-5-8021-1500-8

9 785802 115008